Полковник Ф.И.Елисеев.

В ИНДОКИТАЕ-ПРОТИВ ЯПОНЦЕВ
И
В ПЛЕНУ У НИХ
1945

/ В Иностранном Легионе Французской армии /

Нью-Иорк, 1966 г.

ПРОТИВ ЯПОНЦЕВ В ИНДОКИТАЕ И В ПЛЕНУ У НИХ.

С О Д Е Р Ж А Н И Е:

— • —

Книга в 120 страниц листов большого формата. В ней - две географических карты района действий и кроки последняго боя. Фото автора в форме легионера Французской армии.

Выписывать по адресу: Th.Elyseev, 66 Ft.Washington Ave, Apt.25
New York, N.Y. 10032.

Цена книги с пересылкой - 3 $00

*

* *

И З Д А Т Е Л Ь

ПОЛКОВНИК Ф.И. ЕЛИСЕЕВ.

* * *

Published by COL.THEODORE ELYSEEV
66 Ft.Washington Ave, Apt.25
New York, N.Y. 10032

* * *

LEGION ETRANGERE

HONNEUR et FIDÉLITÉ

VALEUR et DISCIPLINE

* * *

EXTRAIT DE L'ORDRE

No.889/DN. du 9 Avril 1945

Le Général SABATTIER, Cdt Supérieur des T.F.E.C. - CITE a l'ordre du Corps d'Armée, avec attribution de la croix de guerre, avec étoile de vermeil : ELYSEEV, Théodore, dit ELYSSEYEFF du 5ème R.E.I. - Lieutenant. -

" Officier de Légion, d'un sang-froid remarquable faisant l'admiration de ses hommes a tous les combats journaliers menés depuis le 20 Mars 1945 par son calme et son mépris absolu du danger.

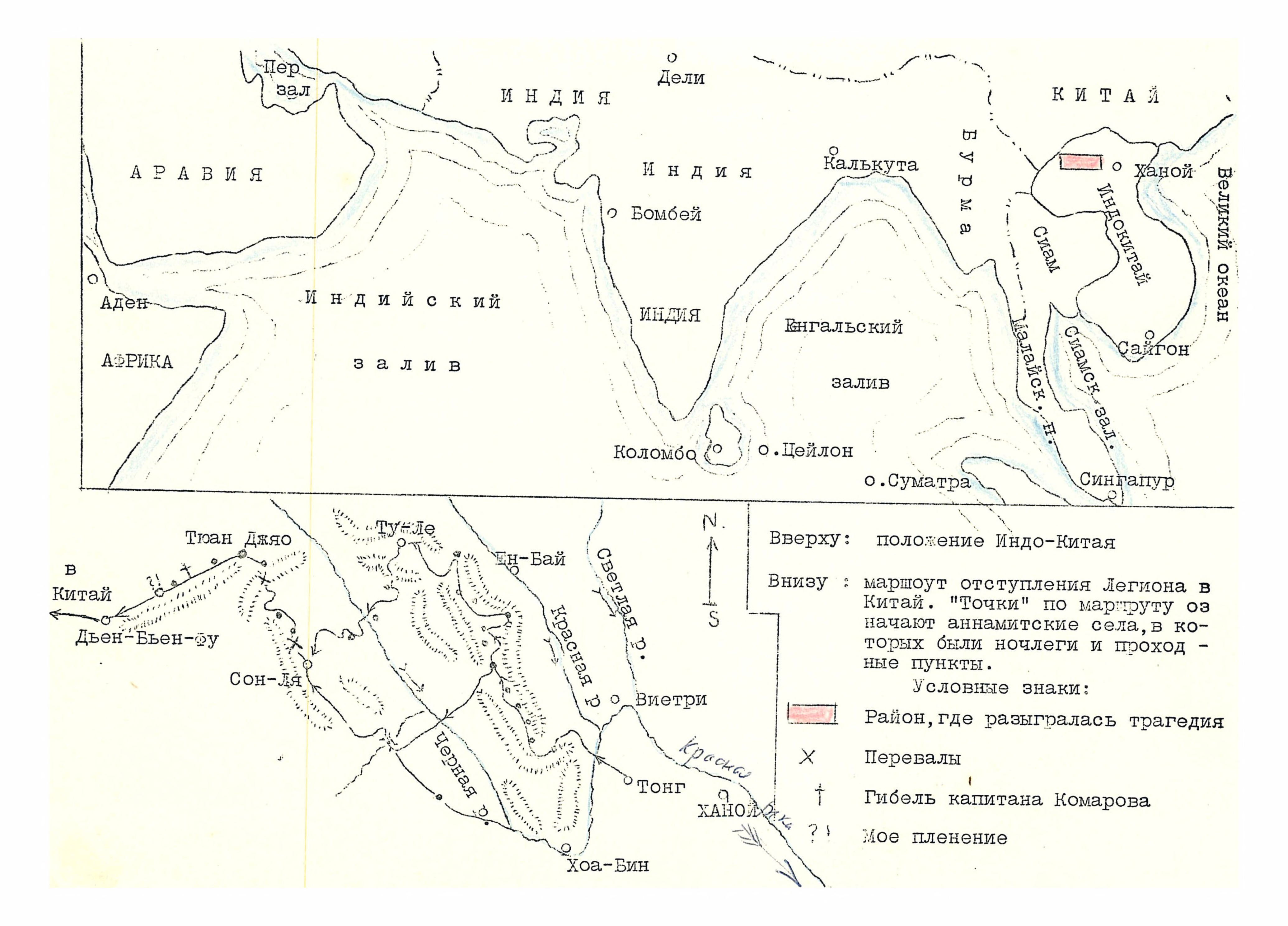
Fortement contusionné le 2 Avril 1945, alors qu'il commandait la section d'arrière-garde, protègeant le repli du bataillon, sous un feu violent et rapproché.- Porté disparu." -

Pour copie conforme:

Bel-Abbès, le 7 Mai 1947

Le Colonel GAULTIER

Commandant le Dèpôt Commun
des Régiments Etrangers.

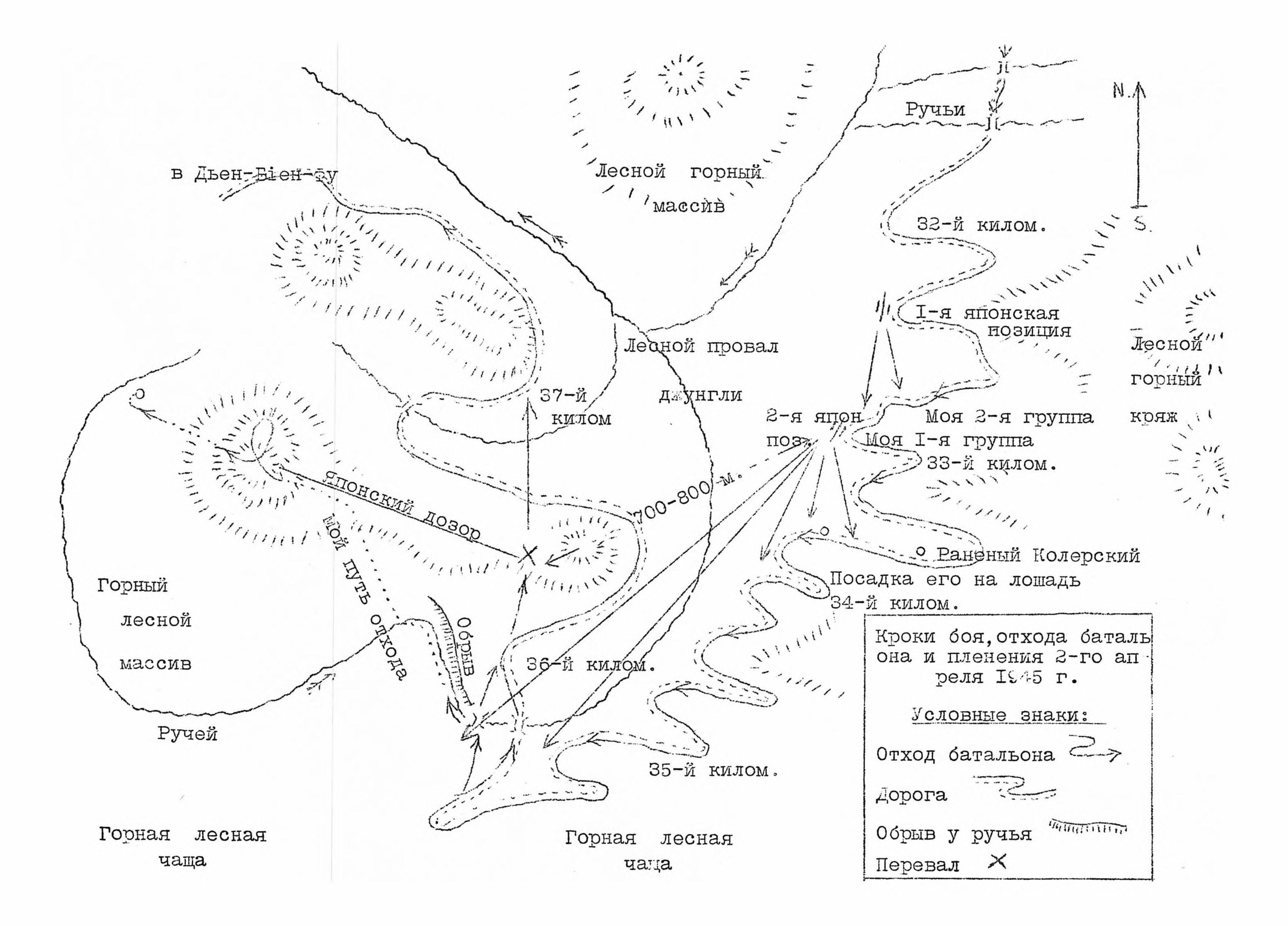

Вверху: положение Индо-Китая

Внизу: маршоут отступления Легиона в Китай. "Точки" по маршруту оз начают аннамитские села, в которых были ночлеги и проходные пункты.

Условные знаки:

- Район, где разыгралась трагедия
- X Перевалы
- † Гибель капитана Комарова
- ?! Мое пленение

в Дьен-Біен-фу
Лесной горный
массив
Ручьи
N.
S.
32-й килом.
I-я японская
позиция
Лесной
горный
кряж
Лесной провал
джунгли
37-й
килом
2-я япон
поз.
Моя 2-я группа
Моя I-я группа
33-й килом.
700-800 м.
Японский дозор
Мой путь отхода
Обрыв
Раненый Колерский
Посадка его на лошадь
34-й килом.
Горный
лесной
массив
36-й килом.
Ручей
35-й килом.
Горная лесная
чаща
Горная лесная
чаща
Кроки боя, отхода батальона и пленения 2-го апреля 1945 г.
Условные знаки:
Отход батальона
Дорога
Обрыв у ручья
Перевал

ПРОТИВ ЯПОНЦЕВ В ИНДО-КИТАЕ И В ПЛЕНУ У НИХ.

/ военно-исторический очерк,как исповедь одного офицера/.

ОТ АВТОРА.

В 1941 году,японский экспедиционный корпус,действовавший в Китайской провинции Юнан-Фу под давлением Китайских войск Фельдмаршала Чай-Кан-Шека - отступал.Позади него находился нейтральный Индо-Китай,колония Франции,где он мог найти свое убежище.В районе укрепления Лонг-Сон,в самом северном Индо-Китае,ему перегородили путь отступления немногочисленныя Французския колониальныя войска и один из баталионов 5-го Иностраннаго полка легионеров.Условия борьбы были неравные и французское командование вынуждено было заключить с японским "соглашение",по которому - японские войска могли отовсюду свободно входить на территорию Индо-Китая в качестве "союзников",для защиты этой колонии от американских,английских и китайских вторжений,совместно с находившимися там французскими вооруженными силами. И японцы вошли....

С этого дня,общеее положение во всем Индо-Китае, резко изменилось:хозяевами страны,фактически,стали японцы.И несмотря на их корректное поведение - нормальной жизни французскаго населения,пришел конец;случившимся фактом,оно было поставлено "на-дыбы".

Ненависть всех местных французов ко всему японскому,росла с каждым днем с почти нескрываемым озлоблением и презрением к ним,т.к.этот противоестественный союз был политически вредным и оскорбительным для французскаго национальнаго чувства.И он стал возможен потому,что большая часть Франции,была окуппирована немецкими войсками,союзниками Японии,и Германия диктовала стране ее политику.Лишь только одну выгоду видели французы в этом унизительном союзе: он,на несколько лет,отстрочивал,и отстрочил,обострение борьбы местнаго населения за свою полную политическую независимость перед Францией,-тепрь подчиненной Германии.

Негласно было известно,что французское командование в Индо-Китае,установило секретную связь с миссиями - американской и "Свободная Франция" Генерала де Голя,находившиеся в Чункине,при резиденции фельдмаршала Чай--Кан-Шека,и ждали от них помощи для своего освобождения.Об этом,конечно, очень скоро узнали японцы.Началась скрытая борьба.И когда общая военно-политическая атмосфера чрезвычайно остро,и неблагоприятно,стала складываться для "Оси,Берлин-Рим-Токио" - Японское правительство решило одним ударом покончить с местным неопределенным положением.После переговоров в столице Индо-Китая,в г.Ханой,японскаго и французскаго командования, носивший со стороны первых почти ультиматиный характер,не приведший к желаемым результатам для японцев - их войска,9-го марта 1945 года,ночью внезапно атаковали,разбили и разоружили все французские гарнизоны в Индо-Китае.Операция произведена была с большой решимостью и полным успехом.И только гарнизон военнаго лагеря в селе Тонг,в северном Тонкине,в в 40 километрах от столицы Ханой - успел уйти из своего расположения за шесть часов до предутренней атаки японцев.С боями,около 2-х месяцев,отступал он по джунглям в Китай,и ушел - чем спас честь своего воинскаго Знамени.

Во время этого тяжелаго по природным условиям местности похода,трагичность котораго усиливалась еще тем,что - за нами,по пятам,следовал враг сильный,смелый и решительный,жестокий и мстительный,для котораго в диких,почти непроходимых,джунглях не существовало самых элементарных "законов войны",и штыки котораго безжалостно заканчивали жизненный путь отсталых,раненых и пленных - я,офицер Французскаго Иностраннаго Легиона, отступая со своим полком,вел регулярно дневник; и теперь,по этим заметкам,описываю это отступление теми картинками и эпизодами,свидетелем и участникам которых был.По ним очень легко составить представление об этом походе,во всей его,ни чем не прикрашенной,действительности.Мой большой военный опыт 1-й Міровой войны 1914-17гг.и гражданской 1918-20 в которых я прошел все строевыя и боевыя командныя должности,начиная от младшаго офицера и до начальника конной дивизии своего родного Кубанскаго казачьяго Войска включительно,и последующий жизненый долгий опыт в сложной и безпокойной обстановке эмиграции,и работе в разных странах - приучили меня "заглядывать" туда,мимо чего скользил глаз молодого офицера-француза,не видавшаго горя.... И видеть там то,чего он,по своей неискушенности в жизни - никогда бы не заметил.

- . -

"Власть закона кончается там - где начинается непререкаемая власть совести.

Н а п о л е о н.

НЕОЖИДАННОЕ НАЧАЛО . . .

8-го марта 1945 года,около 11-ти часов вечера,ко мне на квартиру явился посыльный нашей пулеметной роты легионер Блюм /немец/ и доложил,что всем офицерам приказано немедленно же прибыть в расположение баталиона, а по какой причине - ему неизвестно.

В "картье" баталиона было тревожно.Все ворота огромнаго двора,огороженнаго высокой кирпичной стеной,были заняты сильными караулами при пулеметах.Баталионное противотанковое орудие "25-ти миллиметров" и тяжелые пулеметы - были направлены со двора в эти ворота,с приказанием,что - - если японцы атакуют "картье",т.е.,расположение баталиона - открыть по ним огонь.

Осмотрев позиции своей пулеметной роты,я был удивлен всем творящимся вокруг.Защищать нужно,ведь,подступы к селу,но не самыя казармы.

По слухам мы знали,что японское командование что-то замышляет против французских войск,а что именно - никто,кроме высших штабов,не знал.

Японцы в эту ночь нас не потревожили.Утро, 9-го марта,принесло нам некоторыя успокоительныя вести из Ханоя,однако,весь гарнизон Тонга продолжал оставаться в полной боевой готовности.

В тот же день,из Ханоя,прибыл в Тонг наш начальник дивизии,генерал Сабатье со своим штабом,который очень долго совещался со старшими офицерами,начиная с командиров баталионов.Кроме них и командиров рот - никто ничего не знал - что же именно происходит? и чем вызвана эта боевая тревога? Официально же - весь гарнизон Тонга,как и раньше - готовился - "к очередным трехдневным маневрам",ожидая противника с востока.Но на сей раз - он выходил с боевыми патронами и с полной мобиллизацией всех чинов наличнаго состава частей.И все младшие чины искренне думали,что мы, действительно,идем на очередные маневры.

Ровно в полночь на 10-е марта,весь гарнизон,но в очень спешном порядке

выступил на запад.С разсветом,пройдя около 10-ти километров от Тонга, роты нашего 2-го баталиона,заняли позиции фронтом на восток и ждали, как всегда,дальнейших распоряжений.

Было очень приветливое мягкое утро.Ярко светило солнце и окружающая нас природа была так тиха и прекрасна,что трудно было и представить,что уже началось "что-то" для нас очень страшное,и что - в нашем Тонге,ворвавшиеся туда японские войска,штыками уничтожили весь штаб гарнизона,переколов: начальника гарнизона,лейтенант-колонеля Марсэлэн /подполковника/,его пять офицеров, всех штабных сержантов /унтер-офицеров/,часовых и многих других чинов оставшихся там караулов.

Было часов 9 утра,как мы услышали далеко на восток глухие орудийные выстрелы.В полном недоумении,ничего не знающие,мы продолжали стоять на своих открытых,только для маневра выбранных,позициях.Но вот пришло от нашего командира баталиона,капитана де Кокборн,неожиданное распоряжение: - "Всем ротам спешно сняться со своих позиций и отходить к переправе через Ривьер Нуар /Черная река/,которая находилась в нашем тылу в 10-ти километрах.

Роты снялись и отходили по дорогам "как хотели"... И уж тут,на марше,нам сообщили - что японцы,ночью,неожиданно атаковали штаб нашего полка,находившагося в стороне и чуть в тылу от нас,в городке Виетри,на той стороне,при слиянии двух рек - Нуар и Клер /Черной и Светлой/,и разоружили его.Там жил командир полка с 10-ю офицерами и до 500 легионеров. Что сталось с командиром полка лейтенант-колонелем Беллок и полковым Знаменем - нам не было известно.

Командир бригады,генеральнаго штаба генерал Алессандри,находившийся с гарнизоном Тонга,видимо боясь,что нас могут отрезать японцы от Черной реки - приказал спешно переправляться через нее.

Наш баталион перешел небольшой перевальчик и подошел к самой переправе.Здесь происходило нечто невообразимое.Дорога была запружена двуколками,камионами и толпами легионеров,французских солдат и тирраерами ,т.е. - солдатами-аннамитами.Выпрягались спешно лошади из двуколок и чем то навьючивались.Двуколки сбрасывались в глубокий овраг,тянувшийся тут. Горели две легковыя машины автомобильной роты.Картина ясно говорила о чрезвычайной поспешности отступления.Мой ротный командир,капитан Гуйом, сидя на корточках - торопливо совал что-то из своих вещей в альпийский мешок и,ловко забросив его за спину,готовился спускаться куда-то книзу. Неудоменно и очень серьезно,я спросил его: /он моложе меня был на 15лет/

"Мон Капитен!... что такое здесь происходит?" С улыбкой он посмотрел на меня и как то неопределенно ответил:

"Пароны не в состоянии поднять все двуколки...поэтому их все и бросают здесь... из них берут все то,кто что хочет...Забирайте и Вы свои вещи и торопитесь к переправе".

Я продолжал не понимать происходящее,но повинуясь общему движению - взял свои вещи из офицерской двуколки и пошел... но не к переправе,а в направлении к последнему холму-позиции.На самом бугре стояло какое-то казенное здание.Оно было совершенно разграблено.Теперь у меня не осталось никаких сомнений,что мы не только что отступаем отсюда,но и разрушаем все,что бы ничего не осталось японцам.Значит положение серьезное - - подумал я.

Здесь,на вершине холма,встречаю командира наших двух баталионов Тонгского гарнизона,команданта Токхадзе,родом грузина.Я с ним дружен,а потому с откровенным удивлением спрашиваю его по-русски:

"Мон командант!..что это происходит? Почему мы не занимаем прочно вот эту позицию,что бы обезпечить возможность войскам спокойно переправиться через реку?"

Токхадзе окончил дворянскую русско-грузинскую гимназию в Тифлисе;потом был юнкером,уже,Грузинскаго военнаго училища там же;юнкером эвакуировался во Францию вместе со своим правительством в 1921 году,когда красные войска заняли Грузию;там окончил военное училище и считался настоящим французским и гражданином и офицером.Умный и хорошо воспитанный,он как то меланхолично ответил:

"Некем занимать.. все спешат к переправе.Да и приказано - незадерживаясь - уходить за реку".

Я иду к пристани.Уличка маленькаго аннамитскаго села так запружена людьми,что я с трудом протискиваюсь вперед.У самой пристани,на спуске к парому,стоит большой грузовой камион и личный автомобиль генерала Алессандри, оба завязшие в грязи.Выше,над спуском,стоит наш баталионный камион с продуктами "для маневров",а вокруг него,на этом малом пятачке земли - сплошная масса людей плечом-к-плечу,и лошадей,ждущих своей очереди на погрузку.Три-четыре парома на лодках с веслами,управляемые солдатами-аннамитами,и перегруженные до-отказа людьми и лошадьми - лениво, грузно,не торопясь - шли поперек реки,имевшей ширину около 250 метров, /150 сажень/.Никто ни кем не управлял и люди грузились на паромы когда и как хотели,перемешиваясь ротами.Все офицеры нашего баталиона были уже на той стороне,а здесь,на высоком берегу - стоял только один импозантный командант/майор/ Токхадзе в своем нарядном красном легионерском кепи, и мрачно смотрел на эту безпорядочную переправу.

Густым строем подошел с юга наш 1-й баталион капитана Гоше и,увидев полную застопоренность движения здесь,двинулся дальше на север и там приступил к переправе.

Начальник продуктоваго камиона нашего баталиона,увидевши,что у него нет никакой возможности переправить камион через реку - вдруг зычным голосом кричит в толпу всех солдат по-французски:

"Камарады!...Желающие - подходи с кружками и получай "шум-шум"!т.е. местную аннамитскую водку.

Подобная команда оказывает свое магическое действие на толпу,и она, с кружками в руках,ретиво устремилась к камиону.

Водка быстро роздана и выпита.Громадныя ведерныя бутыли и двух-ведерные деревянные боченки,как уже ненужный хлам,валяются возле машины на влажной земле от разлитой водки.

"Разбирай все,что есть в камионе!" властно кричит тот же голос легионера-немца - и толпа снова алчно устремилась на зов.Солдаты-аннамиты,с винтовками за плечами,словно прирученныя обезьяны,ловко карабкаются во внутрь камиона,толкают,щиплят и что-то злобно пищат друг на друга,сбрасывая вниз более слабых и менее ловких себя,что бы поскорее добраться до самой драгоценной для них добычи - риса.Наполнив им свои военныя сумки - они набивают сухим невареном рисом рты и жадно жуют.Правда,все мы были тогда голодны,не получив после ночного перехода еще никакой еды.

С камиона скоро полетели чемоданы с личными вещами,сундучки,ящики с консервами и бисквитами,канцелярския принадлежности,мешки с фасолью и горохом и громадные куски-туши не вареной свинины.Все жадно хватали кто что хотел и сколько мог,а я стоял в стороне,и с острым интересом наблюдал столь неведомую мне до сих пор картину,организованнаго самим начальством,безпорядочнаго,и деморализующаго солдат,расхищения казеннаго имущества.И все удовлетворенно успокоились лишь тогда,когда их сумки,карманы,руки - были переполнены до отказа разными с,едобными и нес,едобными предметами.А в это время,перегруженные паромы,неторопливо пересекали реку.Рядом с ними плыли лошади в поводу,а некоторыя из них,потеряв своих хозяев,и повинуясь стадному инстинкту,плыли самостоятельно,или назад или вперед,где берег казался им более близким.

Никто не знал и не интересовался - что происходит "на позиции"?которую должна была занимать только одна артиллерия.Да и есть-ли? Да и была ли где "эта позиция"? Об этом здесь,у парома,никто ничего не знал,да и не хотел знать!

Тонкая нить уже переправившихся людей,тяжело двигалась шагом на том берегу,направляясь в ближайшее аннамитское село.

Грузился баталионный санитарный обоз во главе с медесен-капитаном Каро. Из офицеров нашего баталиона уже никого больше не оставалось на этом берегу,и я,насмотревшись здесь "на разныя картинки" - с исключительно глубокой грустью,тихо спустился вниз,взошел на паром,оставив позади себя все те же толпы людей,гурты лошадей,которые,словно,и не убавлялись в своей многочисленности.

Выгрузились на другом берегу.Иду по общему течению людей.На песке горит какой-то сундук.Подхожу и вижу,как ярким пламенем горят книги и бумаги.Крышка сундука лежит рядом,на песке.Переворачиваю ее ногой и читаю:

"Канцелярия 2-го баталиона 5-го полка Иностраннаго Легиона".

Ну,вот - и все кончено.Погибла тут,даже,и канцелярия,символ управления войсковой единицы.

В стороне,метрах в 50-ти от дороги,на травке сидят все офицеры нашего баталиона и что-то едят.И едят так спокойно,точно сегодня ничего и не случилось экстроординарнаго.Они зовут меня к себе.Не останавливаясь,прохожу мимо них,охваченный невыразимой грустью - и от какого-то тяжелаго предчувствия,и под впечатлением картины полнаго развала,которую я наблюдал при переправе.

У околицы села стоит один из командиров роты 1-го баталиона,капитан Слюсаренко,старый и опытный офицер.Молодым офицером служа в армии Гетмана Скоропадскаго - при падении его режима,он был вывезен из Киева немецким командованием с другими офицерами в Германию в закрытых вагонах.Сразу же поступил в Легион и теперь он капитан и командир роты,считаясь образцовым офицером.

"Как дела,Елисеев?" кричит мне он издали.

"Переправа через Березину,через Березину!"досадливо отвечаю ему,и он в ответ - улыбается мне,чем показал полное свое сочувствие.

Около 18 ти часов,головныя части отряда сосредоточились в городке Хонг-Хоа,что в 6-ти километрах к западу от переправы,и передохнув - двинулись к горам,к селению Донг-Ван,куда прибыли с наступлением темноты. Долго потом подтягивались отсталые,и каждый,в ночном мраке,окликал свою роту,присоединялся к ней и располагался на ночлег на траве с мелким кустарником - кто,где,и как хотел и мог.. .Все были уставшие,голодные,печальные и ничего не знавшие о том - что же произошло и что происходит?

В горах было сыро и холодно.Все это представлялось мне каким то кошмаром.И только многочисленные костры среди спящих голодных и мерзнувших людей,да непрекращающиеся оклики отсталых,розыскивающие свои роты,говорили мне,что - "войны" еще нет,боя не было,но что мы уже разбиты....

Настало утро 11 марта.В штабе генерала Алессандри были собраны все командиры баталионов со своими ад,ютантами.Совещание происходило в доме богатаго аннамита и продолжалось долго.Оно сопровождалось завтраком и кофе.

В 9 часов утра,все баталионы двинулись куда то на юго-запад,вниз по лесной дороге.Три отличных легковых машины,с испорченными моторами,воткнулись в лес. Часам к 11-ти остановились на большой привал в селе Тао-Люйсен.Приказано подсчитать силы и переформироваться.Здесь к нам присоединился 3-й баталион нашего полка капитана Ленуар,бывший вчера на северной стороне Ривьер Руж /Красной реки/.

В нем сейчас было 10 офицеров и только 175 легионеров,тогда как на кануне рокового 9-го марта,он насчитывал в своих рядах 600 легионеров и 400 стрелков-аннамитов.Его 9-я рота с капитаном Ламинадас /грек по рождению/ - ушла самостоятельно к границе Китая.К нам не успела присоединиться 7-я рота нашего баталиона Капитана Куран,стоявшая в летнем лагере Ба-Ви,на нашей же стороне Черной реки,при которой находились девять американских летчиков, сбитых японцами в их полетах к нам из Китая.Где эта рота,и что с нею?- мы не знали.

В этом селе,по приказу генерала Алессандри,была произведена демобилизация всех стрелков-аннамитов,как ненадежный политически элемент и что бы избавиться от личнаго баласта полку Легионеров.

Собравшимся офицерам,наш командир баталиона капитан де Кокборн,приказал об,явить в ротах,что в дальнейший поход могут идти легионеры только по добровольному желанию.Остальные же могут оставаться здесь,или вернуться назад в "картье",где они будут военно-пленными японской армии.

После краткаго недоуменнаго молчания всех нас - командир 6-й роты, капитан Владимир Комаров /русский/,друг Кокборна и старше его как легионер, очень умный воспитанный и начитанный офицер,со скромной,но лукавой улыбкой,заявил ему:

"Если это об,явить в ротах,то более половины людей останутся здесь... и от баталиона с нами пойдет,может быть,столько легионеров,что хватит их только на одну роту"...

Снова воцарилось непродолжительное молчание,точно все задумались над таким щекотливым вопросом.Подумав,Кокборн сочувственно улыбаясь Комарову - тихо ответил:

"Да,это правда.Об,явить этого легионерам не нужно".

Я слушал и молчал.Все события и распоряжения,начиная с переправы через Черную реку вчера,очевидно,заранее не предусмотреной и не подготовленой, проведенной в полной дезорганизованности,при отсутствии всякой распорядительности,при отсутствии какого бы то ни было давления со стороны японских войск,когда на том берегу была брошена вся материальная часть всего гарнизона,а именно: - орудия трех батарей и 160 мулов к ним,все обозныя лошади гарнизона,почти вся санитарная часть с санитарными амбулансами,все грузовые камионы,четырехколесные фургоны,все двуколки. В общем - брошено "все колесное",моторизованное.И брошено в спешном,почти паническом порядке.Теперь поспешная демобилизация стрелков-аннамитов и предложение идти в поход только "желающим легионерам" - все это вместе взятое - навеяло на меня безнадежное уныние,глубокое недоумение и плохо скрываемое озлобление в отношении тех,кто допустил нечто подобное...

И эти чувства не покидали меня все дни и часы нашего последующаго "похода-отступления" и подорвали во мне всякую веру в успех нашего оружия.И дальнейшия события лишь укрепили меня в этом,а жуткая действительность - подтвердила.

В "5-м пехотном полку Иностраннаго Легиона Французской армии" - такое его официальное название - среди офицеров полка,по летам,я был старше всех,но был только лейтенант и командир пулеметнаго взвода.По производству же в офицеры - был годом старше самаго нашего бригаднаго командира Генерала Алессандри,что он и знал.Он выпуска 1914-го года.Мой же командир баталиона капитан де Кокборн,по производству в офицеры,т.е.по выпуску из военнаго училища,был моложе меня на 15 лет.Средняго роста,спортивно поджарый,неутомимый в походе и все время куда-то торопящийся.Светлый блондин хорошей дворянской фамилии из Нормандии.Фанатик военный и большой французский патриот.Пехотный офицер,но большой конник, отлично сидел в седле как кавалерист и увлекался скакать на препятствия довольно внушительной высоты.Со мною дружил,как с офицером-конником и мы часто скакали с ним на барьеры.Он словно испытывал меня "в седле" и старался перенят от казачьяго конника то,что было ему "ново".Мы дружили.

"Элизэ!" - так произносили мою фамилию французы. "Вы старый человек и можете не выдержать нашего тяжелаго похода в Китай,почему я разрешаю Вам,так же,остаться здесь...но Вы будете пленником японской армии",вдруг говорит он мне.

От оскорбления - кровь ударила мне в лицо.Став в положение "смирно", но не взяв руки под-козырек,и строго смотря ему в лицо - отвечаю:

"Я пойду туда,куда идет мой баталион!" Кокборн смолчал.Молчали и все офицеры.Мне тогда было 52 года. Сказал - и стал в положение "вольно".

В 15 часов этого же дня,весь отряд выступил дальше на запад - в Китай... В 2-х километрах от села,у дороги,одиноко тускло стояло брошенное противо-танковое орудие,25 миллиметровое,нашего 1-го баталиона.Возле него горела куча боевых патронов.Они безпрерывно взрывались.Это зрелище,почему то,очень развеселило легионеров.Они шутили и хохотали.Меня же охватила озлобленная тоска.

"Чему они смеются?! Ведь розыгривается жуткая трагедия нашего безпомощнаго отступления,грозящаго потерей воинской чести и знамени для Французскаго оружия!" - внутренне возмущался я.

Тогда я еще не знал подробностей,случившагося на перевальчике с материальной частью нашего баталиона,где,по приказанию командира моей технической роты капитана Гуйома - были брошены в Черную реку совершенно исправные к бою: - наше баталионное противотанковое 25-ти мм.орудие,все 12 тяжелых пулемета системы "Максима" и 2 бомбомета.Подобное оружие полагалось на каждый баталион и составляло очень сильную боевую силу каждаго баталиона.И брошено потому,- "что бы не досталось противнику",как сказал потом капитан Гуйом.Но противника мы еще и не видели!

Отряд шел по единственной колесной дороге,горами и лесом.Он переходил горные ручьи с плохенькими деревянными примитивными мостами и мосточками.Мотоциклетки с пулеметами то и дело обгоняли нас,потом застревали на переправах и снова обгоняли нас и пели свою "последнюю лебединую песнь",т.к.на этом переходе - все они были брошены за непригодностью для них этой дороги.

Около 19-ти часов,баталион расположился биваком на поляне выгоревшаго леса.Немедленно же запылали костры для варки пищи.Все были рады отдыху. И бивак так громко "заговорил" сотнями голосов и ржанием жеребцов,словно мы были не на войне,а на маневрах.

Часу в 21-м,к отряду присоединилась,наконец,наша 7-я рота,и ея командир капитан Куран,доложил баталионному командиру,что - в своем двух-дневном походе из Ба-ВИ /летний лагерь Легиона/,в поисках нас - он потерял полностью два взвода легионеров,все свои ручные пулеметы,все 42 лошадей своей роты,потерял свою собственную верховую лошадь,положенную ему по штату и потерял всех восемь американских летчиков-офицеров,вверенных ему для охраны от японцев.И от роты у него осталось 35 легионеров.Где же остальные - он не знает.

В этот вечер,чуть позднее,к нам присоединились и артиллеристы нашего гарнизона со своими командирами батарей,капитанами Арзюр и Буржуа..Они оставили на том берегу Черной реки все свои пушки,предварительно взорвав их,всю материальную часть,всех мулов и лошадей и всю орудийную прислугу из солдат-аннамитов.Ушли только офицеры и сержанты-французы - всего около 40 человек.Это было все,что осталось от трех батарей нашего гарнизона

Была очень темная ночь.Слушая все это - мне показалось,что кругом стало еще темнее....

В эту ночь,будто после тяжкой болезни - все спали крепчайшим сном.Она прошла спокойно.О противнике,где он? - мы ничего не знали.А утром 12 марта,отряд выступил дальше на запад и шел все время лесом и горами.

Во время этого перехода,командир баталиона капитан де Кокборн,шедший впереди,остановился,что бы пропустить мимо себя роты.Я был с ним. Увидев, что сержант Дользото /итальянец/,начальник противотанкового баталионнаго орудия и двух бомбометов,сам ведет в поводу лошадь с навьюченной на нее тушей свиньи,убитой на обед - он пришел вдруг в ярость.Злым голосом он приказал бросить лошадь и стать во главе своих бомбометов.Смелый на-слово,порою даже дерзкий,но отлично знающий и любящий свое дело - Дользото громко ответил,что он получил от своего ротнаго командира капитана Гуйома быть "начальником снабжения и питания роты".Это лишь усилило раздражение Кокборна и он еще строже повторяет свое приказание.Сержант делает вид,что подчиняется его распоряжению,и остановившись,своими черными плутовскими глазами,как будто ищет: кому бы передать лошадь?Баталионный резко поворачивается и уходит вперед,а Дользото недоуменно говорит мне:

"Мон льетенант!... бомбометов ведь нет!...По приказу нашего еапитана Гуйома - я сам бросил оба бомбомета в Черную реку еще позавчера'..бросили туда и все пулеметы... э,алор!" /вот что!/ - добавляет он печально и сконфуженно,этот крупный,сильный,всегда бодрый и мужественный парень-служака.

"Ка-а-к?!" - в ужасе воскликнул я. "В реку брошены все пулеметы?!.. Почему!?" - забросал я его короткими тревожными вопросами.

"Гм... Я не знаю.. дан был приказ и мы бросили"... неодобрительно и печально говорит он мне,бывшему долгое время офицером в его роте.

"Никто нас не преследовал там.... и первый свой патрон - я выпустил вчера вот в эту свинью",продолжил он.И с улыбкой кивнул на перекинутую через седло тушу....Но я не стал больше его слушать.И так.... все вооружение нашего баталиона теперь состоит из нескольких ручных пулеметов и карабинов,и во всем отряде нет и одного орудия....

— • —

На следующий день,13 марта,утром,на виду всего отряда,у села Фу-Кук, шло долгое совещание старших начальников над развернутой картой.Наконец определили маршрут и двинулись.Главныя силы с генералом Алессандри на юго-запад,а наш баталион на северо-запад.

Только теперь,мы,младшие офицеры узнали - какия силы успели уйти от японцев из своих гарнизонов севернаго Тонкина.Это были: - Все три баталиона нашего полка,силою около 1.500 легионеров,один баталион 1-го Тонкинскаго полка стрелков-аннамитов при французском командном составе со своим командиром полка полковникрм Франсуа,60 офицеров и сержантов авиации и 40 человек артиллеристов трех батарей,офицеры и сержанты только.

— • —

Наш баталион вошел скоро в лесной кряж и пошел вдоль русла горной речки,без дорог и троп.'.В этот день баталиону пришлось совершить исключительно трудный переход.Долго шли по высохшему руслу реки,усеянной валунами. Выползали на берег,в поисках пешеходных тропинок,и снова спускались на русло с мелкой водой.Потом поднимались на лесистые кряжи и вновь спускались вниз.Шли шли шли - неведомо куда,держа путь только на северо-запад. С баталионом шли и 40 артиллерисв.Шли в колоне "по-одному" и очень растянулись.К вечеру спустились в узкую долину-котловину и,с заходом солнца, подтянув свои "хвосты" - заночевали в селе На-Нгуак.Немедленно же запылали костры и послышались частые ружейные выстрелы по селу: то легионеры "били" свиней себе на ужин,не спрашивая хозяев-аннамитов....

В 7 часов утра 14 марта выступили дальше .Перешли новый горный массив и переправившись через очень бурную,и довольно широкую,горную реку Нгай-Лоа,дно которой было сплошь усеяно большими и скользкими валунами - через 2-3 километра,у села Донг-Бо - подошли к шоссированой дороге Йен-Бай, - Нджиа-Ло. Город Йен-Бай оставался в 40 кил.у нас в тылу и на фланге;и мы узнали,что он уже занят японцами.По шоссе,на камионах - японская пехота

в любую минуту могла появиться здесь и отрезать баталион от пути отхода в Китай.Это было бы для него катастрофой.

Приказано было внимательно наблюдать за дорогой,для чего к шоссе была выдвинута рота капитана Гуйома.Отряд же расположился "на большой привал" до 18-ти часов вечера.

Я и капрал Эхлерт /немец/,в качестве конных разведчиков,находились у самой дороги,являясь "глазами и ушами" отряда.

Шел мелкий нудный дождь.Было сыро и неуютно кругом,и время тянулось безконечно медленно.

Японцы не подошли и отряд,скользнув на шоссе - быстро двинулся на запад..Колона,в своем скором шаге,сразу же растянулась.Скоро наступила ночь с стало так темно,что в 10-и метрах,ничего не было видно.Следовать верхом было совершенно невозможно.Мы спешились.К нам подошли офицеры головной роты и мы,при помощи спичек,и ощупью,искали в безконечных изгибах дороги,ея продолжения.В таких условиях отряд делал не более трех километров в час.Люди очень устали.Ясно было,что в эту ночь,нам не дойти до намеченнаго села,что бы оторваться от японцев,цели сегодняшняго перехода,до Нджиа-Ло,почему,в полночь остановились на ночлег в большом селе Кок-Лио.До Нджиа-Ло оставалось еще 18 километров.

15 марта,в 7 ч.утра,двинулись дальше.Вскоре начался сильнейший тропический дождь,И когда отряд добрался до Нджиа-Ло - все были промокшие насквозь.

В этом селе был большой привал.Здесь находился французский административный центр этого района.В нем много лавок,что всех обрадовало.Легионеры были истрепаны в одежде,и в особенности в обуви.Редко у кого был табак,т.к.не только что рядовые,но и младшие офицеры не были предупреждены об открытии военных действий .Выступили,ведь,"в трех-дневные маневры",почему легионеры были одеты,как всегда,в самые худшие полу-военные синия нитяныя блузоны и обуты в худшие свои ботинки.Все были без шинелей и без запаснаго белья.Табаку взяли только на три дня,как и денег только на "каскруты" /на завтраки/.Поэтому,лучший здесь магазин богатаго китайца,переполненый различными французскими напитками,печеньем,сахаром,обувью - оказался как нельзя кстати всем.У кого были деньги - те кинулись за покупками,а безденежные легионеры - начали шуметь.И был острый момент, когда дело чуть было не дошло до грабежа....И только своевременное выставление караула - спасло хозяина от непредвиденных убытков....

Самая возможность такого настроения у легионеров,да еще на своей территории - меня несказано удивило и возмутила.Как оказалось потом - я еще недостаточно знал психологию их,иль - нравов в Легионе....

Хорошо поели,отдохнули,а многие успели и "знатно" выпить.С запасами табака и другой мелочи - в 15 часов двинулись дальше.А куда? - кроме командира баталиона,как начальника "отдельнаго отряда"и двух старших офицеров над ним,команданта Токхадзе /и еще кого-то/,никто не знал.

Пройдя всего лишь 8 километров - под проливным дождем,отряд остановился на ночлег в маленьком аннамитском селе,состоявщем из несколько бамбуковых сараев на высоких столбах.На каждую роту пришлось только по одному сараю.Все промокли до костей.В сараях было очень тесно.Почти половина легионеров расположились под открытым небом.Всю ночь шел дождь.Вода для варки пищи и питья была далеко.Вообще,во время всего похода,элементарное военное требование - располагать войска поблизости к воде - никогда не соблюдался.До глубокой ночи легионеры сушили свою убогую одежду на кострах из мокраго бамбука и только после полуночи уснули мертвым сном измученных душей и телом людей.

Как и во все дни,16 марта,в 7 часов утра,отряд выступил на северо-запад,в село Фу-Ла.Здесь кончилась колесная дорога,а дальше,в Китай,вели

одни горныя тропы.Мы в нервном возбуждении торопились добраться до этого пункта,т.к.за ним отпадала всякая опасность,что японцы догонят нас на камионах.

После большого привала с 11-13 часов - отряд начал подниматься на высокий длинный перевал.День был хороший,сухой.Дорога широка и суха.Шли бодро и быстро.Все стремились душею вперед,в "спасительный Китай".На мягкой глинисто-песчаной почве,ясно были видны следы нескольких легковых автомобилей.За перевалом,под снова начавшимся дождем,отряд спустился в маленькое село,расположенное лесной котловине.В нем было всего шесть домов -дворов,утопающих в глубокой жидкой грязи.Но село оказалось достаточно богатым в смысле продуктов,и фуража для наших немногих лошадей.Продолжавшийся дождь мешал развести костры и люди получили свой горячий ужин только с наступлением темноты.

За ночь нашей стоянки,село было сильно "об,едено" отрядом.Большинство жителей,принадлежащих к какому то горному монголо-китайскому племени, при нашем приближении,бросило свое имущество и поспешно скрылось в окружающих горных лесах.Оставшаяся хозяйка дома,где остановились все офицеры и штаб отряда - проплакала всю ночь,видя гибель своего животнаго и пернатаго царства,до-чиста с,еденнаго нами.Сидя у камина ея кухни со штабными легионерами - напрасно я пытался ее успокоить через переводчика, юнкера-аннамита Минх,уверяя,что завтра утром,ей будет за все уплачено.

Эта полудикарка недоверчиво поглядывала на меня и продолжала безвучно лить свои слезы по,когда-то,видимо,очень красивому,точно высеченному из камня,монгольскому бледному лицу.

Легионеры штаба,из-за грязной погоды,что бы не охотиться во дворе - зарезали квочку.Цыплята разбежались.И один из них,спрятавшись где то - жалобным писком,и всю ночь,звал "свою мать",надрывая душу жалостливых людей.

Пришло утро 17-го марта.Как всегда - сборы были очень короткие.Я стою у порога и жду выхода баталионнаго командира.Я уже знаю,что разсчета не было.Капитан де Кокборн торопливо выходит из хижины.Он всегда чем то озабочен,почему его сухое лицо делается злым.Здесь между нами произошел короткий,но сильный диалог:

"Мон капитэн!". обратился я к нему. "Хозяевам не уплачено за все,что мы взяли у них вчера".

Он косо,и многозначительно,посмотрел на меня сквозь стекла пенсне,и ничего не ответил.

"Ведь это же грабеж!" продолжил я.

Он резко повернулся ко мне и вызывающе бросил:

"Самые большие грабители - это казаки!"

"Сто лет тому назад - может быть... и во Франции...во времена Наполеона!" отпарировал я ему.

"О,мэрд аллер!" /свободный перевод - "О,чорт возьми!"/,буркнул он свою любимую фразу-ругань и скорым шагом пошел к своим ротам.Наша "кавалерийская"дружба получила трещину...

- • -

Как правило - отряд ежедневно выступал в 7 часов утра;около полудня делал двух-часовой большой привал с роздачей горячей пищи,выступал дальше,и на ночлег останавливался около 20-ти часов,т.е.около 8-ми вечера.

В отряде было вдоволь мяса и риса,но не было совершенно хлеба.Все же, легионеры питались очень сытно,и были довольны походом,где им жилось вольготнее,чем в обстановке строгой и придирчивой казарменной дисциплины.Офицеры,с сознанием исполняющаго долга перед своим Отечеством Франциэй - вели своих людей вперед,преисполненные злобой и ненавистью к японцам.

В полдень вошли в желанное село Фу-Ла,которое мы считали "первым этапом своего спасения".Здесь отряд отдыхал сутки.Роты запаслись мясом и рисом на три дня,т.к.дальше шла только одна горная тропа по пустынно-

горной местности.Но нас ждало нечто новое....

В этом селе мы нашли три отличных легковых машины,заботливо укрытыя под навесом. Высокий и бравый капрал-аннамит,доложил мне,что все они принадлежат штабу нашей дивизии Генерала Сабатье,отсюда дальше колесной дороги нет,и генерал,со всем своим штабом в 25 человек,пересев на лошадей,четыре дня тому назад - двинулся в Китай.И ему приказано охранять машины до дня возвращения генерала обратно.Это меня очень ободрило: значит,наш отход временный и предусмотренный.Но я в этом глубоко ошибался.

Здесь наше радио приняло приказание генерала Алессандри - "переменить направление движения и спешно идти в село Сон-Ля,на присоединение к главным силам". Село Сон Ля был опорный пункт,где и раньше были небольшия силы нашего полка. И 18 марта,круто повернув на юг - отряд сразу же стал подниматься на высокий перевал.Немедленно же пошел проливной тропический дождь.Вода потоком шла нам навстречу,затрудняя движение.Дождю,казалось, не было конца.На самом перевале мы попали в облако,которое поглотило в своих об,ятиях нас всех..Отряд шел ощупью на высоте свыше 2.000 метров над уровнем моря,пока на южном склоне не проглянуло солнце и перед нами открылась величественная панорама глубокой и широкой,пересеченной возвышенностями,долины.А за нею,насколько хватал глаз - синева далеких гор. Очень извилистая,как гигантская змея,дорога - тянулась далеко-далеко, может быть на целых пять километров вниз,в какую то неизвестную нам,трущобу.Дорога белела на ярком весеннем солнце и радовала своею сухостью взор людей,стремящихся в Китай.... Теперь отряд круто повернул на запад,но в глубине долины,взяв направление на восток и скоро вошел в очень богатое село какого то монгольскаго племени и остановился на ночлег.Сразу же началась беззастенчивая охота за всякой живностью "на ужин".Жители молча,без всякаго протеста,боязливо смотрели на эту картину,но и на их "каменных" лицах,я читал злобу немого безсилия.При уходе - им ничего не было уплачено.

В этом селе отряд нашел наш авион и сбросил пакет от генерала Алессандри,со следующим распоряжением:

"Отряду спешно идти в Сон Ля.По ту сторону Ривьер Нуар /Черной реки/ ему будут поданы камионы".

Восторг людей,увидевших "свой авион" - не поддавался описанию.И потому - что мы связались со своими главными силами и шли к ним.Радостныя восклицания легионеров огласили весь бивак и сотни рук весело приветствовали летчика,который,получив условленный знак от нашего штаба,что распоряжение "разшифровано и понято" - он пролетел над нами в 50-ти метрах высоты,дружески улыбаясь,махая нам рукой.Его улыбающееся лицо можно было разсмотреть не вооруженным глазом.

Наша радость была понятна.Хотя отряд на своем пути еще и не столкнулся с японцами,но людей тяготила полная неизвестность и ощущение преследования сильнаго и жестокаго врага.Теперь же,связавшись с главными силами - мы воспрянули духом: цель нашего марша была точна, ясна и близка к осуществлению.

19 марта отряд двинулся прямо на юг.Перевалив небольшой хребет,он спустился в лесистую глубокую долину.Перешел вброд широкую и быструю реку,где сделал большой привал в большом и богатом селе.Жители-аннамиты,в своих длинных белых и черных кафтанах шолковых и сатиновых материй,очень дружелюбно встретили нас .Был их праздничный день.Через начальника села были затребованы пища и фураж,что и было доставлено жителями быстро и охотно.Они щедро угощали всех своим пивом и водкой "шум-шум".На этот раз за все было уплачено.

Надо сказать,что за все время нашего отхода,мы не замечали с у г у бого к нам,как к Французской армии,враждебнаго отношения со стороны жителей-туземцев.За отсутствием телеграфной линии,они еще не знали о том,что

японцы атаковали французския гарнизоны во всем Индо-Китае. Если же многие уходили в горы и леса при нашем приближении, то только от страха грабежа, т.к. принимали нас за карательный отряд против "пиратов", т.е. против местных национально-политических повстанцев. Такие карательные отряды, в те времена, не слишком стеснялись с неприкосновенностью имущества мирных жителей, как и с самими жителями.

В 13 часов, резко переменив направление на 90 градусов - отряд выступил на запад и, через новыя возвышенности и низины, подошел к горнрй речке.

Небольшое село за нею, оказалось, покинуто всеми ея жителями, как то узнавшими о нашем приб-лижении, за исключением сельскаго старосты, который и представился сам нашему начальнику отряда.

Переночевали. На завтра, 20 марта, отряду предстояло ночью переправиться через Черную реку, до которой оставалось 30 километров.

Ранним утром отряд преодолел каменистый, поросший диким лесом перевал. За ним мы встретили большую партию политических аннамитов-арестантов, человек в 250, переселяющихся французскими властями из Сон-Ля в Нгжиа-Ло. Все они были отлично, по тропическому, одеты, хорошо упитаны и несли с собою постельныя принадлежности очень хорошаго качества и свои личныя вещи. Все они были коротко острижены и однообразно одеты. Я принял их, сначала, за какую то специальную воинскую часть из аннамитов, при этом - "часть отборную" По нашему отрепанному виду, нас скорее можно было принять "за арестантов", но не их. Конвоировал их всех лишь один штатский полицейский француз не молодого возраста, вооруженный пистолетом.

Во все дни движения отряда по горам и долам, по бездорожью - он сильно растягивался. Длинная линия людей, порою в колоне "по-одному", по тропам в лесу и между валунами - шла как хотела. Так было и здесь. Мы офицеры, остановились и заговорили сначала "со стражем", а потом уж "с преступниками". Последние заявили себя "коммунистами", но выражали желание драться против "империалистической Японии" в рядах французских войск. Говорят они это с неподдельной искренностью и большой убежденностью. Несколько десятков из них уже получили оружие и вступили в отряд генерала Алессандри. На мой вопрос - чего, собственно говоря, они добиваются? - последовал ответ:

"Индо-Китай должен быть независимым государством".

"Как независимым?... От Франции?" переспросил я их главарей, говорящих очень бегло по-французски, думая, что они, в понятии "независимость", вкладывают, может быть, что то иное.

Да! Индо-Китай должен быть самостоятельным государством и совершенно независимым от Франции" - смело сказали они совершенно спокойным тоном и без тени злобы на нас, как французов. Они, конечно, не знали, что я "русский".

"Идемте!... нечего с ними разговаривать!" с добродушной улыбкой, увереннаго в себе властителя сих мест, говорит мне по-русски, что бы они не поняли, командан Токхадзе.

"А знаете", говорю ему, когда мы отошли от них - "А ведь японцы возьмут и мобилизуют всех аннамитов... составят из них чисто национальныя аннамитския части и пошлют против нас!"

Горький опыт революции и гражданской войны в России, когда на территории этой величайшей в мiре Империи образовалось множество независимых республик, которые дрались против "красной России", подсказал мне эту мысль И вообще - 25 лет скитания за-границей, приучили меня глубоко и хладнокровно вдумываться во многие "вопросы", не бывшие раньше.

"Аннамиты, как солдаты, ничего не стоят", снисходительно улыбаясь, ответил он: "Да и японцы - никогда не дадут им оружия, т.к. они в них совершенно не нуждаются".

"Ох, дадут!". коротко бросил я, а потом добавил: - "Аннамитов-то, к тому же, очень много, а нас то здесь мало... и своею многочисленностью, они могут сильно повредить нам "по возвращении".

В этом походе,все офицеры,и большинство легионеров,высказывали непоколебимую уверенность в том,что -"мы вернемся назад",и не позже как месяца через три и займем свое положение,как и раньше - как в колонии Франции.На чем основывались такия надежды - я понять не мог.Лично-же я, как то подсознательно чувствовал,что начавшийся военно-политический кризис в Индо-Китае - затянется на-долго.Но мы все,и я,ошибались: - "Японское правительство в Токио,через свое военное командование в Индо-Китае, уже об,явил Независимость Индо-Китая,назначило Аннамитскую администрацию и формировало Аннамитские национальныя части войск",выполняя свой девиз:"Азия - для азиятов".

После встречи с этими "коммунистами",отряд снова спустился в долину и долго шел по руслу совершенно высохшей реки.Дно ея было каменисто-песчаное и идти было утомительно,в особенности для лошадей.

Вошли в богатое и большое село Ван-Бии,где был устроен пяти-часовой привал.Отсюда,до Черной реки,оставалось всего лишь 4 километра.По словам начальника села,очень интеллигентнаго аннамита,он же и французский правительственный чиновник,который отнесся к нам очень внимательно - у Черной реки нас уже ждали "пироги"/большия лодки/ и небольшой отряд милиционеров-аннамитов,для помощи отряду при переправе.

Теперь мы почувствовали себя почти что в полной безопасности от японцев и в непосредственной близости к нашей цели,где находились наши главныя силы.Это настроение и обильный горячий обед - сильно подбодрил легионеров.Почти все офицеры были гостями у чиновника на обеде с хорошим угощением и выпивкой. Я туда не пошел сознательно,ощущая грусть....

При последних ярких лучах заходящаго солнца - отряд подошел к так знакомой нам в ея нижнем течениии Ривьер Нуар /Черная река/,которая здес была не так широка,но довольно многоводная.Что-то родное почувствовал я при виде реки,думая о том,что неподалеку от ея впадения в Ривьер Руж/в Красную реку/,осталась моя семья,и очень многое,с чем успел сжиться за два года службы в Иностранном Легионе Французской армии.Мне казалось, что ея вода,ея волны,снесут весточку обо мне жене и сыну.Хотелось бросить в реку запечатанную бутылку с запиской в ней -им,одиноким,совершенно не знающим - где мы и что с нами? Но этого сделать было,и невозможно и безполезно.Тогда я сел на корточки у нея,три раза зачерпнул пригоршей воду,и выпил за благополучие - жены,сына и себя. Странно это,но мне от этого стало легче на душе!

Очень бравые,расторопные,воински-отчетливые,хорошо сложенные милиционеры-аннамиты,быстро подали нам свои "пироги" с того берега.Их было 5 или 6,с четырьмя гребцами в каждой..Одна пирога могла поднять только 6 наших легионеров,а в нашем отряде их было до 600. Явно,что переправа должна затянуться.Все лошади пойдут вплавь.

Первыми переправлялась 7-я рота капитана Куран.Я был при ней.И только что переправились - как наступила полная ночная тьма.Пройдя 2 километра - она переходит по нависному бамбуковому мосту через очень быструю речку,по своей легкости - танцующими под ногами.Лошадей можно вести только в поводу..За мостом село Та-Бии,откуда шла шоссированая дорога в Сон-Ля и тянулась телеграфная линия.Но мы были разочарованы в своих ожиданиях: камионы не были поданы и телеграфная линия не работала,вот уже,два месяца.Я был послан назад верхом на лошади,что бы обо всем доложить командиру баталиона.

Стояла темная ночь,когда подошли остальныя роты к мосту и остановились.Доложив обстановку - получил приказание "найти брод для лошадей".

"Где же и как его искать в такой темноте?"ответил баталионному.

"Найдите!"-... определенно ответил он,тоном приказания.

Со своим маленьким конем вповоду,бреду ощупью меж кустарниками по высокому обрывистому берегу реки.Никакого спуска к ней.Метрах в 200-х, ногами нащупываю тропинку.Спустился к реке,сел в седло и вошел в воду. При свете мелькнувшейся из-за туч луны,замечаю легкий перекат воды по каменистому дну реки.Пускаю по перекату своего умнаго энергичнаго конька,но у противоположнаго берега он вдруг срывается в промоину и погружается весь в воду.Умное животное рывком выскакивает из полыни и через несколько метров,после холодной и неприятной ванны - я на том берегу... Соскакиваю с седла на сушу и,держа коня за повод,иду по берегу ища подъема,т.к.берег очень крутой.Нашел его и выбрался.Кричу подошедшим с лошадьми и вьюками легионеров - "как и куда надо идти в воду? Дождавшись их перехода - спешу к головной 7-й роте.Скоро нахожу ее и весь штаб отряда,расположившихся на ночлег в маленьком селении.Привязав коня и дав ему зерна,бережно возившаго его с собою - ищу место ночлега для себя.

В мокрой одежде и с мокрым седлом под головою,располагаюсь на земле у двери полу-хижины полу-сарая,занятых сержантами и вестовыми штаба. Все они довольно широко и вольготно расположились на хозяйских матрацах т.к.жители бежали в горы.Я прошу потесниться и дать мне место,но они, уже успевшие поужинать,отвечают:

"Все места заняты"...

Такая безцеремонность меня бесит в обращении с офицером,но я уже насмотрелся "на легионские нравы в походе",почему и сдерживаю себя.

Поздней ночью подошли остальныя роты баталиона и за отсутствием жилых помещений и сараев - расположились под открытым небом.Я пошел к ним,как и посмотреть своего конька - "выел-ли он корм?" Но... кто-то уже украл торбу с ячменем и мой конь,холодный и голодный,требовательным ржанием и топотом передней ноги,встречает меня.Где-то достал травы, дал ему,а сам злой иду к одной из прибывших рот,ужинающих.У них был хороший запас еды и легионеры-мадьяры,с удовольствием накормили меня,своего офицера-иностранца.

По многим причинам,легионеры недолюбливали офицеров-французов,как представителей Нации,но к офицерам-иностранцам,вот как я был,"безподданый" - относились внимательно,даже с любовью,доверительно в разговорах, т.к.сами они были "иностранцы" в Легионе,и по многим личным событиям, попали в него.

Вскорости,весь отряд,усталый и издерганый ночной переправой,заснул мертвым сном.Оставшаяся позади Черная река,обезпечивала теперь нашу безопасность со стороны японцев.

На утро 21 марта - последний переход в Сон-Ля,цель нашего 12-ти дневнаго марша.В него мы вошли с закатом солнца и вольготно расположились по аннамитским пайоткам /хижинам/.Настроение было повышенное от сознания,что мы соединились с главными силами и окончательно вырвались из могщаго быть окружения японцами.Повсюду быстро запылали огни-костры,поднялся оживленный,как всегда,гомон легионеров и немедленно-же началась "охота" за домашнею живностью на ужин.Жители-же собирали спешно свои пожитки и испуганно покидали свои жилища,убегая неизвестно куда...

Легионеры,при всей своей отчетливой дисциплине,очень легко относилис к туземному населению,особенно тогда,когда надо было есть.

Поздно вечером к нам прибыл генерал Алессандри.Он крепко пожимал руки офицерам и поздравлял с удачным окончанием труднаго нашего похода. Осветив обстановку - приказал утром выдвинуть одну роту за 40 километров вперед по дороге к Ханою ,на поддержку головного отряда полковника Франсуа,командира 1-го Тонкинскаго полка стрелков-аннамитов,состоявшаго лишь из одного баталиона.Из этого полка ушел с нами только этот баталион,находившийся в нашем гарнизоне Тонг.Остальные баталионы стояли в в самом Ханое и были разоружены японцами.Многих они распустили по домам а офицеров французов и аннамитов,заключили там-же в лагерь.

Остальные два баталиона,стоявшие в Ханое,были разоружены японцами и отпущены по своим домам.

Утром 28 марта,наш баталион получил кое-какое,довольно примитивное, обмундирование и обувь,и много всевозможных консервов.Это сильно подкрепило всех.Но еще большее впечатление произвело появление в тот день авионов из Китая "Свободной Франции" генерала де Голя,сбросивших всему отряду оружие и человек шесть парашютистов-аннамитов,имевших базу в Чункине,главою которой,от новаго Французскаго правительства,был генерал Пешков,сын Максима Горькаго,бывший легионер.Это было очень приятной неожиданностью,которая заставила нас почувствовать установление прочной и "живой" связи с Европой,от которой мы были оторваны 4 с половиной года. Нам казалось, что мы вступаем в новую и твердую стадию борьбы против японцев.Генерал Алессандри назначен был от де Голя Генерал-губернатором Индо-Китая "Свободной Франции".

— • —

При каждом баталионе имелось 10 конных "эстафетов".Из них,на 2-й же день нашего отхода,в нашем баталионе,осталось только четыре.Потом их стало три. Меня,как кавалерийскаго офицера,назначили быть конным и вести разведку.Это было чрезвычайно опасное задание в горах и лесах.Только благодаря военному опыту и чутью,мне удалось два раза избежать гибели.

Дело в том,что война против японцев в Индо-Китае,в здешних джунглях, была совсем не похожа на войну в Европе.Это была,скорее,партизанская война в горах и лесах,и на короткую дистанцию и где штык японскаго солдата оканчивал жизнь отсталых,пленных и раненых,т.к."возиться" с ними в этой далекой и малонаселенной местности,было некогда и не к чему.К тому же, эта война была и "рассовая",целью которой японцы поставили изгнание европейцев из Азии.Выброшенный ими лозунг "Азия для азиятов",был очень опасен для французских войск здесь,малочисленных и так удаленных от своей Метрополии,к тому же,не имевших моральной поддержки от местнаго населения.

22 марта,6-я рота капитана Комарова была отправлена на камионах к головному отряду.Туда же выступил и штаб нашего баталиона.Три остальныя роты остались в Сон-Ля.

Мы на позиции.Кругом горы,лес и гробовая тишина.Все жители окрестных сел куда-то скрылись.

23 марта, головному отряду приказано отступить к Сон-Ля.Мост через реку был уже взорван.Найдя брод для арьергардной роте,я оставил тут верхового естафетчика,приказав ему указывать место перехода для подходящих групп легионеров.Но этот эстафетчик-немец,самовольно оставил свой пост и уехал со штабом баталиона на перевал,за 6 километров от брода.Из-за этого переправа сильно задержалась.

"Вы почему ушли со своего поста?"спрашиваю его строго,потом.

"Я был голоден... и мой конь не стоял на месте" - был ответ.
Сержанты штаба весело разсмеялись на это,и так добротно,словно пере до мною стоял провинившийся школьник,а не солдат,совершивший преступление на линии фронта.

Вечером 24 марта,наша 6-я рота отошла к самому Сон-Ля.Нас,конных, выслали на ночь за 7 километров впереди сторожевого охранения,для наблюдения за дорогами.Условились,что - в случае обнаружения движение японцев - с перекрестка дорог,дать знать друг-другу.

С легионером-поляком Маркоссала,мы ушли на боковую дорогу.Через 7 кил. вошли в село,собрали жителей и демонстрашивно сказали им,что завтра прибудет сюда наш баталион,а мы только разведчики.На ночь же - отошли назад и расположились у мостика,через лесной ручеек.

Нас сразу-же охватила сырая ночная прохлада. Плохо одетые, мы жестоко мерзли всю ночь. Было очень жутко оставаться вдвоем в лесу и далеко от своих войск. Ко всем этим нашим тревогам, присоединилась еще одна: у меня был очень энергичный жеребчик, а у моего легионера кобылка. Всю ночь мой жеребчик громко ржал и рвался к кобылице. Таким образом, наше присутствие легко было обнаружить японцам и захватить нас. Это была третья ночь, без сна.

На утро мы двинулись вперед, к селу. Мы удивились, что никто из жителей непоявлялся во двориках. Село было пустым. Показавшийся в дверях сын старосты, бегло говоривший по-французски и любезный с нами вчера - сегодня он недружелюбно посмотрел на нас, потом взял "колотушку" и забарабанил в "гонг", издавая тревожные предупредительные звуки, понятные нам. Стало ясно, что жители уже знают о приближении японских войск и прятались от французских. Дав тревогу - он скрылся в свою "паетку"/хижину/. Вдруг послышалась пулеметная стрельба там, где было наше сторожевое охранение, т.е. в тылу у нас. Надо было спешить туда, что бы не быть отрезанными от своих.

Выехав из села шагом, перевели лошадей в широкую рысь. Стрельба усилилась. Мы торопились к перекрестку дорог, что бы связаться с охранением. Мы скачем прямо на пулеметную пальбу. Мозг сверлить опасением, что если японцы займут наш перекресток дорог - мы погибли. Мой легионер, молодой поляк, испуганно бросает взгляды на все отходящие к западу лесныя тропы, ища в них спасение, но я знаю, что эти тропы короткия, местныя и на них скоро застрянешь в лесной чаще, поэтому, надо идти прямо, по главной дороге.

За один километр до перекрестка, по ту сторону дороги, где мы оставили наши аванпосты - слышны голоса перекликающихся людей. "И в бою наши легионеры шумливы" - возмущаюсь я в душе.

Мы у перекрестка, но здесь никого из наших нет. Пулеметная стрельба впереди вдруг прекратилась и воцарилась зловещая тишина, словно все умерло и только слышны все те-же крики за дорогой, в лесу. Я хочу скакать на восток по главной дороге к нашим аванпостам, что бы выяснить обстановку, но какая-то неведомая сила остановила и подсказала иное решение:- самому остаться здесь у перекрестка, а легионера послать в тыл, в расположение 6-й роты капитана Комарова и там узнать - что-же происходит?!...

Проскакав метров 200, легионер остановился и резкими тревожными взмахами головного убора, зовет к себе. Скачу к нему. Из лесу выходит легионер чех нашей роты, высокий стройный молодецкий и с критической улыбкой докладывает мне, своему славянину, что - "наши аванпосты давно сняты... и на их месте находятся уж японцы... 6-я рота должна сняться сейчас-же и отступит... а я оставлен здесь, мон лейтенант, что бы обо всем этом доложить Вам" - закончил он, так хорошо известный мне этот легионер-славянин.

Все это было для меня больше чем возмутительно. Запоздай мы на 5 минут, иль, если бы я двинулся на восток - наткнулся бы "в лоб" на японцев и результат был бы более чем печальный для нас. Они в плен не брали...

Через несколько минут я в штабе баталиона и докладываю капитану де Кокборну, что - "соседние конные дозоры на главной дороге, вопреки условности распоряжения, непредупредили нас и отошли к роте, как отошло с ними и сторожевое охранение и мы едва успели проскочить перекресток". Он слушает меня внимательно, а потом, махнув рукою, выкрикнул свое любимое: - "О, мерд аллор!...но верхом всегда можно уйти по лесным тропам!"...

Это была чушь. Он очень нервничал и я не стал доказывать ему противное, как и то, что нас "подводили" свои, его-же подчиненные.

"Оставайтесь с 6-ю ротою здесь"- добавил он и со штабом пошел в тыл.

Штабной грузовик получил поломку, был брошен на шоссе и подожжен. 6-я рота, спустившаяся с горы, спешно разобрала ящики с мясными консервами, с американскими белыми галетами и с местной рисовой водкой - вытянулась по шоссе в тыл, на ходу утоляя свой голод. Я шел далеко позади роты с

с четырьмя сержантами. Своего очень уставшаго конька веду в поводу.

"А кто же находится в арьергарде?" спрашиваю заслуженнаго и очень авритетнаго "аджудан-шефа"/старшаго подпрапорщика/ Букалова, из Воронежа.

"Да вот мы, вчетвером!" весело отвечает мне 50-летний служака, после закуски с водкой.

"Как?.. позади никого нет?" удивленно переспрашиваю.

"Да никого", отвечает он по-русски. "Весь мой третий взвод ушел куда-то вперед, а я тут остался только со своими сержантами" - весело и беззаботно отвечает он.

Я сажусь верхом, догоняю командира 6-й роты капитана Комарова и спрашиваю его насчет "арьергарда".

"Да там остался третий взвод с аджудантом Букаловым", отвечает он мне по-русски. И когда я ему доложил, что кроме Букалова с четырьмя своими сержантами, позади никого нет - он вскрикнул:

"О, мерд аллер! /О, чорт их возьми!/ Третий взвод СТОЙ! СТОЙ!" И с ним дождавшись своего фельдфебеля роты Букалова - установил "арьергард".

10 километров по хорошей дороге пройдены быстро. Перед городком, весь интендантский квартал и соседние с ним аннамитския хижины - были сожжены до-тла. Из еще не подожженнаго здания разбирали все, что там было, главным образом оружие. Мне вручили маленькаго размера револьвер системы Смита и Вильсона со свинцовыми пулями. До этого я не имел никакого огнестрельнаго оружия, положеннаго офицеру, кроме карабина, который вооружился сам добровольно. Хотя и у многих офицеров не было револьверов и они также, добровольно вооружились карабинами. Стрелял ли этот мой полуигрушечный револьвер, я не знаю, но испробовать его - мне запретили.

Длинный мост перед Сон-Ля был взорван и арьергардная 6-я рота, переходила речку вброд. Вообще же - взрывалось и уничтожалось все, что бы ничего не досталось японцам.

Войдя в Сон-Ля - рота расположилась на отдых. Весь городок раскинут на очень высоком плато, над обрывом, откуда было видно все, что находилось глубоко внизу. Это был один из опрных пунктов, благоустроенный и очень важный. Мне казалось, что эта твердыня неприступна и мы задержимся здесь по крайней мере, на несколько дней.

Прохаживаясь вдоль единственной улицы, я замечаю, что все казенныя постройки брошены, загажены и разбиты. Делаю вывод: значить Сон-Ля защищать мы не будем. Все французское административное управление этого района и местная милиция из аннамитов, переведена за 4 километра на север, так же в казенныя постройки и там будет ждать японцев.

Опустел и лазарет. Очень нарядный новенький санитарный амбуланс стоял на шоссе с аннамитским санитарным персоналом, готовый отойти в тыл. В гараже стояла прекрасная машина самаго Резидента. Красивые кирпичные дома европейскаго типа, с оранжереями, с цветниками, с овощными огородчиками, с курами мирно дремлющими на солнышке - говорили, что хозяева только что покинули все это. Дома были заперты. Окна закрыты ставнями. Этот чисто европейский и очень нарядный уголок на очень высоком шпиле, среди дикой и глухой азиятской обстановки - как то особенно ласкал глаз, но в то же время вызывал грусть, подчеркивая наше бозсилие и одиночество здесь.

И сейчас все это выглядело м е р т в о . .

Над одним кварталом, среди широкаго двора, возвышался Дворец Резидента так же наглухо заколоченный. От него, по очень крутому спуску-обрыву, в глубокую долину, спускалась прямая как стрела широкая цементная лестница во много сот ступеней. Все это было предназначено что бы скрашивать вечерний отдых того, кто правил этим полудиким Краем, назначенный из Парижа..

Навстречу мне прошла толпа легионеров, нагруженных предметами военнаго обмундирования, с пачками табака и бутылками прохладительных напитков. Спрашиваю: - "Откуда все это?" Отвечают, что из покинутаго квартала

местной аннамитской милиции.Иду туда и встречаю капитана Комарова с двумя охотничьими ружьями.Страстный охотник,он не удержался и взял их в брошенном магазине.Бедняга и непредчувствовал,что жить ему оставалось всего лишь пять дней...За ним,его легионер,нес прекрасное новое седло, при виде котораго,мое сердце конника,заныло от зависти...

Я во дворе квартала-крепости милиционеров.Богатое бюро со многими пишущими машинками и канцелярскими принадлежностями раскрыто настежь и каждый входящий может взять себе все,что ему надо.Вещевые склады переполнены запасами различнаго обмундирования и личными вещами в сундучках милиционеров,разбитых и брошеных.Богатейший склад оружия до музейнаго включительнр,спортивных принадлежностей и тюки различнаго казеннаго имущества - все это было наспех брошено на расхищение после того,как все это заботливо накоплялось и собиралось многими годами.

Осмотрев весь квартал-крепость,я вышел оттуда обуреваемый самыми грустными мыслями.Внизу,в глубокой долине,стояла мертвая тишина.Где японцы? - мы не знали.Подойдя к городку,они,видимо,закамуфлировались в лесу, т.к.наши позиции господствовали над всею окружающееся местностью.

Легионеры 5-й и 6-й роты лениво бродили по уличкам,изнывая от безделья.Офицеры где-то завтракали.Так в нудной и гнетущей тишине прошел весь день.Остальныя две роты нашего баталиона отошли куда-то далеко назад,в тыл.Весь наш отряд генерала Алессандри,пять баталионов,растянулся на много километров в глубину,в тыл,уступами,по единственной дороге.

Посланный с приказанием в 7-ю роту за 6 километров от городка - на обратном пути,уже в темноте,встретил обе наши роты,5-ю и 6-ю,оставившия без боя этот прелестный европейский городок Сон-Ля,одну из Французских резиденций в Индокитае

"Почему оставили без боя Сон-Ля?" - удивленно спрашиваю я командира арьергардной 5-й роты капитана Бэссэ.

"О-о...Элизэ!" - протянул он многозначительно. "Мы услышали приближение к нам японцев... и если бы не отступили,то были бы уже все убиты или захвачены в плен"..

Капитан Бэссэ очень добрый,мягкий и хорошо воспитаный человек лет 48-ми от рождения.Военным он стал,как говорил мне,совершенно случайно, поэтому я "ничего" не ответил ему на такое странное и наивное оправдание.

Мы отходили всю ночь.Пройдя через очень узкие ворота в горах следующаго перевала,по зигзагообразной шоссированой дороге спустились в узкую долину и,в полной ночной темноте,расположились биваком в одном километре от перевала.Перевал заняла 7-я рота капитана Курана силою в 35 легионеров,все что было в его роте после переправы через Черную реку.

Настало утро 26 марта.Оказалось,что мы остановились в высоких зарослях прошлогодней травы-бурьяна,без единаго жилья здесь.До воды было около 6-ти километров.Сюда прибыл с тыла генерал Алессандри со своим штабом и другими высшими начальниками.У них шло долгое совещание.Потом все прибывшие,и Алессандри,выехали в свой тыл.

День прошел утомительно,и нудно и тихо для всех в этой печальной котловине без воды и без малейшаго представления о противнике - где он?

К вечеру я был послан к арьергардной 7-й роте с письменным заданием: - произвести разведку в направлении Сон-Ля и выяснить - где японцы?

Капитан Куран,со мною и несколькими сержантами,продвинулся вперед километра на два по дороге,но противника не обнаружил.

Скоро прибыл новый конный эстафетчик капрал Эхлерт,немец,с новым распоряжением от капитана де Кокборн.Каково оно было - капитан Куран мне не сказал.

Наступили сумерки,как вдруг японцы открыли по роте сильный огонь и с очень близкаго разстояния.Куран спешно снял свою роту с позиции и оставил

перевал.И это они произвели,когда мы,"разведчики",только что вернулись на свои позиции.Сняв роту,Куран двинулся вниз по шоссе,потом вернулся с нею назад,приказав нам,двум конным,ждать его "здесь",и с нею скрылся в темноте.Мы,с эстафетчиком Эхлерт,держа лошадей в поводу,остались в непосредственной близости у "щели" перевала.Была темная ночная мгла и немая тишина.Мы долго ждали возвращение роты.Наконец зловещее молчание подсказала мне,что-то недоброе.Повинуясь воинскому инстинкту,мы вдвоем,держа лошадей в поводу,тихо тронулись вниз.Что бы сократить длинный зигзагообразный путь по дороге - взяли боковую тропинку по лесу и спустились.

"Кто идет?" раздался вупор тревожный оклик сержанта нашей роты Павлик

"Эстафеты!" отвечаю,и мы неторопливо подходим к разсыпанному в цепь его немногочисленному взводу легионеров,с одним пулеметом.

От него мы узнали,что 7-я рота капитана Курана,спустилась сюда,также,тропой;капитан пошел в штаб баталиона,предупредив сержанта,что впереди никого нет.Вот почему наше появление было для него полной неожиданностью.Он ждал только японцев...

"Мон льеутенант!.. уходите от нас как можно скорее... сейчас могут появиться японцы,а Вы с лошадьми будете для них хорошей мишенью!" докладывает мне сержант Павлик,чех,очень учтиво,но настойчиво.

Усумнившись в возможности такого быстраго появления здесь японцев,да еще ночью в такой глубокой и узкой котловине - я,все же,со своим спутником,капралом Эхлерт,тихо двинулся дальше,в тыл.Но не прошли мы и 75 метров - как затрещали японские выстрелы и пули пролетели над нашими головами.

Вышло так,что японцы следовали непосредственно за нами-двумя; и задержись мы еще несколько минут на перевале,и не сверни на тропу с главной дороги,как днем светящейся своей белизной- были бы захвачены,иль убиты.

На японские выстрелы,сержант Павлик немедленно же ответил ружейным и пулеметным огнем.Навстречу бежит взволнованый капитан Куран,а вслед за ним командир баталиона капитан де Конборн.Увидев меня,стоявшаго с конем на дороге - он нервно и грубо выкрикнул:

"Элизэ!. спрячьте Вашу лошадь!..ее ведь могут ранить,иль,даже,убить!

"Если я сам не прячусь,так что же разговаривать о лошади!" отвечаю ему в тон.

"О,мерд аллор!"/т.е. - чорт бы Вас побрал!/ выкрикнул он свою любимую фразу-ругань. "Вас убьют - это ничего!.. а за лошадь надо будет отвечать! - обиженно-раздраженно бросает он и скрывается во тьме.

Завязалась жаркая перестрелка с обоих сторон в полной темноте.Пули роем неслись над головами.На всякий случай,свел своего конька с дороги. Ко мне,пригибаясь от пуль по водяной проточине шоссе,бежит какая-то фигура.

"Сэ муа! /это я/,сержант Боссо"/португалец/,предупреждает он меня. "Я ранен,мон льеутенант!" поясняет он на ходу.Он ранен в мякоть руки, навылет.

Перестрелка длит ся с час времени и вдруг - сразу стихает.Я присоединяюсь к штабу баталиона,при котором служу "конным разведчиком".

Все негромко переговариваются о событиях.Я в их разговор не вступаю, т.к.мое мнение о их военной тактике,совершенно расходится.

"Элизэ! ..а где же конный эстафет Состер?"спрашивает меня капитан де Конборн.

Оказывается - он послал его в 7-ю роту на перевал,с новым,третьим, своим несуразным распоряжением,перед самым нашим отходом оттуда,и он до сих пор не вернулся.Нам стало ясно,что несчастный Состер,разминувшись с нами - попал прямо в руки к японцам.Это был тот самый конный эстафетчик кто несколько дней тому назад,самовольно покинул свой пост у брода.Потом,среди пленных,его не оказалось.Явно - японцы прикололи его штыками.

В Иностранном Легионе Французской Армии,всякий легионер-иностранец, является существом "без рода и племени".Умрет-ли он,или будет убит,он вычеркивается из списков "как номер" и только.Никаких родных и наследников у него нет и недолжно быть.Его вещи продаются в роте с аукционнаго торга и поступают в роту,иль баталион.Это относится и к офицерам-иностранцам.Все они считаются "селибатэр",т.е.неженатыми,хотя бы и имели законных жен.В случае гибели - семья неполучает н и ч е г о.Вот почему капитан де Кокборн и берег моего казеннаго коня,считая его "дороже",чем гибель в бою офицера-иностраннца,в данном случае,м е н я. . .

Только что был закончен разговор о пропавшим конным эстафетчиком,как Кокборн что-то вспоминает и... находит мне новую ночную работу:- "найти и вернуть сюда санитарный амбуланс и баталионный грузовик с продуктами,которвх он отправил в тыл в спешном порядке,при начале стрельбы". На мой вопрос - где их искать? - последовал ответ:

"Там,где-то в тылу"...

"Где в тылу?..В какое село Вы их отправили?" - уточнаю вопрос.

"О,мерд аллор!.. что за вопросы?..Может быть в 5-ти,в 10-ти,или в 25-ти километрах отсюда" - выкрикивает он."Прикажите им вернуться,а сами немедленно-же возвращайтесь сюда" - закончил он.

Я отыскал их в 6-ти километрах,у ручья,нашего единственнаго водопоя. Снова всю ночь пришлось быть в передвижениях и только под утро,уставший и голодный,как и мой маленький местный конек - я остановился возле какой-то группы легионеров и тот-час же уснул на земле как убитый - в лесу,у дороге.Это была 4-я моя ночь изматывающих мои физическия силы безтолковыми распоряжениями баталионнаго командира капитана де Кокборна.

С ранняго утра 27 марта перестрелка возобновилась но том-же месте,что и вчера,только гораздо более ожесточенная..Скоро появились раненые.Некоторые тяжело.За 30 минут боя,ранено четыре офицера.Один из них,только что произведенный из юнкеров молоденький су-лейтенант /подпоручик/,с тяжелой раной в шею - лежал у штаба баталиона полураздетый,весь в крови, под дождем,нудно моросивший с утра и теперь усиливающийся.Рядом лежало до 15-ти раненых легионеров 7-й роты,которая до боя имела 35.Кокборн,с сильным волнениям,приказывает мне "скакать галопом" за нашим санитарным амбулансом,который он опять отправил в тыл,как только что началась перестрелка.Такой непорядок...Скачу и,к счастью,скоро нахожу его и возвращая к раненым.

Прибывает генерал Алессандри.Увидев раненых и узнав обстановку - приказывает 5-й и 7-й ротам немедленно-же отступать,но эти роты уже сами начали отход отдельными группами и по единственной дороге.При виде этого отхода - нервно расуетились радио-станция,кухни,обозы.Спешно погрузив раненых - все торопливо двинулись на запад.

Ровно за 5 минут до нашего отхода,для обезпечения леваго фланга,оставлен взвод легионеров под командой младшаго аджуанта/подпрапорщика/ Хардувалиса - он неприсоединился к баталиону,был отрезан японцами,обезоружен и через день переколот штыками....

Хардувалис - грек из Константинополя.Там окончил французский лицей. Молодой,классически красивый,культурный - надо было удивляться - почему он пошел "в безправный легион?"..Вчера я видел его у дороги.Взвод легионеров был спрятан в чаще леса.Стоя на одном колене и опершись на карабин - зорко всматривался он вперед,откуда могли появиться японцы. Его красивое молодое лицо с умными ясными глазами,этого всегда веселаго молодого человека,было очень печальноИз одного дыряваго ботинка выглядывали голые пальцы,что нисколько не уменьшало его воинской красоты.

Всегда веселый,всегда почтительный ко мне как к единоверцу Православному и как к старому офицеру Российской Армии /он знал,что я

родом казак/- бросив короткий взгляд на меня,произнес грустно:
"Адью,мон льеутенант!" /прощайте господин лейтенант!/.
Мне и не вдомек было тогда,что он произнес "прощание",вместо принятаго "о-февуар"т.е.- досвиданье.Его богатая душа,видимо,интуитивно предчувсвовало свою гибель.Больше его я не видел.

5 и 7-я роты,пройдя 6 километров,остановились.Отход прикрывал взвод авиаторов,состоявший сплошь из офицеров,аджудантов и сержантов,остановившийся на позиции в 2-х километрах позади рот.Я был послан к ним с письменным приказанием: - "С первыми же выстрелами со стороны японцев - сняться с позиции и отходить вслед за легионерами".И только что я передал это приказание старшему капитану среди них - как затрещали "первые выстрелы".Они быстро снялись и так же быстро вытянулись по дороге,между двух стен тропическаго леса.

Начался отход "перекатами",по-ротно.Скоро нас прикрыла баталионная пулеметная рота,"моя рота".Я в ней прослужил два года и прекрасно знал всех людей. Минуя ее,я встречаюсь с легионером-немцем Блюм,стоявшем на посту у дороги.Это он принес мне в тот памятный день в гарнизоне "первое распоряжение о тревоге".Сегодня у него какое-то необычайно грустное лицо.И почему-то,вместо привычнаго "о-ревуар Блюм",т.е.до-свиданья",я бросил ему на ходу "адью"- прощайте.Сказал и подумал: как это у меня выскочило это слово? Нехорошее предзнаменование!
Через час он был убит разорвавшейся японской бомбой и брошен там же на дороге.

Справа от дороги разсыпан взвод в цепь этой же роты,под командой бравого высокаго и спортивнаго сержант-шефа /старший унтер-офицер/ Пиль, австрийца из Тироля.Увидев меня,он издали машет мне рукой,чем говорит - - "Бон жур мон льеутенант!"/Здравствуйте/.Весело отвечаю ему тем же.Но я больше его не увижу: - в этот день он будет отрезан японцами от своих сил,уйдет со взводом в горы и леса,там его взвод распылится,и он один,в сопровождении легионера пройдет многие десятки километров и лишь в самом Китае,присоединится к своим войскам.

5 и 7-я роты занимают позиции позади пулеметной роты /без пулеметов/, у ручья,мост через который уже взорван.На камионе под,ехал капитан де Конборн и привез всем ротам мясныя консервы и белыя галеты.Наша 6-я рота капитана Комарова находится где то в тылу нас.Дав распоряжение:—"По условному сигналу - выстрел из бомбомета - с наступлением темноты,отходить назад" - он снова уехал в тыл.

У моста появились новые раненые легионеры,а из нашей пулеметной - сержант-шеф Пляш и капрал Сзекерс - оба немцы.И хотя они были ранены не серьезно - их сопровождало,почему-то,человек шесть легионеров с фельдфебелем роты аджудант-шефом Тительбах - немецкий еврей.В бою он потерял свой пробковый тропический шлем.
"Условный знак" не удался,т.к.бомбомет дал осечку.Но и без него,часов в 20 /8 вечера/,во всю ширину долины метров в 200 - одновременно затрещали выстрелы трех рот баталиона,общей численностью до 150-ти,и потом, минуты через три - все смолкло.И вся эта масса людей,сплошной шеренгой, шумя и громко разговаривая - двинулась в тыл. Это было для меня новый способ "декрошаж",т.е. с к р ы т н о е от противника оставление позиций, с целью - незаметно оторваться от него и отойти.Здесь же делалось все это громко,шумно,т.е. - впротивовес здравому смыслу.Впрочем - тут японцы нас и не преследовали.
Перейдя реку - колона построилась "по-четыре",и по хорошей колесной дороге - тронулась дальше в тыл.В ночной тишине громко звучали голоса

легионеров,оживленно делившихся впечатлениями дня.Но,какими?.. в этом трудно было разобраться.Во всяком случае,драться против регулярной япон ской армии никакого энтузиазма у них не было.Другое дело подавлять восстания в колониях,для чего,собственно говоря,и был создан Легион...Я-же думал,что наши потери сегодня,при нашей малочисленности,были велики.

Долина расширяется километра на два и замыкается грядою гор,у подножия которых ютились маленькия туземныя деревушки.Речка,отойдя далеко от нашей дороги,делала потом большую дугу и круто сворачивала к нам.Наша дорога тоже скоро повернула на 90 градусов на юг.За повороотм мы встретили 6-ю роту,которая должна была прикрывать наш отход.Через один километр дорога повернула на запад и по широкому железному мосту,роты перешли реку и вошли вновь в очень широкую долину со множеством сел.В 2-х километрах отсюда,я нашел свой штаб баталиона.Увидев меня,капитан де Кокборн послал меня назад,к каптиану Комарову со словесным приказанием - "разрушить мост и немедленно отходить".

Возвращаюсь к мосту и передаю приказание.

"Мерд аллор!... да Кокборн уже приказал мне это на-словах! Чего это он гоняет Вас зря?" - говорит он мне по-русски с возмущением.

Возвращаюсь к штабу,но он уже снялся и с тремя ротами ушел куда-то в тыл.

В ночной тишине,скорой иноходью моего усталаго конька,иду часа полтора и недогоню своих.Куда ушли роты - мне было неизвестно.Кругом ни души.Наконец в,езжаю в большое село,где и нахожу роты и обоз.Легионеры жадно едят горячий суп с мясом.Я этого не имел давно.На кухне 5-й роты получаю щедрый "рацион" /порцию/ и так-же,как и легионеры,жадно с,едаю его.И только что был закончен ужин,как приказано немедленно-же двигаться дальше в тыл.

Тронулись.Меня обгоняет верхом на лошади начальник всех десь сил Легиона командан Токадзе.Он грузин,в Тифлисе окончил руско-грузинскую гимназию и потом Тифлиское-же пехотное военное училище при независимой Грузии,теперь является кадровым офицером Легиона Французской Армии.

Мы идем с ним очень далеко впереди рот.Говорим по-русски.На стыке 2-х смежных сел,нас строго окликает часовой 1-го нашего баталиона:

"Ки ля?" /Кто там?/

Легионеры очень отчетливо отдают воинскую честь.В данном случае,узнав голос Токадзе и увидев в темноте его крупную импозантную фигуру в кепи - часовой и ночью отчетливо и образно отдал ему воинскую честь.

На нашем пути все мосты и мостики были уже взорваны,что вызывает немалые затруднения в переправах людей.Мы идем и идем в тыл,торопясь с 7-ми часов утра.Долго идем в гору.Становится холодно.Ровно в полночь проходим узкие ворота перевала и видим большое белое здание.Это была таможня.Дом стоял в середине маленькаго дворика.Все здание было занято спящими стрелками-аннамитами,а двор лошадьми.Здесь не было ни воды ни корма.Привязав своего конька к одиночному столбу за оградой и задав ему белаго риса - с седлом приютился где-то между солдатами-аннамитами и немкдленно-же заснул сном измученнаго человека,5-е сутки неспавшаго....

Настало очень холодное утро 28 марта.За ночь мой конь сильно продрог Риса он не тронул и увидевши меня,резким ржанием требовал еды,которой я не мог достать здесь.

У перевала стояли - генерал Алессандри,полковник Франсуа и командан Токадзе и что-то озабоченно обсуждали.За ночь подошел наш 2-й баталион и расположился биваком непосредственно за вершиной перевала.1-й наш баталион и баталион стрелков-аннамитов полковника Франсуа,прикрывали наш отход впереди перевала.

Весь день 28 марта наш баталион "отдыхал" в пустынной гористой местности и... без воды.

С утра вчерашняго дня,5 и 7-я роты,прошли около 60-ти километров по горам и долам.Это было много;при этом потеряв два взвода пленными и 15 легионеров ранеными.Ранен баталионный ад,ютант лейтенант Лехалер-Пепен.

Утром 29 марта,мимо нас прошли оба баталина с той стороны перевала, оставив его.Через час времени,наш 2-й баталион снялся с бивака и так же стал отходить вниз.

Громадный горный массив Дэмэйо,своими седловатыми перевалами,словно верблюжьими горбами,тянулся километров на 5-6.Баталионы проходили его "перекатами".К вечеру,наш баталион занял последний изгиб массива всеми своими четырьмя ротами и взводом авиаторов.

После отхода от Сон-Ла,войска стали чувствовать недостаток питания, что отражалось на психике людей.Все стали злыми и унылыми.Но именно здесь на этом перевале,и в этот день 29 марта,впервые за 4 года - мы получили американские и французские иллюстрированные журналы и кое-что узнали о том,что делается в Европе,и в стане союзников.Их нам сбросил американский летчик из Китая.Все были обрадованы этим.Даже,вызванное раздражение недостатком питания - несколько улеглось.Все обратили внимание на очень болезненый вид президента Рузвельта на приведенных в журналах фотографий. Но мы никак не предполагали,что он скоро умрет.

При перемене баталионом позиции - я получил от баталионнаго командира капитана де Кокборн,весьма "интересное" приказание.Смотря мне в глаза через пенсне,он сказал:

"Элизэ!..скачите /это по горам-то/ и передайте ротам,что бы они снялись с позиций,и шли бы сюда в десять раз скорее чем всегда,и соблюдали бы тишину в десять раз больше,чем всегда".

Капитан де Кокборн,как я уже упомянул,был большой французский патриот,спортсмен,умный и воспитанный,как все у них из родовитой дворянской фамилии,почему у него и была приставка "де",но в нем было неприятное, что-то,как бы,иезуистическое и всегдашнее недоброжелание к людям,а в особенности к своим подчиненным,будь то легионер,иль,даже,офицер.К тому же он был карьерист,но в хорошем и заслуженном понимании этого слова.

"Если я не буду в 40 лет генералом - то тогда не стоит и служить",как то он сказал мне.Ему же тогда было чуть свыше 35-ти лет.

Во Французской армии,в особенности в Легионе,вне строя,не только что подчиненные офицеры,но и рядовые солдаты - свободно могут разговаривать и выражать свое мнение,даже,и генералу.Пользуясь этим,я отвечаю капитану, в тон и смысл его приказания,так:

"Мой конь может развить,от голода и усталости,только аллюр рысь...и легионеры будут так же идти и так же громко разговаривать - как всегда".

Сказал,сел в седло и тронулся рысью на под,ем,но Кокборн,тут же дал сигнал на рожке горниста,и роты,снявшись немедленно,и с удовольствием,со своих позиций - шли к нам с той же скоростью "как всегда",и с такими же шумными разговорами,тоже,"как всегда"....

Все это было так не похоже на настоящую военную обстановку! Дух легионеров был уже сильно подорван непрерывным отступлением без "настоящих" отходных активных боев,чему их учили в мирное время.

Новая наша позиция была на редкость хороша.Она шла по длинному массиву и перегораживала главную дорогу,почти,перпендикулярно.Занята она была при заходе солнца,что давало возможность офицерам и легионерам полностью ориентироваться.

Расположились.Но около 21 часу /9 вечера/,пулеметная рота капитана Гуйома,которая занимала левый фланг позиции - открыла выстрелы,потом снялась с позиции,и густою массою торопящихся людей,прошла мимо штаба баталиона,расположеннаго вверху,и скрылась внизу,во мраке ночи.

"Неужели опять приказано отступать?" - мелькнуло в голове.Но случилось нечто иное... Остальныя роты остались на позиции до разсвета.

30-го марта,с самаго утра,шла легкая перестрелка с обоих сторон у самаго южнаго склона перевала.Роты,перекатами,медленно отходили вниз,в долину.7-я рота оставила на дороге одного убитаго легионера,а 5-я - тяжело раненаго.Это очень скверно подействовало на людей.

"Правда-ли,мон капитэн,что Вы бросили на дороге тяжело раненаго легионера?" - мягко,по дружески,спрашиваю капитана Бэссэ.

"Да"... отвечает он с полным безразличием,точно дело шло о сломаном и брошеном на дороге колесе от телеги.

"Почему,мон капитэн? - допытываюсь.

"О-о! ильэтэ трэ люр"/он был очень тяжел/,невозмутимо заявляет он. "И его трудно было нести" - добавляет,оправдывается...

После такого пояснения,что бы не разстраиваться,я не стал говорить с ним об элементарном воинском законе всех армий и всех времен,что "нельзя бросать раненаго товарища и по долгу простой человечности и по долгу взаимной выручки в бою".Тем более,что боевая обстановка не была столь критической.К тому же мы знали,что японцы,обычно,прикалывали штыками раненых и попавшими в плен с обычным для них наслаждением... Естественным последствием подобных случаев будет то,что каждый легионер станет бояться быть брошенным после ранения,а потому у него и не будет необходимаго хладнокровия в бою и он будет оглядываться назад - как бы скорее отойти в безопасное место.

Нет ничего более деморализирующаго психологию воина,как потеря доверия к своим товарищам и начальникам в бою.

Перевал весь отдан японцам.Роты,тонкими лентами,тянулись по долине к следующей цепи гор.Японцы не преследовали.Мы вошли во Французский административный центр село Тюан-Джиао.Здесь,в нашем баталионе,произошли следующия перемены: - Капитан Гуйом был отрешен от командование ротой и отправлен в распоряжение генерала Алессандри и его рота тут-же была расформирована.Люди влиты в другия роты.Вчера,Гуйом,без приказания,самовольно снял свою роту с позиции и отошел с нею за 15 километров в тыл и не исполнил приказания командира баталиона вернуться снова на позицию. При этом было брошено 2 ручных пулемета и 2 бомбомета.

Второе - я был назначен командиром взвода в 7-ю роту,передав своего конька командиру авиационнаго взвода капитану Посталь,который использовал его как вьючное животное для перевозки кухонных котлов его взвода, который состоял из офицеров и подпрапорщиков-французов.Я был очень доволен переводом в строй,о чем просил капитана де Кокборна еще несколько дней тому назад.

Теперь в нашем 2-м баталионе три роты,каждая численностью до 70-ти легионеров..Я назначен в 1-й взвод роты,состоящий из 2-х групп при 2-х ручных пулеметах,всего 14 легионеров и 2 сержанта.Один из них чех,Павлик,а второй австриец Дитрих.Командир роты 48-летний капитан Куран,из сержантов,человек не глупый,не злой,но горячий и шумливый.Я был 5-ю годами старше его,но у нас существовали очень хорошие взаимоотношения еще по службе в Тонге,до похода.Он искренне был рад моему назначению к нему.

Для меня открывалась новая боевая страница,где я непосредственно и очень близко соприкоснулся с легионерами роты в боях и вне их,что бы увидеть много любопытных черт,совершенно недопустимых в европейских регулярных армиях,но столь характерных "для наемных",которым являлся по существу Иностранный Легион Французской Армии. Необходимо подчеркнуть, что наш 5-й полк состоял почти исключительно из легионеров старших возрастов,которых переводили сюда,как бы на отдых в спокойной обстановке Индокитая,с совершенно мирным туземным населением. Но.. скорые события в Индокитае показали ошибочность этой оценки со стороны Французскаго Правительства.

Здесь,30-летний легионер,с пятигодичным стажем службы,считался "мальчишкой".Средний возраст легионера был свыше 40 лет.Много было по 50 и старше.Конечно,люди такого возраста,изношенные физически долгой службой в тропических странах и ненормальной жизнью,как постоянная выпивка и легкодоступность туземных женщин - эти легионеры,по большей части,уже утратили свои физическия силы и выносливость,и не отличались большой моральной устойчивостью. С другой стороны, суровость дисциплины при недостаточной заботливости о легионерах со стороны офицерскаго состава,видящяго в них не "живых людей",своих соотечественников,а только "легионера номер такой-то" - все это вместе взятое - не могло заложить в душе легионера никакой преданности,даже верности,той стране,которую он обязан защищать не за страх,а за совесть,как ея сын.Воспитанные и приученные за всю свою долгую службу на методах борьбы с иррегулярными силами возстававших полудиких африканских разных племен - теперь они столкнулись с высоко дисциплинированными,глубоко патриотически настроенными войсками Японской армии,даже,фанатично настроенными японцами для рассовой борьбы,при лозунге - "Азия для азиятов" - наши легионеры не могли противопоставить японским отрядам надлежащей боевой устойчивости.Такова была действительность...
И вот -

К ночи того же дня,наша 7-я рота заняла позицию на восточном склоне хребта.Рота являлась арьергардной.Я в ней командир 1-го взвода силою в 14 легионеров при двух ручных пулеметах и два сержанта.

Ночь и тишина.Тишина и ночь.Где японцы - нам не известно.Зорко всматриваемся в долину,ожидая приближения японцев,но сверху вниз - ничего не видно.И ничего не слышно.Это еще больше усиливает нервное напряжение людей.Японцы им были страшны.

Около 22-х часов ночи,вся рота,вдруг открыла ураганный огонь в сторону невидимаго противника.Вскочив от неожиданности - я резко толкаю своего пулеметчика в спину бамбуковой палкой,приказывая ему прекратить стрельбу "в пустую".Он удивленно смотрит на меня и говорит,что "стреляет вся рота",поэтому стреляет и он,а по ком - он не видит.Потом рота сразу прекратила огонь,быстро снялась с позиции и спешно стала отходить назад по лесной неровности,и без троп,на главную дорогу.

Так,каждый раз, мы давали знать японцам о производимом нами "предусмотреннем отрыве от противника",который,по сути дела,должен делаться совершенно незаметным для него,с целью ввести противника в заблуждение и выиграть время для спокойнаго отхода на новыя позиции.Вместо этого,своим шумом и треском - мы,фактически,предупреждали противника о своем отходе.И по силе нашего огня,он уже издали мог учитывать наши силы и планы.

Отошли от села километра на два и расположились на новых позициях,прямо на дороге.Баталион расположился на ней "уступами",километра на три. Мой взвод был в арьергарде.И не успели мы остановиться,как моя "головная группа" открыла огонь,потом снялась и стала отходить.Бегу ей навстречу, кричу-командую,останавливаю и возвращаю на старое место.И напрасно сержант, начальник группы,уверял меня,что он "видел" приближение японцев - я отвел группу на старое место и приказал не трогаться до фактическаго появления японцев.На выстрелы прибежал командир роты капитан Куран. Он одобрил мои действия,а потом спросил -"видел ли я японцев и могли ли они так скоро приблизиться к нам?"

"Я не видел японцев и они не могли так скоро приблизиться к нам",искренне говорю ему,и он,старый солдат,отлично зная своих легионеров - ответил:

"Я тоже,думаю,что их не было"... сказал и засмеялся.. А я знал,что если бы не остановил эту свою группу,то - весь баталион,снявшись в полусне, стал бы отходить назад,думая,что японцы "атаковали" нас.Но они не показались и до самаго утра.Так было очень часто у нас...

Утром 30 марта,снялись и продолжали отход на юг.Днем,2 взвода под моей командой,заняли возвышенности у очередного села,а один взвод охранял узкую долину,по которой бежал небольшой ручей.Командир роты находился у села,у дороги.Мы ждали условных 3-х выстрелов из бомбомета,чтобы одновременно сняться с позиции к отходу.Бомбомет,на 3-м выстреле,дал осечку.По команде ротнаго командира - "Реплие!..Реплие!"/Свернитесь!/, все взводы,не ожидая приказаний своих начальников - открыли частый огонь по невидимому врагу и с криками "Реплие!Реплие!" быстро отошли в село.

Внутренне улыбаясь,я пожал плечами и развел руками,но улыбаться было нечему:при проверке людей,в роте не оказалось сержанта,капрала и одного легионера,находившимся на головном посту.

Рота стояла в густой колоне,в сотне метров от покинутаго села,поджидая отходящих легионеров,подвергая себе опасности,если японцы займут село.Позади нас,метрах в ста,стоял командир баталиона со штабом.Он дважды уж кричал-командовал нашему ротному "Рекюле! /Отступайте!/,но мы продолжали стоять и ждать неприсоединившихся легионеров.Вдруг от берега ручья, на уровне покинутаго села,затрещал японский пулемет и пули его подняли пыль на дороге,позади штаба баталиона.Неожиданность была полная.Огонь японцев отрезал наш путь отступления.По резкой команде баталионнаго - "В лес!.. в лес!"- рота,всею толпою со штабом баталиона стремительно бросилась в лес. Огонь японцев гнал нас "в лес"..

"Галопэ!.. Галопэ!"/скачите,скачите!/ - подстегивал легионеров возбужденный голос капитана де Кокборн,находившагося впереди бегущих в порыве животнаго страха людей.

Расбрасывая руками высокий сухой бурьян и ломая ветки кустов - все быстро пересекли наш лесок и выбежали за выступ пригорка без потерь в людях,но с исцарапаными лицами у многих и в изодранной одежде.Некоторые легионеры потеряли часть своего боевого снаряжения.Все это произошло так внезапно и кончилось так скоро,что теперь нам всем стало стыдно и вместе с тем "весело"...Но мы были уже в безопасности,что и было самое главное и приятное.Здесь сменила нас арьргардная рота капитана Бэссэ. Наша-же 7-я рота двинулась дальше в тыл,к высоким острым шпилям,которыми заканчивалась эта долина.Мы входили в извилистое горное дефиле.Передав командование ротой мне - капитан Куран,верхом двинулся в тыл,приказав искать его "на 15-м километре",где он и встретил нас.При свете бамбуковых факелов жителей,Куран указал мне висячий "обезьяний мостик" через быструю горную речку.С большой задержкою перешли мы "на-четвереньках" этот местный мост и расположились на ночлег в селе.При переправе, несколько легионеров сорвались в реку,что было неприятно для них,т.к. ночь была очень холодная.

После горячаго ужина,под начавшийся проливной дождь,я разставил от роты три полевых караула,учитывая наш партизанский образ обороны.Впереди были еще две наших роты, - ночь спали спокойно.

Наступило 1-е апреля.Это был день католической Св.Пасхи,но об этом мы,поглощенные невзгодами нашего отхода,совершенно забыли.Вернее - и не знали.С утра наша рота заняла оборонительную позицию на том месте,где стояли ночью наши полевые караулы.К полудню,нас сменила одна из рот 1-го баталиона.Наша рота выдвинулась вперед,на подд ержку нашим двум ротам.

Со своим взводом я явился командиру 6-й роты,к капитану Комарову и получил от него приказание - "Охранять его правый фланг с тыла",т.к. японцы,будто бы,прошли вслед за 5-й ротой по ту сторону гребня,находящагося к востоку от нас и

позади расположения его роты"Но не успел я отдать соответствующаго распоряжения своему взводу,как подошел мой ротный командир,шумливый капитан Куран,и повышенным голосом приказал мне занять позицию "для охраны леваго фланга 6-й роты". Я недоуменно смотрю на капитана Комарова,в чье распоряжение послан,и глазами спрашиваю - "Какое из двух противоположных приказаний я должен исполнить?" Комаров добродушно улыбается и мягко говорит мне по-русски: - "Мне все равно,Елисеев";и потом,перекинувшись несколькими фразами о положении фронта его роты - он,со своею всегдашней любезной улыбкой добавил: - "Ну,до-свидания... Оставайтесь здесь,а я пойду к своей роте"... Сказал и тихо пошел вперед.С этого момента я его уже не видел в живых...

Разсыпав своих людей в цепь - двинулся вперед,но в кустарниках натыкаюсь на взвод 6-й роты аджудан-шефа Букалова,который уже охранял левый фланг своей роты.Букалов смеется на всю эту путаницу.Я то-же.Но он скоро был отозван вперед и мой взвод в 14 легионеров,занял его место.

Впереди шла редкая перестрелка.Прошло минут 10,как мы увидели стрелка-аннамита,вестового капитана де Кокборн,проскакавшаго на своей белой лошади по дороге в тыл,очевидно,с какой-то тревожной вестью.Мы насторожились.Минуту спустя,следом за ним,промчался во весь опрр на быстрой лошади баталионнаго,какой-то легионер.Мы поняли,что впереди случилось что то серьезное.И скоро из пролеска,по дороге,показалась печальная процессия.Верхом на маленькой местной лошади,сидел кто-то,очевидно,тяжело раненый,склонившись всем своим телом на шею лошади.По обе сторбны,его поддерживали два сержанта из штаба баталиона,а третий вел лошадь в поводу. Рубашка раненаго была закинута на голову и обнажала сухощавую окровавленную спину.Это был капитан Комаров,с которым я разговаривал всего лишь несколько минут тому назад.Его провезли метрах в 50-ти от нас.И не успела эта группица скрыться в новом перелеске - как на передовой позиции, среди наступившей тишины - резко роздался условный выстрел бомбомета к отступлению.

"Начался отход!.. Приготовиться!" командую своим людям.Все тихо,но нервно насторожились.Из-за деревьев с кустарниками,откуда только что вывезли капитана Комарова - появилась толпа легионеров 6-й роты,торопясь отходить назад.За нею,быстрым шагом,с остальными взводами роты,шел капитан Куран.Поровнявшись со мною,он коротко бросил:

"Элизэ!.. оставайтесь в арьергарде!" и никаких других распоряжений. Все это происходило неожиданно и так быстро,словно в синема.Разсыпав свой взвод в кустарниках по обе стороны дороги - я ждал немедленнаго же появления японцев для преследования нас по очень ровной и прямой дороге, которая тянулась метров на 500 до дефиле.А позади меня,густой колоной,отходили наши роты,являясь прекрасным об,ектом для обстрела и преследования.И в моем кавалерийском мозгу,мелькнула мысль,что - появись сейчас лишь один эскадрон японской кавалерии,и даже меньше - и от нас мало что осталось бы...

К этим отступающим ротам,слева,густою цепью бежал взвод авиаторов и своим поспешным отходом,вносил еще большую тревогу в души моих 14-ти легионеров "арьергарда".

Мой взвод с тревогой ожидал появление врага,но он не показался.С его стороны не было и одного выстрела.И где он был - мы не знали.

Дав отойти колоне за пределы досягаемости ружейнаго огня - я спокойно снял взвод и стал отходить "цепью",перекатами,от одной группы кустарников,к другому.

У "горла" очень узкаго горнаго дефиле,наш отход замкнул 1-й баталион спокойнаго и умнаго капитана Гошо.Здесь я узнал жуткую для меня весть, что капитан Комаров не ранен,а - убит.Через 10 минут я увидел его бездыханное тело на нашем баталионном санитарном амбулансе.Доктор делал перевязку какому то легионеру в самом амбулансе.В нем было очень тесно и

тело капитана Комарова было притиснуто к самой стенке,как предмет,который теперь "уж никому ненужен"... Его,так мне знакомые сапоги желтой кожи с выворотными голенищами-ботфортами,над которыми мы посмеивались - безпомощно свисали за дверцы амбуланса,словно подчеркивая печальный конец еще одной человеческой души.Вокруг амбуланса толпились довольно много легионеров его роты.Они его любили.Поодаль,офицеры обсуждали между собою случившееся.Всех охватило какое-то тревожное настроение.Гибель этого виднаго и всеми уважаемаго офицера,такая неожиданная и жестокая, глубоко тронула всех в полну.Он был убит снарядом японскаго бомбомета, разорвавшагося у его ног и обдавшаго его целою тучею осколков.Умер он тут-же,истекая кровью.Позади него стоявший легионер-ординарец так-же тяжело ранен и умер в ту-же ночь.

Приблизившись - я вскочил на подножку амбуланса и приподняв его руку закрывавшую лицо,словно от грозящаго удара,смотрел в него,неживое.Его лицо было совершенно спокойное,будто он спал с чуть прикрытыми глазами. Ни тени предсмертнаго страдания.Скорее - легкое удивление на лице чему-то неожиданному.Положение его тела,казалось,говорило:- "Ах... оставте меня в покое!.. я так устал,устал.. и я хочу спать"...

Долго я смотрел на это,так знакомое мне сухое лицо бронзоваго загара,лицо с тонким прямым профилем... Смотрел для того,что-бы разсказать его жене-француженке.Потом опустил его мертвую руку,троекратно перекрестился и бегом стал догонять свою роту. Командир роты ждал меня и передав командование,верхом двинулся в тыл,приказав искать его "на 26-м километре".Я повел роту.Скоро нагнал нас конный эстафетчик и передал следующее письменное распоряжение-телефонограмму от генерала Алессандри,находившагося на последнем Французском военно-административном пункте перед Китаем,в 5-й военной зоне,в селении Дьен-Бьен-Фу:

"При провозе тела капитана Комарова - всем ротам остановиться и отдать ему последния воинския почести".

Поздно вечером дошли мы до 26-го километра.Это был невысокий перевал. Кругом лес и горы.Справа очень глубокая пропасть с тропическим зарослями,под которыми слышно было как бурлит речка.Были разставлены караулы. Рота ждала горячаго ужина,но его не было.Из глубокаго тыла,из Дьен-Бьен--Фу,на автомобили прибыл генерал Алессандри.Он долго распрашивал меня все подробности гибели капитана Комарова,котораго он отлично знал,и как офицера своего полка и как выдающагося партнера "в бридж",котораго любил и ценил и смерть котораго его опечалила исключительно глубоко.Потом он роздал моим легионерам американские папиросы из своего кармана,что мне непонравилось,т.к.этим он,явно,популяризировал себя,яко-бы добротою и щедростью.Мы все любили американские - и галеты,и консервы и папиросы.Легионеры с удовольствием брали папиросы из рук главнаго здесь начальника всех Французских войск,потом аккуратно поделили между собою и принесли мне "мой пай".... три папиросы.

Тело капитана Комарова провезли мимо нас ночью,когда рота спала. Кто он? По чувству воинскаго товарищества - я должен сказать о нем.

Он прямой внук генерала Комарова,который в 1885-м году,у крепости Кушка,атаковал афганцев,разбил их и отбросил за речку Кушка.На протест Английскаго Правительства о военных действиях в мирное время,с требованием наказания генерала Комарова - Император Александр 3-й наградил генерала Комарова орденом Победоносца Св.Георгия 4-й степени "За проявленную инициативу по защите чести своего Отечества".

Его этот внук Владимир Комаров,кадетом Морского корпуса 4-го или 5-.го класса,попал в Персию с Каспийской флотилией в 1920-м году.Скоро переехал во Францию,окончил там Военное училище,принял гражданство и стал

"Офисье актив",что равносильно русскому - "Кадровый офицер",со всеми правами офицера Французской армии.Сержанты,получившие первый офицерский чин за бфевыя отличия,официально называются "кадр нуар",т.е. "черный кадр" в точном переводе,по нашему - "Зауряд-офицеры",и если они потом не прошли курса Военнаго училища и хотят остаться на военной службе - их карьера ограничивается чином лейтенанта,т.е.поручика,или сотника по казачьим Войскам,до самой их отставки.Во Французской армии требуется военное образование и только тогда он приравнивается для производства в следующие чины с кадровыми офицерами.И Комаров все это прошел.

Похоронен он в селе Дьен-Бьен-Фу - печальном,никчемном,но знаменитом тем,что в него был спущен дессант парашютистов,силою в одну дивизию,против Аннамитских войск вождя их-коммуниста Хо-Ше-Мина,который,после долгаго сопротивления - был полностью пленен.

— • —

Настало утро 2-го апреля.Ночью,поверяя караулы,я унес три карабина, небрежно брошенными спящими легионерами.Утром они пришли за ними.Я не буду описывать,как я их "разнес".Потом я убедился,что японские солдаты всегда спят в походе с винтовками,зажатых между ног и в обхват руками. Конечно,при таком психологическом состоянии,бороться против японской армии,было больше чем трудно.

Рота передвинулась на 29-й километр и занята там позицию. Позиция в горах,в тропических джунглях,при наличии единственной дороги по лесу - совершенно не походила на позиции,о которых пишется в уставах. Мы располагались "уступами" по дороге,и основную боевую группу,составлял лишь один ручной пулемет со своей прислугой.При таком положении,надо иметь очень большую устойчивость в сердцах,что бы удерживать ее. К тому же,непосредственной помощи от других,ждать не приходилось.Дорога в лесных зарослях шла зигзагами,а потому противник мог подойти к ней незамеченным.Надо было быть всегда на-чеку,а это очень нервировало людей, деморализованных постоянным отступлением.

Меня,как старшаго в роте офицера,ротный все время назначал с моим взводом в 14 легионеров,в арьергард.Так было и сегодня,в роковое 2-го апреля.

Заняв позицию,я пропустил мимо себя наш 1-й баталион и наших "авиаторов"-ненужный военный груз отряда.Проходившие офицеры предупреждали, что японцы идут за ними по-пятам.Прошли они и наступила жуткая тишина. Такая,от которой несет дыханием смерти.

Японцы появились очень скоро в этой зловещей тишине.Моя головная группа с одним пулеметом,открыла по ним огонь и,снявшись,отошла ко 2-й группе.Потом открыла огонь 2-я группа.Затем вся рота снялась и стала отходить.Через 2 километра рота перешла вброд два широких ручья.Сберегал обувь для дальнейшаго похода,еще более труднаго в далекий "наш Китай" - я,переходя речки,всегда снимал ботинки и одевал их на другом берегу,почему несколько отставал от роты.

На 33-м километре,мы снова оказались на перевале.Мой взвод остановился,идя головным,перед самым перевалом.Позади меня была еще наша рота и должна была отходить под моим прикрытием.На том же перевале,расбросано, по разным укрытиям,остановились остальныя две роты нашего баталиона.

Было около 19-ти часов /7 вечера/.Вечер был серый,тусклый.Кругом царила тишина.Мы,как всегда,пассивны.Ждали приближения японцев,зная,что после короткой перестрелки,мы немедленно же отойдем назад.Ктому же,генералом Алессандри,дано было общее распоряжение: - "При появлении противника,не ввязываясь в жаркий бой - отходить".

Все знали,что - "Мы идем в Китай",поэтому,такое распоряжение считали нормальным.Оно радовало всех.Мы были очень утомлены,плохо питались, были без табака,в истрепанном обмундировании и в разбитой обуви,издер-

ганные морально и отсюда - потерявшие боевую устойчивость. Общая деморализация проникла глубоко в души людей. Смерть страшна для всех, а тем более, когда всякаго угнетало сознание, что, даже, раненый - он рискует быть брошеным на дороге и его потом японцы докончат штыками...

"В Китай!... В Китай!... Скорее бы в Китай!" - на этом сосредоточилась мысль многих. Хотя об этой цели нашего отступления было об,явлено еще 11-го марта, после печальнаго перехода через Черную реку - теперь этот уход в Китай, с каждым днем становился необходимым, вызывающий жгучее нетерпение.

Так вот, в таком настроении, вечером 2-го апреля, мы ждали появление японцев.

Моя "1-я группа" взвода в семь легионеров, под командой сержанта Дитриха - заняла позицию по дороге перед самым перевалом. 2-я группа сержанта Павлик, разсыпалась по дороге, свернувшейся вправо, в сторону японцев. Горный выступ разделял эти обе мои боевыя группы легионеров и прерывал зрительную связь между ними. Два взвода нашей роты, под командой капитана Куран, должны отойти за мой взвод, где занимали позиции на самом перевале 5 и 6-я роты с командиром баталиона.

По положению, я должен был находиться при 1-й группе, перед перевалом и оттуда руководить своим малым взводом стрелков с двумя ручными пулеметами. К этой 1-й группе, должна отходит и "вторая" в случае нажима противника и там уж, сосредоточеным взводом, вести огонь. Но мне нехотелось, что бы легионеры подумали, что "я избрал место более безопасное", потому и остался с головной своей группой, что ближе к японцам. Это меня и погубило.

Скораго появления японцев мы не ждали. Заняв позиции, вблизи которых, на возвышенности, расположился в кустах наш ротный бомбомет - легионеры, по обыкновению, перекидывались между собою незначущими и надоедливыми фразами, шутили, курили у кого был табак, а некоторые ели свой сухой ужин.

Мне так хотелось есть... Утром, мой сержант-чех Павлик, добрый и вежливый, угостил меня вкусными американскими мясными консервами. Сейчас-же был вечер, и я с тех пор ничего не ел. Мне было неловко просить у подчиненных "поделиться их скудным рационом", поэтому, чтобы "занять свой желудок" - я стал внимательно расматривать оставленый нами предыдущий перевальчик по зигзагообразной дороге, откуда должны появится японцы.

Они там и появились... и очень скоро. И об этом мы узнали лишь тогда, когда по нас "заговорил" их пулемет, да с такою точностью прицела и силою огня, что мы больше удивились, чем испугались. Пули первой очереди пулемета застали меня стоящим на дороге и застрекотали на такой высоте, что я ждал, что - вот-вот, одна из них, ударит меня в живот, именно в живот, а не в другую часть тела. Обе мои группы немедленно-же открыли огонь в сторону невидимаго им японскаго пулемета, до котораго было 500-600 метров по прямой линии. Нас же разделяла глубокая непроходимая пропасть, вся заросшая тропической растительностью. По дороге же, с ея извилинами, было километра полтора. Тут впервые я увидел светящиеся пули. Они с молниеностной быстротой пронизывали пространство тончайшей искрой и ударялись в высокую обочину дороги позади меня.

"Не галлюцинация-ли это?" - мелькнуло в голове, но когда одна из пуль пронизала сухой листок кустарника впереди меня и он загорелся - мои сомнения исчезли.

"Огонь!" - крикнул я бомбометчику, что позади меня. Бомбометчик француз -легионер, на удивление чисто одетый, в шарфе вокруг шеи, вдруг флегматично отвечает мне сверху:

"Мон льеутенант...с-э тре люэн /это очень далеко/..Мой бомбомет не

донесет туда снаряда!"... Ответил,и неторопливо вскинул "свое орудие" на пдечо и скрылся вниз.

Я хорошо вижу место,откуда исходит огонь противника,но не вижу самаго противника.В это время,командир роты проходит быстро мимо нас по водосточной канавке,а за ним,низко пригибаясь,следую два взвода "гуськом"

"Элизэ!... Прикрывайте нас.. а потом сворачивайтесь и отходите сами! бросает он коротко на-ходу.

Пропустив роту через первал и выждав нескольео минут - под сильным огнем я снял свою вторую группу и двинулся назад.Я полагал,как и приказал,что моя "первая группа",будет ожидать отхода моей второй группы и прикроет наш отход.Но когда мы дошли до ея позиции - ея там не оказалось.Сержант Дитрих снялся самостоятельно и отошел вместе с ротой.Это меня удивило и обезкуражило.Мы,девять человек теперь оказались единственным арьергардом всего баталиона.Но возмущаться было и некогда,и поздно. Меня же ждало нечто,еще худшее.

5 и 6-я роты,с командиром баталиона во главе,расположенныя на самом первальчике,сзади меня,почувствовав на себе рекошетный огонь - покинули свои позиции и бросились вниз по дороге.

При виде всего этого - меня охватило предчувствие непоправимой катастрофы.Не останавливаясь - мы двинулись вниз,за уступ изгиба перевальчика и скрылись о глаз японцев.Все роты были уже на втором изгибе,и весь баталион,очень скорым нервным шагом,в достаточном безпорядке,уходил.... Мы оставались в безсменном арьергарде,девять человек:.семь легионеров,сержант Павлик и я. И когда я со своими легионерами повернул за "спасительный" выступ - голова колонны была уже за вторым выступом,а хвост ея был от нас метрах в 200-х и тоже ускользал за выступ.

Группа шла скорым шагом вниз,стараясь нагнать свой баталион.Вдруг со стороны японцев раздался отдаленный орудийный выстрел и,недалеко впереди нас,на самой дороге,разорвался снаряд.Мои легионеры бросились на землю,уткнулись вниз лицами и оставались лежать неподвижно.

"Ан аван,ан аван!" /Вперед,вперед!/ кричу им,командую.Они боязливо вскакивают на ноги,быстро идут вперед,но при звуке новаго выстрела,не дожидаясь разрыва снаряда,снова кидаются на землю и замирают.Снаряд разрывается рядом с первым.Мы попадаем в сферу японскаго перекидного огня и нам надо как можно скорее из него выйти.Я тороплю легионеров,но японские снаряды теперь падают с методической точностью через каждыя 8-10 секунд,увеличивая дистанцию на 10-15 метров,и мне очень трудно поднять людей и заставить их двигаться вперед.Они,словно,предпочитают залечь здесь "навсегда" под японским обстрелом,чем прорываться через огненую завесу.

В предвечерней мгле,разрывы снарядов,кроме очень сильнаго звукового эффекта - производили большое впечатление своим ярким пламенем.Люди были деморализованы еще и тем,что мы,не имея артиллерии,оказывались совершенно безсильны против этого обстрела.

По своему боевому опыту я знаю,что разорвавшийся снаряд уже так же не опасен,как и пуля,свист которой ты услышал,а потому сам не ищу укрытия,а стараюсь подогнать людей скорее идти вперед.Я учитывал - т.к.мы уже скрылись из поля зрения японцев,и на их огонь не отвечаем - то они, безусловно,возобновили наступление-преследование нас и могут с минуты на минуту появиться на нашем перевальчике и тогда нам уж не удасться уйти от них благополучно.Но легионеры,при каждом новом выстреле - падали на землю и лежали как неподвижныя бревна.Бамбуковой палкой толкаю задних из них в плечи,в спины и ниже поясницы и строго приказываю подняться и бежать.Но все это помогает очень мало.Мы продвигаемся короткими

перебежками между двумя орудийными разрывами.Из нас никто еще не ранен.

Я продолжаю оставаться на ногах,считая недостойным следовать примеру своих подчиненных.Вдруг снаряд разорвался сзади и левее меня.Что то очен больно ударило в спину,выше поясницы,и остро обожгло по всей спине мелкими уколами. Я не упал. Неужели ранен?... контужен? - пронеслась мысль Легионеры вскакивают и бегут дальше вперед.Новый слышим выстрел.И я, заглушая совесть и честь офицера - тоже падаю на землю вместе с легионерами,втыкаюсь лицом в землю и лежу неподвижно,пока затихнет шум от разорвавшагося снаряда... Мне стыдно,но я прячу свое офицерское самолюбие и гордость,т.к.меня охватывает страх быть раненым и брошенным здесь на дороге.И страх не напрасный,потому что я шел "последним" и у меня не было никакой надежды,что мои легионеры вынесут под таким огнем своего раненаго начальника.Да и куда нести?!....

К счастью - мы добрались,наконец,до изгиба дороги влево,который укрыл нас от японскаго огня.Да и огонь этот сразу прекратился.

"Японцы меняют позицию... надо спешить уходить!" подсказывает внутреннее чутье.

Хвост баталиона идет уже по новому изгибу дороги.Нас разделяет непроходимая пропасть,заросшая бамбуками.Ускоренным шагом огибаем ее и поднимаемся по новому зигзагу дороги,идущему чуть-чуть вверх.Мы уже не держим ни строя,ни дистанции и шагаем вразброд,торопясь только вперед.Я держусь в середине своих людей.Вдруг вижу впереди легионера странно разставившаго в стороны руки,с карабином в левой руке,тихо бредущаго неуверенным шагом.Его вещевой мешок как то небрежно опустился ниже поясницы и смешно болтается на завязанной у шее веревке,явно затрудняя его движение.

"Неужели пьяный?... Да еще в бою?" недоумеваю я злостно. А среди легионеров это могло быть.У них все может быть!...

Поровнявшись с ним - строго заглядываю в лицо.Он медленно поворачивает ко мне голову и слабым,страдальческим голосом,произносит:

"Мон льеутенант... же блесэ..." /Господин лейтенант... я ранен/.И я узнаю в нем своего капрал-шефа Колерскаго /поляк/,который только вчера получил за боевыя отличия золотой галун к своему нитяному,к зеленому и стал "капрал-шеф",будучи только капралом.И вчера,на 26-м километре,я,сержан Павлик, и он поляк - втроем спали у обочины дороги,тесно прижавшис друг к другу от ночного холода.Вчера я жал ему руку,поздравляя с повышением,а он очень скромно и благодарто мне улыбался.

Во Французской армии,даже высший генерал жмет руку рядовым солдатам, поздравляя их с повышением по службе,что я считаю очень похвальным и правильным явлением.

Потом мы втроем,прижавшись друг к другу от холода - тихо пели наш Славянский Гимн - "ГЕЙ СЛАВЯНЕ..." и он пел его с душею первым голосом и умеючи,чем особенно подкупил меня. И вот сегодня,он ранен и безпомощен. Из шеи у него,тонкой струей,бьет кровь.Левая калоша брюк в сильной крови.Куда он ранен - неизвестно,но он обезсилен и едва идет.

"Начни только помогать - и его не спасешь и сам не уйдешь!" - остро пробежала мысль.

"Брось!...Уходи скорее сам!.. Спасайся САМ!" настойчиво подсказывал инстинкт самосохранения - подло,не честно... Но дух воинской чести и товарищества,моральная ответственность офицера - преодолели эту подлую эгоистическую мысль.

"Сам погибай,а товарища выручай!" - золотыми буквами диктовал Воинский устав Русской Императорской Армии,который,еще с юнкерской скамьи,и "навечно" - залег в мою душу,этот моральный закон для каждаго война.

Уже не разсуждая - я подскочил к нему,подхватил слева под-мышку,взял,

схватил его карабин из левой руки и приказал какому-то легионеру подхватить его справа.

Раненый радостно простонал,и мы втроем,ни на минуту не останавливаясь, продолжали идти дальше.

Ранцевый мешок у него за спиною,свесившийся ниже поясницы - изнурял раненаго и мешал движению.

"Купэ ле корд!" /режь веревку/ резко скомандовал я нагонявшему нас легионеру.

"Иль нэ ра дэ куто!" /нет ножа/ вдруг отвечает он немощно.

"Пар баянет!" /штыком/ зло дал команду ему коротко. И легионер,обнажив штык - перерезал веревку,и ранец упал на землю,как уже ненужная раненому "подруга вечная"..И облегченный раненый,с каким то детским доверием,отдался ритму нашего движения, лишь перебирая ногами.

Во Французской и в Японской армиях,штыки имеют форму большого ножа - у французов четверти две длиной,а у японцев четверти три.

Нас начинает осыпать японский пулемет.Мы стараемся идти как можно скорее,но наш раненый, явно,ослабевает.Чувствую,что слабею и я.Мне так неудобно идти "не в ногу" с раненым!И мне так неудобно нести его карабин и свою бамбуковую палку в одной и той же руке! Мне хочется бросить его карабин в кусты.Он,теперь,ни ему ни мне,ведь,не нужен! Но разве можно бросать оружие,да еще в бою?! - проносится мысль с упреком.

Какой то легионер обгоняет меня слева и саморет его у меня,и я почувствовал моральное облегчение,так как я избавлен от опаснаго соблазна - "бросить оружие в бою". Но наш раненый окончательно выбился из сил.Мы тоже. В полном физическом изнеможденни - мы останавливаемся.Я приказываю двум легионерам,обгонявших нас,на вид крупных и сильных - сменить нас. Они подхватили Колерскаго как и мы,и двинулись позади нас.Но не прошли мы и нескольких десятков шагов,как я услышал позади жалобный стон.Оглянувшись - вижу - раненый брошен,лежит на дороге,на спине,головой к противнику и в полной своей безпомощности.До него было шагов 50.Как ужаленный бросаюсь назад и кричу-команду:

"Взять его!.. Взять!.. Почему Вы бросили?"

"Иль я тре люр!" /он очень тяжелый/, слышу в ответ усталые голоса и вижу,что легионеры совершенно не собираются вернуться назад за раненым товарищем,к тому же,приблизиться к японцам и,явно,потерять так драгоценныя минуты для своего личнаго спасения.

"За мною!..вчетвером!...сержант Павлик - ко мне!" - бешенно кричу я и,увлекая их за собою - подбегаю к раненому.

Мы берем его за руки и ноги как лягушенка и быстро движемся вперед с безпомощной,точно из резины,ношей.

Левая штанина его полностью пропитана кровью и стала черная и липнет к моим рукам.Его левая нога скользит из моих рук и это мешает мне идти. Японский же пулемет уже взял на мушку нас всех пятерых,но стрельба сверху вниз - не дает точнаго прицела: пули летят над нашими головами.Мы спешим вперед изо всех сил к следующему зигзагу,что на маленьком пригорке, но чувствуем,что выдыхаемся....

"Не унесем!"... настойчиво стучит мысль. Хвост баталиона уже заворачивает за новый поворот дороги и о нас,словно,забыли все... Мысли в смертельной тревоге путаются.Неминуемая моральная катастрофа,что "мы бросим раненаго" - бьет меня в самую душу.Но вот я вижу приотставшаго ллегионера с лошадью,от хвоста баталиона.

"Ле шваль пур ле блесэ!.. ле шваль!" /лошадь для раненаго/ -скричу я изо всех сил.

"Ле шваль пур ле блесэ!..Ле шваль!" вторят мои легионеры.И легионер с конем в поводу останавливается,увидев нашу ношу.

Напрягая последния силы,мы подходим к нему и под пулеметным огнем,пытаемся посадить раненаго на высокое вьючное седло.Под огнем,лошадь нервничает и не стоит на месте.А у нас,даже вчетвером,не хватает сил поднять его настолько,что бы усадить в седло.Кто-то помог нам.Два моих легионера, хватают раненаго за каждое колено ног по сторонам лошади,что бы он не свалился,а сам раненый,судорожно и жадно,уцепился обоими руками за передний край седла.Рысцой,вся эта группа,трогается вперед-вниз и скрывается за поворотом.

Бедняга молодецкий капрал-шеф Колерский!.. Мне уж не пришлось больше его видеть в живых.Еще пять километров ему пришлось так трястись в седле "без стремян" и без перевязки до баталионнаго амбуланса,и там,ночью,он умер от потери крови. Но об этом я узнал только пять месяцев спустя...

Освободившись от тяжелой ноши - я еще больше почувствовал себя утомленным,вернее - окончательно изнуренным физически.Онемели руки.Пересохло в горле.Ослабели ноги.Некоторое время иду тихо,что бы дать отдых мускулам.Я весь мокрый от пота и от воды,при переходе ручьев вброд.Рубашка прилипла к спине и я ощущаю под нею присутствие какой-то неприятной слизи и раздражающую боль.Но острое нервное напряжение,как-то,заглушает все эти физическия страдания.Я,тоже,уже миновал один из зигзагов дороги и считаю себя укрытым от огня противника.Я иду последним.Не спеша,сворачиваю на новый зигзаг дороги направо,за очередную пропасть,как в это время по нас "заговорил" японский пулемет,откуда-то,совсем близко.Японцы,очевидно, успели занять новую позицию на нашем последнем перевальчике.Мы быстро пробегаем обращенный к противнику открытый изгиб дороги и скрываемся за "спасательным" поворотом. Тут я попадаю в "разбухший хвост" баталиона,который остановился. Офицеры командуют: "В колону по-два!.. В колону по-два!" - но никто ее не исполняет: - все спешат вперед,с единственной мыслью,как можно скорее уйти подальше от противника и укрыться поскорее от его преследующаго,на каждом повороте дороги,огня.

Командир баталиона капитан де Кокборн,стоя посреди дороги и разставив широко руки,словно ими желая физически задержать легионеров - громко кричит-командует:

"5 и 6-я роты - СТОЙ!СТОЙ!"

Ему вторят остальные офицеры.Это была последняя попытка остановить и привести в порядок людей.Группа последних легионеров человек в 40-50 - останавливаются.И я в последний раз вижу некоторых офицеров и сержантов своего баталиона.Мне резко запомнилось "разное" выражение их лиц,и необычайное для них в мирной обстановке,определенно болзливое,с оглядкой в сторону противника.Его нельзя было назвать выражением трусости - нет!Это была тревожная досада на свою безпомощность и сознание полной безполезности команды о с т а н о в и т ь с я !

Я встретился со взглядом своего сержанта-австрийца Дитрих.Небольшого роста,умный и решительный - его взгляд говорил мне "извинительно" за то, что он оставил свою позицию на первом перевале и ушел со своей группой назад,без моего приказания.И его,сейчас,растерянный вид,говорил,как бы: - "Мон леутенант,извините за то,но,все равно,мы не удержимся".

Отличный фельдфебель нашей роты,теперь он при штабе баталиона,молодой и изящный аджудант-австриец,почти интеллигентный человек - он стоял в стороне и "косо" поглядывал в сторону японцев.

Выдающийся,и самый старший в баталионе,аджудант-шеф Букалов,высокий брюнет в 50 лет с мужественным лицом,наш русак Воронежской губернии,котораго в трусости никто не мог заподозрить - он стоял в гуще легионеров и был совершенно безвольным....

Мой командир роты шумливый капитан Куран,старый солдат-воин из унтер офицеров,но с законченным образованием военнаго училища,прибывший к нам после неудачной операции в порту Нарвик /Норвегия/, и уже имевший Орден

ЛЕЖИОН Д,ОНОР /Орден Почетнаго Легиона/,жалуемый за особыя военныя заслуги - напрасно останавливал он легионеров! Эта "остановка" продолжалась всего лишь несколько секунд. А потом,эта группа пожилых уже солдат, и отличных солдат,подталкиваемая животным страхом и сознанием своей безпомощности - она прорвала заграждение в лице своего баталионнаго командира,безусловно,смелаго и отличнаго офицера - и еще быстрее устремилась вниз,под гору,переходя с шага,на бег....За ними,тем-же аллюрами,кинулись и офицеры.Больше я их не видел в своей жизни....

Сильно уставший после истории с раненым капрал-шефом Колерским - я снова быстро отстал от них и с небольшой кучкой легионеров своего взвода,плелся сзади,точно"прикрывая"общее поспешное отступление.

По дороге стали попадаться брошенныя легионерами предметы снаряжения. И брошенныя не случайно,а для облегчения.Вот валяется окровавленый тропический шлем-каска,походныя сумки и др,вещи.По дороге много крови.

Это зрелище скверно подейсtвовало на меня,как признак того,что чувство животнаго страха слишком далеко зашло в душу людей и теперь их ни чем нельзя будет остановить.

Наша зигзагообразная дорога тянется вниз так далеко,что в предвечернем мареве,я не вижу ея конца.А японцы бьют нас из пулеметов уже справа.

Измученый морально и физически - я добрался до какой-то впадины влево,где мы были совершенно укрыты от огня противника. "Наконец-то спасен! - проносится мысль,но метров через 50,дорога круто поворачивается назад, прямо на восток,и мы грудью бежим прямо навстречу огню японцев.Ничего не соображая - бегу и я вслед за другими.

Это было "самое дно" той громадной и глубокой катловины,по которой растянулась эта,причудливо-извивающая по склонам,дорога между двумя перевалами,растянувшись ровно на три километра,считая их по верстовым столбам.Достигнув "дна" - она круто сворачивает назад на 300 градусов для того,что бы метров через 50 - круто повернуть на север.Здесь мы попадаем в совершенно открытую безлесую полосу и без всякаго укрытия в сторону противника.Главная,недавно построенная дорога,изгибом наружу - снова сворачивает на восток,в сторону японцев, а чуть выше,и западнее,левее ея - проходит старая дорога,уводящая от них.Шедшие впереди легионеры инстинктивно вскакивают на нее,что бы хоть на несколько метров быть подальше от врага.Это смешно,но я следую за ними.Впереди,в глубокой впадине с крутыми берегами,протекает ручей,через который перекинуты два деревянных примитивных моста,совершенно разрушенных.Дальше повышался крутой безлесый глинистый под,ем,по которому устало поднимаются,и растянувшись,остатки нашего баталиона.Под,ем этот заканчивается лесистым перевальчиком.

"Еще пять минут и мы будем за перевалом.Там огонь японцев нас уже не достанет" - проносится радостная мысль,и я подошел к былому маленькому мосту.

Во все время похода наблюдалось,совершенно непонятное с военной точки зрения,явление,а именно: - все мосты взрывались не последним,арьергардным баталионом,или ротой,а почему-то предпоследним и,даже,накануне. И прикрывающей части всегда приходилось переходить речки вброд,или карабкаться по труднопроходимым остаткам разрушенных мостов.

В этот день злой рок преследовал меня с самаго утра.И этот день остался в моей памяти как самый опасный и самый жуткий день во всей моей жизни.И развязка трагедии этого дня наступила именно здесь,у моста,разрушеннаго нашим-же 1-м баталионом Легиона,и в то время,когда его собрат, 2-й баталион,оставался еще в арьергарде,да еще в таких исключительно трудных условиях...

Длина моста была около 10-ти метров.От него осталось только две пере-

ходных перекладины.Они были не устойчивы и скользкия от воды и грязи после перехода по ним многих людей.За мною следовало человек пять легионеров.По русской,а может быть чисто казачьей,логике военнаго воспитания, и что бы не спасаться "первым" - я остановился и сказал легионерам,чтобы они переходили бы "первыми".По-одному,гуськом,они вступили на бревна и осторожно передвигались по ним,скользя подошвами и балансируя руками и корпусом своего тела.Я следовал их примеру и был уже на середине моста, когда внезапно,справа,затрещал японский пулемет и пули низко засвистали над нашими головами.Шедшие впереди легионеры бросились плашмя на перекладины,а я,от неожиданности толчка дрогнувших бревен - потерял равновесие и сорвался вниз,с высоты четырех метров,прямо в ручей.Упал удачно,на ноги,и в воду,а не на камни горной реки.Там застряла,лежа,с вьюками боевых патронов,темно-серая лошадь,которую,барахтавшийся в воде легионер,старался поднять и вытащить на берег.Я упал возле него,ударив его в спину.

"О,мерд аллер!" /О,чорт возьми!/,сочно выругался он ничего не значущей и общепринятой французской руганью.Но мне было не до его ругани.Я, даже,весело улыбнулся ему в ответ.

Я тогда не знал,и не подумал,что это была моя последняя улыбка не только что в этот день,а"последняя" на много-много дней впереди...даже на несколько недель.

Легионер,со своей лежачей лошадью,совершенно загораживал выход на узкую,поднимающуюся на крутой берег,тропу.

"Ничего... найду следующую!" - быстро решаю и спешно тронулся вверх по течению ручья.

Воды в нем по-колено,но дно усеяно большими камнями и идти было очень трудно.Все свое внимание я сосредоточил на поиски следующей тропы к северу,но этот северный берег,мой путь к легионерам,начинает все сильнее повышаться,а густыя заросли так нависли над водой,что за ними ничего не видно.Спотыкаясь и хлюпая по воде,я тороплюсь вперед,все вперед.Я весь мокрый от ног и до головы:от пояса и ниже - после перехода с ротой 2-х бродов,а выше - от пота,вызваннаго возней с раненым и быстрым отходом вслед за своим баталионом на протяжении трех с лишним километров.От усталости у меня приостанавливается дыхание...

Прохожу метров 25,40,50....Меня охватывает ужас:- берег поднялся настолько высоко и круто со своими тропическими зарослями,что о преодолении его нечего и думать..... Я чувствую,что "вязну в одиночестве",и уже потерял слуховую связь со своими легионерами.Шаги их мне не слышны...

Вижу громадное дерево,упавшее от бури,верхушкой в ручей.Толстые корни его видны наверху берега.Длиних метров 15,а толщина дерева в два охвата.

В поисках спасения - карабкаюсь по нем на животе,по лягушачьи.Крутизна падения дерева градусов на 45.Мне в мокрой одежде очень скользко.В руках и в ногах полная слабость.Какая-то неуверенность в движениях их,в работе их.В одной руке у меня бамбуковая палка,на мне две полевых сумки и револьвер - все это сильно мешает.Прополз метра три-четыре,обезсилил окончательно и,неожиданно скользнув всем своим телом и не имея за что удержаться,полетел обратно в воду...

"Неужели не уйду!"- охватывает меня ужас.

"Лежионэр!... Лежионер!" - кричу всей силой своего голоса вверх,призывая на помощь,но мертвая тишина покрыла мои призывные крики.И я не услышал,а почувствовал всем своим существом,как во мне отдаются "последние шаги" уходящих где-то вправо от меня людей и.... затихли вдали.

"Погиб,погиб!" - остро режет сознание мысль. "И погибну один в этих

зарослях!..и об этом никто и никогда не узнает!.. неужели ни жена,ни сын,никогда больше меня неувидят?!"..

И странно! Почему-то думая о семье,я думал не о том,что Я их больше не увижу,а именно,что ОНИ меня не увидят!... Отчаяние перд предстоящей жуткой гибелью леденило душу. Я чувствовал себя подвешенным над "бездной смерти",и подвешенным "вниз головою",т.е. - в состоянии полной безпомощности и безсилия изменить ход событий,выходом из котораго были только плен,или... смерть. Но все мое существо протестовало против этого.Надо итти вверх по ручью и итти как можно скорее.Назад,к мосту - нельзя.Там, наверное,уже японцы.Где нибудь-же окажется "выход" из этого предательскаго ручья! а оттуда надо спешить на запад,все на запад,в направлении нашего общаго отступления..

Эти соображения сразу-же отрезвили меня,и я двинулся вперед,подталкиваемый инстинктом саммосохранения,напрягая последния силы,поминутно спотыкаясь о камни,шатаясь как пьяный и широко расбрызгивая коленями воду. А северный берег все повышается и повышается и становится совершенно недоступен,даже,и для дикаго зверя.Потом ручей вдруг сворачивает влево от меня своим высоким,правым по течению,берегом,а его левый,северный берег - переходит в довольно отлогий скат.Раздвигая заросли - хочу ступить на сухой берег и... проваливаюсь по-колено в толщу веками накопившихся сухих прелых листьев.

Наконец-то я выбрался из воды.Беру направление на вершину горки,что передо мною.Утомление мое дошло до последних пределов.Я не чувствую под собою ног,точно они ступают в мягкое есто.Шатаясь,проваливаясь в заросли и ямы с сухими листьями,цепляясь за ветки - я иду к вершине,в надежде оттуда ориентироваться: - куда идти дальше? Почти на самом кряже натыкаюсь на хорошую тропу,радостно беру по ней влево,на запад.На самой вершине тропа раздваивается.Выбираю правую,расчитывая по ней скорее достигнуть главной дороги,но через метров 50,она теряется в валежнике срубленнаго дерева.Испуганный неудачей,преодолевая утомление - быстро поворачиваю назад,что бы поскорее,до темноты,попасть на левую тропу.

Добрался "до узла" троп и свернул на нужную мне дорожку - как в метрах 25-30 позади меня - раздался оглушительный,по своей неожиданности,ружейный выстрел и пуля,сбивая ветки,проносится у меня над самой головой. Смертельный страх охватил меня перед встречей "в одиночку" с невидимым мною врагом.

Подхватив левой рукой свою тяжелую полевую сумку,а правой другую и револьвер,и не помня себя,широкими прыжками бросился вперед по тропе на запад,ведшей под-гору.В горле я почувствовал какую-то терпкую сухость; в груди что-то остановилось; а сердце,казалось,вот сейчас перестанет биться.Ноги сгибались под тяжестью тела и достаточно мне было спотыкнуться - что-бы кубарем полететь на землю.К тому-же,я ждал второго выстрела в спину. Лес здесь поредел и я должен был быть ясно виден японцу.

Так пробежал я метров 75 и совершенно потеряв дыхание - перешел на шаг как-то безсознательно свернул с тропы вправо и повалился на землю.Сейчас мне все стало безразлично.Пускай приходит японец и выстрелом в упор,в голову,или штыком в живот - пусть "покончить" со мною,но дальше двигаться я не в состоянии.Я размышлял об этом с холодной логикой,без всякаго страха,лежа в траве у самой тропы,неспособный ни к какому физическому сопротивлению.Солнце уже скрылось за горами,хотя днем его не было.Было между 20-21 часу вечера.В лесу было мрачно.Наступала темнота ночи.

Проходит 5,10,15 минут,показавшиеся мне вечностью,а враг не появляется.Лежа неподвижно - я немного отдохнул,отдышался.Мозг работает лучше и подсказывает мне,что "враг",наверное,и не покажется.Уже поздно.И стрелявший в меня японец,потерял меня из виду.И это был,видимо,только японский дозорный солдат,выскочивший вперед по тропе,к вершинке бугра.

Но что мне теперь делать? Куда идти? Идти без тропы,без карты и ком-

паса,в ночной темноте,в джунглях...Но все равно - надо переждать.Еще не совсем стемнело и японец,может быть,сидит на горке и,на разстоянии ста метров,меня увидит,если я снова выйду на тропу.

Выжидаю еще несколько минут,потом встаю и,осторожно ступая,что бы не произвести шума хрустом сухих веток на земле - отхожу вправо и прячусь за большим высоким бамбуковым кустом. Решаю: - с наступлением полной темноты,двинуться дальше на запад,ориентируясь по звездам.Обдумываю детали своего плана,но ход моих мыслей вдруг прерывает далекое цокотание пулеметнаго огня.Определяю,что до него не меннн трех километров по воздушной линии.Значить,наши успели отойти так далеко?Но меня радует,что я теперь знаю направление,где их можно искать.

Точно желая убить и эту надежду - в том же направлении,и так-же далеко,"заговорил" японский пулемет со своим харАктерныт частым цокотанием, так отличительным от нашего,бьющаго много реже.

Так,значить,японцы опередили меня! Значить,л уже совершенно отрезан от своих?

Острое отчаяние схватило душу.Голову сжали какие-то невидимые тиски, а в области сердца,я почувствовал какой-то жар,словно оно,как говорят - "облилось кровью".

"Прощайте товарищи!.. Прощайте! Я больше Вас никогда уж не увижу!... Не сегодня,так завтра,я буду убит,или взят в плен"... и безпорядочныя мысли закружились в нестройном хороводе.На меня напал панический страх. Во мне все горело и кипело.Мне хотелось пить.Метрах в 20-ти протекал родник,но у меня не было смелости выйти из своего укрытия.Воля была парализована.Я ждал фатальной развязки с несвойственной мне покорностью.Было лишь острое ощущуние какой-то обиды за свою судьбу: - погибнуть так безсмысленно,в одиночку,в такой дикой обстановке,и никто не узнает об этом, никто не найдет моих останков...Стоило-ли ради таконо конца скитаться 25 лет вне Родины,терпеть безчисленныя лишения и унижения,дожить до 52-х лет от роду?!....

И снова порыв к активности,желание действовать! Но я сознавал,что разбитый усталостью,сейчас,я никуда не гожусь.Идти вперед не зная и не видя в темноте тропы - было бы безумием.Решаю: - надо провести здесь ночь, а завтра утром продолжать свой путь.

- o -

Стало совершенно темно.Я залез в середину куста бамбука.Мелькнула мысль,что ночью на меня может напасть какой-нибудь дикий зверь,не менее опасный,чем японцы.

Снимаю полевую сумку.Снимаю револьвер и,для лучшей самообороны,вынимаю его из кобуры.Все кладу возле себя.

Я промок до последней нитки.Все прилипло к телу и смертельно холодит меня.Боль в спине дает себя чувствовать сильнее.Нащупываю липкую,полузасохшую кровяную корочку,прикосновение к которой болезнено.Теперь нет сомнения,что я ранен осколками снаряда,или камней,в спину.

Впереди холодная ночь.Согреться нечем.Засовываю свой френч в бриджи и застегиваюсь на все пуговицы.Сворачиваюсь "калачиком" прижавшись к земле и нагребаю на себя сухие листья.Но все это безполезно.В лесу влажно, сыро.Все время ворочаюсь от холода.Растираю мускулы,что бы согреть тело. Но успокаивающий душу и тело сон,не идет ко мне.

"Боже,Боже! ПочтоТы гонишь меня!"- всплывает в памяти библейское изречение.

Снова думаю о том,что этой же ночью,меня могут растерзать дикие звери,а утром - заколоть японцы...Поднимаюсь на сиденье,раскрываю полевую сумку,достаю тетрадь для донесений,и в темноте,наугад,большими каракулями,застывшими от холода пальцами - пишу "Завещание дорогому другу-жене и сыну".

"Поздний вечер 2-го апреля 1945 года.Отстал от баталиона.Жду утра в лесу.Завтра пленник....

Бедная моя женушка,и ты,дорогой сын! Всевышний Боже - помоги им, несчастным сироточкам! Бедная моя женушка! Ты предчувствовала наше горе перед нашим неожиданным разставанием...Великая душа твоя! Воспитай сына в чести и труде.

Ваш навек Папа-Федяша.

Бедный мой сын!.. Будь честен и трудолюбив,как всю жизнь был твой Папа. Страдаю за грехи других. Помоги Вам Всевышний Бог!"

Написал.Вложил свой дневник в сумку и готовлюсь провести жуткую ночь.

Москиты роем атакуют меня.Сон не идет.Да мне и не до сна! Мысль лихорадочно работает.Вспоминаю описание "первой ночи" Робинзона Крузо на необитаемом острове и нахожу,что он был счастливее меня: - он не мерз так, как мерзну я.И ему не угрожали такие опасные враги,как японцы...

Вспоминаю гибель Польскаго графа Понятовскаго в 1914 году после поражения Наполеона под Лейпцигом.Он командовал тогда своим Польским корпусом и был одним из видных военачальников в Стане Наполеона.В бою он оказался отрезанным от своих войск с небольшой группой офицеров своего штаба.Спасаясь от преследования русских войск - он кинулся в реку,что бы переправиться вплавь но,будучи ранен - обезсилел,оторвался от своего коня и утонул на глазах своего штаба.

Я не командир корпуса,и не граф,а полковник Русской армии,теперь только лейтенант 5-го пехотнаго полка Иностраннаго Легиона Французской армии Но я тоже отрезан от своих,как был отрезан и Граф Понятовский.И жду теперь гибели,жду "своего конца" в эту жуткую ночь... Я жду и буду ждать "часами",а он утонул сразу-же. Он был в лучших условиях чем я. Мне тяжелее еще и потому,что я старше его годами,чем он в момент своей гибели. Ему тогда было всего лишь 40 лет,а мне 52.Он был окружен своим штабом,и мог надеяться до последняго момента на помощь. Я же одинок здесь,в джунглях и мне совершенно не откуда ждать помощи.Я могу надеяться лишь на собственныя силы,на упорство своей воли,на холодный разсчет разсудка.

Недавно офицеры-авиаторы,ликвидируя свой запасы - подарили мне несколько пачек папирос.Я был тогда не курящий и держал их "для угощения" своих легионеров.Вспомнив о них - я закуриваю,что бы успокоить нервы, что бы немножко согреться,что бы одурманить свой мозг и,может быть,вызвать сон.Выкуриваю подряд три папиросы,но...эффекта н и к а к о г о.....

Мне безумно холодно.И холодно от сырости.Мое мокрое белье и одежда не просыхают от теплоты тела.Они холодят его еще больше.Засовываю руки под мышки,сворачиваюсь калачиком как можно теснее,влипаю в сухую землю,и от нее,и от сухих листьев - жду хоть немного тепла.И нахожу его для той половины тела,на которой лежу,а все остальное,обращенное наружу - жестоко холодно и я начинаю "стучать зубами",как в лихорадке.Я безпрерывно поворачиваюсь с бока-на-бок,что бы их попеременно обогревать,так что о сне нечего и думать.Да и может-ли придти сон к человеку,охваченному такими жуткими переживаниями,со столь напряженными нервами?! Лишь на миг впадаю

в забытье и тогда мне кажется,что кто-то покрывает меня моей широкой шинелью,которая ушла на вьючной ротной лошаденке, и мне становится тепло и уютно.Но эти мгновения быстро проходят,я просыпаюсь,снова мерзну,снова переворачиваюсь с бока-на-бок,снова забываюсь и снова возвращаюсь проснувшись - к жуткой действительности...

Револьвер - моя единственная защита потив дикаго зверя лежит возле меня,но я из него не сделал еще и одного выстрела и не знаю - боеспособный-ли он,выданный мне только в походе?

Кругом мертвая тишина.Только безчисленныя светлячки-мошки,словно печальныя звездочки,плавно кружатся надо мною,напоминая,что природа продолжает жить своей повсегдашней многовековой жизнью,с полным равнодушием ко мне и к моим пероживаниям.И лишь изредка,падение на землю сухой веточки,нарушает немой покой ночи и заставляет меня испуганно вздрогнуть - "не подкрадывается-ли ко мне какой-либо хищник?"

Сон долго не приходил ко мне.Уже под утро,я забылся на час времени, иль дольше.Разсвет сразу-же разбудил меня.

— • —

П Л Е Н . . . .

Настало утро 3-го апреля.Безвыходность моего положения встала во весь свой рост передо мною,как только я проснулся.

"Кто я?" - была первая моя мысль.

"Где я?" - была вторая. И я сразу -же вернулся к жуткой реальности.

По лесу слался густой туман - сырой и серый.Тело онемело от холода Куда-же можно идти в этой непроницаемой мгле,с риском сразу-же натолкнуться на японцев и быть убитым вупор?!

И я решил дождаться когда туман разсеется.Лежу и думаю все о том-же. ... о своей горькой судьбе.О том - какая жуткая штука - человеческая жизнь!.. О человеческой безпомощности... О том равнодушии,с которым мы относимся к судьбе других. Вот теперь - никому в мiре нет до меня никакого дела! Конечно,кроме моей семьи,которая,я это знаю,все 25 дней нашей разлуки - безпрестанно думает обо мне,безпокоится,молится Богу и...плачет.

И я "рисую" себе картину - как отнеслись в баталионе к моему исчезновению: - В штаб отряда послано короткое донесение,что -

"Лейтенант Елисеев /Элизэ/,в бою 2 го апреля,пропал без вести."

Не сомневаюсь,что многие офицеры и легионеры,искренне пожалеют о моей гибели.Я в этом уверен.Но я уверен и в том,что командир баталиона,капитан де Кокборн - он изобразит саркастическую улыбку на своем худощавом сухом лице в пенсне и бросит свое любимое:

"О,мерд аллор! /О чорт возьми!/ - не мог "льеутенан Элизэ" уйти...не сумел...Ну,так туда ему и дорога!"

Кстати,это ему,даже,на-руку: еще одна "потеря" в офицерском составе его баталиона! И в военной реляции,это новое доказательство того,что его баталион "хорошо дерется" и потери... налицо.Значит и командир молодец - - упорен в боях,достоин повышения в чине,о чем он так мечтает,желая быть генералом в 40 лет от роду,как он сказал как-то..

А жертва его полной нераспорядительности в боях,сидит в это время в кусте высохшаго бамбука и грустно созерцает окружающую дикую природу,еще не совсем проснувшуюся под молочной пеленой густого тумана. Вот только красавица белочка,в пяти шагах от меня,проделывая свои виртуозные "каскады" на длинной ветке,как будто желая меня ободрить и утешить этим,

дескать: - "Посмотри на меня!...как хороша жизнь! Почему ты грустишь? Вот я,ведь,играю!

Но ей удалось лишь на минуту развлечь меня,а потом я почувствовал против нея какую-то досаду.Мне хотелось полнаго душевнаго и физическаго покоя; хотелось быть ко всему безразличным... Моя личная судьба поглощала целиком все мое внимание,и мне не было дела "ни до кого и ни до чего". Но когда она сорвалась с ветки и упала в заросли - я нервно вздрогнул: - "наверное кто-то крадется ко мне?"

У страха глаза велики - говорит русская пословица.Наверное,ее придумал,сказал,тот,кто побывал в подобном моему положении - положении загнаннаго и травимаго зверя,очутившагося в безпомощном положении.

Туман стал разсеиваться.Я начал собираться "в поход".Уничтожил некоторые военныя бумаги.Прочел написанное вчера в темноте "завещание семье" свидетельствующее своими чудовищными каракулями о пережитых мною,в тот момент,эмоциях.Добавил к написанному еще несколько строк:

"Отстал.... выносил раненаго напрал-шефа Колерскаго и был "отрезан".

Раннее утро в лесу 3-го апреля 1945 года. Один в джунглях. Загнаный,

затравленый. И сегодня,конечно,буду пленником,если не буду убитым."

А на передней обложке своей тетради-дневника,написал по-французски:

"Просьба препроводить эту тетрадь моей жене по адресу: Тонг. Рут Су

Донг,№ 11. Леутенант Элизэ,3 апреля 1945 г. Тонкин.Индо-Китай.

Приготовления закончены.Я привел в порядок свой походный мундир,весь истрепаный и грязный.Застегнулся на все крючки и пуговицы.Надел широкий свой пояс с офицерским плечевым ремнем и обе полевыя сумки.На поясе револьвер,полученый мною в Сон Ля.До этого,я в своей роте его не имел.Я знал,что в результате встречи с японцами - в лучшем для меня случае - я окажусь пленником,а потому желал,что бы этот унизительный для меня "акт" перехода из состояния свободнаго человека на положение невольника,произошел бы в порядке,отвечающим достоинству офицера,что бы у меня был и внешний вид таковаго,а не "жалкаго несчастнаго человека"....

Часы и массивный серебряный футляр для очек "с инициалами и сувенирами" - я спрятал в кармане "между ног",надеясь,что при обыске - японцы, все-же,не полезут в мое интимное место....

На душе было не спокойно.Всего пять дней тому назад,28 марта,в дружеской беседе со мною,командант Тонхадзе /грузин/ сообщил мне,что японцы не берут наших в плен и прикалывают штыками,считая нас не военным противником,а "повстанцами".Об этом же японцы предупреждали,разбрасывая со своих авионов летучки.Конечно,мы не были "повстанцы" с точки зрения международнаго права.На нас напали японцы без предупреждения,и наш гарнизон,защищая интересы своей Страны и честь своего Национальнаго Знамени,как и свою воинскую честь -уходит в Китай.Какие же мы "повстанцы?! Но от японцев можно было всего ожидать... Во всяком случае - мне надо действовать.

Туман уже разошелся.Как трудно,однако,было подняться со своего звериного ложа,на котором я провел 12 часов сряду,и двинуться в полную опасностями неизвестность!

Все-же,поднялся.Отряхнулся и,осторожно ступая,вышел из куста.Мне казалось,что сию же минуту я буду схвачен.Так сильно чувство страха,когда

человек сознает свое безсилие в борьбе.

Я вышел к тропе,спустился к ручью и напился воды.Человек в горе ищет Бога.Я молился горячо ЕМУ ночью и просил помощи.Помолился я и теперь,утром,пускаясь в неведомую мне обстановку какой-то новой для меня "авантюры" и..."отдался на Его Святую Волю".

Я решил выйти на главную дорогу и там найти "свою судьбу".Повернув назад - поднялся по вчерашней тропе.Скоро добрался до вершины,остановился и осмотрелся кругом.Удивился тому,что японский дозор меня не преследовал.Он легко мог бы меня настичь.Думаю,что он потерял меня из виду,а может быть побоялся гнаться за мною,считая,что я был не один..

Спустился по тропе вниз,в ту сторону,где я вчера не был.Обогнув несколько "оград для скота",сделаннаго жителями из бамбука,пересек лесную седловинку,еще немного прошел по тропе на восток и вверх и вздрогнул от неожиданности: - передо мною открылась полностью наша вчерашняя дорога. Моя тропа отходила от того самаго "второго" перевальчика,к которому мы все так стремились вчера,видя за ним свое спасение.Но все это я сообразил позже.В первый момент я осматривался быстрыми взглядами во все стороны,точно вышедший из своего убежища,преследуемый охотниками,зверь,стараясь ответить самому себе на жгучий вопрос: - где я?

Мне стало теперь все ясно.Вчера,головной японский отряд,заняв этот перевальчик,конечно, послал по этой тропе дозор на запад.Он-то и столкнулся со мною.Задержись я на пол-минуты на той тропинке,по которой я возвращался "из тупика" у срубленнаго дерева - я столкнулся бы с ним "нос-к-носу" у разветвления троп.Что мог противопоставит я,совершенно изнемогающий от усталости,со своим дрянным револьвером старой системы,находившемуся в кобуре - японскому победному солдату,вооруженному винтовкой с примкнутым длинным штыком? Японцы нас преследовали,следовательно,были активно настроены,воинственно-возбуждены и агрессивно-враждебны по отношению к нам,европейцам,и по своему азиятскому духу и по воспитанию в школе и в армии.Ненадо быть провидцем,что бы отгадать "финал" такой встречи в джунглях "с глазу-на-глаз"...Зачем ему надо было брать в плен отсталаго и усталаго "француза"?Этому жестокому и мстительному азияту,который предпочитает всему иному "штыковой бой",как завершение смертельной схватки с противником - он,явно,взял бы меня на штык....

Я остановился в нерешимости.Кругом царила такая тишина,точно весь мiр вымер на сегодняшний день.Я стоял лицом к востоку.Вправо от меня,на юг, метрах в 50-ти,стояли два бамбуковых сарая.Их я вчера не видел,т.к.не успел дойти до них.А за ними открылась вся панорама нашего вчерашняго отступления,видимаго мною сейчас с другой стороны,и уже совершенно спокойно,без всякаго "внешняго давления".Глядя на нее,я снова переживал события вечерняго боя,отдельные эпизоды котораго,калейдоскопом запрыгали в моих глазах,в моем сознании и в моем сердце.Мне стало невыносимо тяжело. Я понимал,что нечто безконечно-дорогое безвозвратно потеряно для меня,и что случившееся со мною - непоправимо никем,ничем и никогда...

Мы отступали вчера по громадной впадине горнаго лесистаго массива,и наша длиннейшая зигзагообразная дорога,теперь резко бросалась в глаза своими большими крутыми извилинами.Фантастическими узлами растягивалась она на 4 километра,концами своими связывая два перевала,между которыми, по воздушной линии,было всего лишь 700-800 метров.Мне пришлось потом еще три раза прошагать эту дорогу,но уже в качестве японскаго пленника. Я точно изучил ее и,даже,тайком,набросал кроки местности.Дорога,остро извиваясь,делала 13 острых зигзагов,спускаясь все время вниз до того ручья в который я вчера свалился.Наша оборонительная позиция должна была бы быть именно здесь,на этом перевале,с котораго так четко видны все подступы к нему на протяжении около 4-х километров.Мы же заняли позицию не первом перевале,с глубокой котловиной позади себя,где мы,на протяжении этих

4-х километрах - были открыты,при своем отходе,ближнему пулеметному и бомбометному огню японцев.Вся котловина,как и оба моста через ручей,простреливались ими с того перевала безо всякаго труда и прямой наводкой. Все это "изучение местности" запечатлелось в моем сознании с одного взгляда.Да у меня и не было времени углубляться в изучение подробно.Ведь я находился в "безвоздушном пространстве",а фактически - в японском тылу. Об этом сообщил мне вчера японский пулемет,а сейчас,несколько свежих колесных следов на дороге,ясно отпечатавшимся на сыром грунте.Вчера здесь было шумно от безпорядочно ухрдящих людей,а сегодня здесь очень тихо и пустынно.

Спускаюсь вниз,к сараям.В них ни души.Тревожно смотрю по сторонам,словно Робинзон,открывший так неожиданно "след неведомаго человека" и ожидающий внезапнаго нападения с его стороны.

Нервно вздрагиваю.На пригорке,лицом ко мне,за взорваным мостом,лежало человек 20 японских солдат.Два дозорных лежали впереди.Все они отдыхали, видимо,делая "малый привал".Дозорные увидели меня раньше,чем я их,и уже вскочили на ноги,взмахами рук,зовя к себе.

"Ну,вот,тут-то и решится моя судьба!" пронеслась искрой мысль и легкий холодок страха,пронизал все мое тело.Напряжением воли подавив нервную дрож твердыми широкими шагами иду к ним.Они быстро подбегают ко мне,срывают револьвер и полевыя сумки и остро осматривают меня с ног и до головы, своими суровыми глазами.От главной группы отделяется еще несколько человек,быстро подходят и окружают меня, но в их взглядах я не вижу злобы, а скорее иронию торжества над победителем.

"Ки ву зэт?" /Кто Вы таков?/,спрашивает меня по-французски молодой и красивый японец при шашке и полевой сумке.

"Л,офисье дэ л,Армэ Франсэз"/ Офицер Французской Армии/,отвечаю коротко,изучая его - кто он? А он немедленно же переводит мои слова своим солдатам и те смеются нехорошим смехом,не спуская с меня глаз.

Напрягая свои скудныя знания французскаго языка - он спрашивает еще:

"У э жэнэраль Алессандри э колонель Франсуа?" /Где находятся генерал Алессандри и полковник Франсуа?/.И не дождавшись ответа,ставит новый вопрос:

"У э жапон групп?"/Где Японския войска?/

Незная точно,как далеко продвинулись за ночь преследования японцы - я неопределенно указал на запад.

Он сказал что то солдатам,которые,все до одного,собрались около нас, и те разразились смехом,но не злым,а каким-то снисходительно-презрительным, продолжал исследовать меня с ног до головы сначала взглядами,точно я упал с другой планеты,а потом очень безцеремонно обшарили мои карманы и полевыя сумки,забрали из них аспирин и хинин; сумки вернули.

Хотя этот обыск нисколько не противоречил международному праву войны, но когда японские солдаты очень нахально и грубо полезли в мои карманы - я почувствовал себя глубоко оскорбленным,и морально и физически.Но еще более меня жег стыд за свою безпомощность,за свое безсилие к сопротивлению,к протесту,которые были не только что безполезны,но и опасны.В этот момент я почувствовал и понял все трагическое значение перехода на положение пленника,становящагося безправной вещью в руках своих победителей. Мне было стыдно смотреть им в глаза.Но с другой стороны- критический момент миновал и я испытываю некоторое облегчение.Страх быть немедленно убитым - исчез.И я беру инициативу и внимательно изучаю своих врагов,японских солдат - их настроение,выправку,воинский вид,обмундирование,вооружение,дисциплину. На их забавных,с точки зрения европейца, лицах - нет и намека на добродушие,но нет и выражения кровожадной жестокости.Они ехидно скалят зубы в насмешливую улыбку: - "Вот,дескать,ты и попался нам,господин хороший,офицер французский... а что с тобой делать,это уж мы,брат,

сами хорошо знаем!"

Одеты они были бедно. Все на них сильно потрепаное и довольно грязное, в особенности обувь, ботинки. Но все это сидит на них воински-однообразно, аккуратно. Никакой неряшливости и внешней распущенности. За плечами у каждаго очень большой и, видимо, очень тяжелый однообразный ранец. И при этом "потертом виде" - лица у них свежия. Видимо, они хорошо питаются. Все они молоды, не старше 23-25 лет от роду. Винтовки у них в отличном состоянии. Они мне кажутся чрезвычайно длинными в сравнении с нашими карабинами, которыми вооружены легионеры, и весьма внушительными для боя.

Оглядев всех, я понял, что со мною разговаривает офицер. У него серьезное и интеллигентное лицо. Только он один имел оригинальную японскую саблю-палаш, но его обмундирование ни чем не отличалось от солдатскаго, разве, только, было несколько чище и аккуратней пригнано. Во всех манерах у него чувствовалась большая внутренняя выдержанность и благородство. Таков был мой "первый знакомец" среди японских офицеров, лейтенант Сано.

Он знал по-французски лишь несколько вопросительных фраз, но совершенно не был в состоянии ответить на мои вопросы. Он подкупил меня своей корректностью в обращении со мной с момента нашей первой встречи и внушил уверенность, что в его присутствии, японские солдаты, не позволят себе никакого насилия в отношении меня. И в этом я не обманулся.

Общее же, первое впечатление от японцев было у меня не плохое. Все они разговаривали между собою весело и дружелюбно, даже учтиво. Все говорили тихо, без выкриков и резких жестов. Говорят, очевидно, обо мне, все время улыбаясь и разглядывая меня с живейшим любопытством. Но эта сцена продолжалась не долго. Отряд двинулся вперед, и офицер, жестом указал мне следовать рядом с ним, произнеся строго лишь одно слово - "марз!" Видимо - марш!

Метров на 50 идут два дозорных. Солдаты уже утомлены. Шагают грузно и тяжело, делая не более 4-х километров в час. Уж очень они нагружены своими сумами-ранцами. Меня профессионально интересует содержимое их, но я этого, пока, не знаю. У офицера тоже ранец, но чуть меньше солдатскаго. На груди у него полевая сумка, но, как я замечаю, она больше наполнена папиросами, чем бумагами и картами.

Мы идем молча. Лейтенант Сано не говорит ни по-французски, ни по-английски, ни по-русски. А я, разумеется, не говорю по-японски. Изподтишка изучаю его, теперяшняго властителя над моей жизнью.

У него изящная фигурка. Типично-монгольское, мертво-непроницаемое, лицо, но оно красиво по-своему. Он молод, как и его солдаты. Видимо, он из хорошей семьи и хорошо воспитан. Это чувствуется во всем, и в особенности в манере говорить. Со мною он выдерживает благородный тон чисто по-офицерски; со своими солдатами он обращается скромно, но властно и в сознании своего авторитета. Он маленькаго роста, пухленький, но видимо мускулистый. Он очень забавно шагает своими маленькими ногами, словно "иноходит", и при этом, слегка раскачиваясь в плечах. Его ранец покрыт для маскировки от неприятельских авионов "сеткой в плюмаже", которая своей пестротой, почему-то, вызывает у меня воспоминание "о шарфе", который дарили средневековая дамы своим рыцарям, выступавших на конных ристалищах в Европе. У солдат ранцы за спинами замаскированы ветвями деревьев, или обрывками вьющихся тропических растений.

Я чувствую, как у меня все более растет симпатия к этому японскому офицеру, лейтенанту Сано, во всей осанке котораго, сквозить интеллигентность, воспитанность, благородство и офицерское достоинство.

В трех шагах позади, "взатылок" ему держится малорослый курносенький светловолосый солдатик с постоянно-улыбающейся, детски-наивной физиономией нашего типичнаго русскаго "Ваньки". Когда я оборачиваюсь - он смотрит на меня с той же улыбкой, а что он при этом думает - мне не известно

Я успел заметить, что лейтенант Сано приказал что-то одному солдату

глазами указав на меня,и этот солдат следует непосредственно за мною в 5-6-ти шагах.Я испытываю неприятное ощущение,что ему поручено наблюдать за мной.Весь взвод идет в колоне "по-два",по обочинам дороги.Лейтенант Сано идет по правой,ближе к зарослям и пропастям,а я иду по левой,у окраины гор.Я хочу себя разубедить,что солдат "не следит"за мною;бросаю украдкою взгляд назад, и убеждаюсь,что я не ошибся: он идет за мною точно в пяти шагах,не отставая и не приближаясь и сосредоточенно смотрит мне в затылок.Что бы не разстраивать себя всякими тревожными предположениями,я внушил себе мысль,что это вполне нормально и с этим надо примириться.

Так проходит около часа нашего марша.Остановка на малый привал.Курносый солдатик быстро растилает у дороги довольно грязное полотнище палатки и лейтенант Сано спокойно,не спеша,с достоинством начальника,садится на него по-восточному,свернув калачиком свои короткия ноги;вынимает полевую книжку и что-то в ней пишет.Выдавливая из себя французскую фразу - спрашивает мою фамилию. Становится ясным,что он пишет донесение "о пленении французскаго офицера,по фамилии "Элизэ".Потом он спрашивает мой чин; и услышав слово "льуетенант" - он,как-то особенно внимательно и испытывающе глядит мне в глаза.Отгадать точно,о чем он в это время думал,по его азиятско-непроницаемому лицу,было невозможно.Но я думаю,что мой ответ возбудил в нем сомнение: - я был слишком стар для такого небольшого чина.Небритая вот уже три недели борода - резко выделялась своей частой сединой на фоне всего загорелаго лица.Да и самое лицо выглядело достаточно "поблекшим" после всего пережитаго... Интересно отметить,что он сразу же запомнил мою фамилию,выговариваемое по-французски - "Элизэ". По-русски - ему труднее было бы запомнить и произносить.

Мой долгий военный и житейский опыт,приучил меня внимательно наблюдать всякую новую для меня обстановку,делать сравнения и выводы.И я сразу-же понял,что курносый солдатик - его "вестовой,деньщик".Он,без всякаго приказания,пока его офицер писал,принялся готовит какую-то "еду",что-то крошит ножом.Потом подал ему,с величайшей почтительностью,приготовленное. Это был поразительной белизны рис и на нем какое-то "зелье" желтоватаго цвета.Подал две палочки,вместо вилки и ножа.Поставив все это с очень сердечной улыбкой,он что-то спросил у лейтенанта,кивнув в мою сторону.Я понял,что солдатик спрашивает: - "дать-ли поесть и пленному?" Лейтенант что-то буркнул себе под нос,продолжая писать.Через 2-3 минуты,я получил такую-же порцию риса и несколько кусочков того-же,незнакомаго мне,зелия. Это была "первая моя пища" с утра вчерашняго дня.Сел я все с волчьим аппетитом,хотя рис и не был ничем заправлен,а "желтое зелие" оказалось,чем то остро-соленым и не совсем,на мой вкус,с,едобным.После еды Сано предложил выпить воды из своей баклажки.Вода была очищеная химически и была не вкусная.Я попросил "обыкновенной" и мне принес ее все тот же услужливый курносый солдатик.Вся церемония еды происходила "за одним столом" с лейтенантом Сано,виз-а-ви,на его полотнище.С его стороны это было очень похвально,и чисто по-офицерски.

Остальные солдаты так же завтракали.И как все их поведение было не похоже на манеры наших легионеров!В походе они шли скромно,не разговаривая и не растягивались в колоне.Все шли молча,или тихо перебрасывались фразами и то,лишь,с ближайшими соседями по строю.Так-же держали они себя и во время еды.Сано держал себя,как-бы,изолированно от них.Он был,видимо в их понятиях,существом "из другого міра".

Закончив донесение,лейтенант Сано приказал положить его "под камень" в изгибе дороги и солдат проделал все это на моих глазах.Такой способ сообщения с тылом я вижу впервые и он мне понравился своею практичностью И мне теперь стало понятно,почему солдаты,проходя внутренния изгибы дороги - их так внимательно осматривали и переворачивали отдельные камни:они искали сообщений от частей,находившихся впереди них.

Такой способ "связи",без напрасной затраты людских сил,мне очень понравился своей практичностью.Я попал в совершенно новую,столь отличительную от европейской,военную среду и изучал ее с большим интересом,стараясь не подать в том вида.

Отдохнув - двинулись дальше.Заинтересовало меня и еще одно наблюдение: - Отдавая приказание солдатам - лейтенант с достоинством восточнаго владыки,произносил их тихим голосом,словно про себя,и не оглядываясь назад, к своим подчиненным.Их немедленно подхватывал все тот-же курносый солдатик и выкрикивал,повернувшись лицом к колоне.Некоторые солдаты отвечали ему однозвучным междометием - "Хэй!",что означало,как я потом узнал - - "Есть!"т.е. - "Все понятно!" иль - "Слушаюсь!"

Мой "путь в неволе" был невыносимо скучным.Шли мы с Сано молча,и я был,словно "на-привязи" возле него.Но,пока, никаких внешних тяжких последствий своего "пленения",я не испытывал. Разве,только,внутренне,духовно.

Около 17-ти часов /пять вечера/,мы остановились на ночлег в,оставленном жителями-аннамитами,селе.Мне указали место в сарае,вместе с Сано,но в противоположной стене.Это меня обрадовало.

Лейтенант Сано,усевшись на циновку,немедленно-же принялся что-то писать и писал очень долго.У меня не было никаких вещей для спанья и,с разрешения его - я взял тоже циновку,изрядно грязную.В изголовье положил свою полевую сумку.Укрыться не чем...

Сижу молча на циновке,изредка поглядываю на Сано и... чего-то жду. А чего - сам незнаю.Я ведь пленник!Имею право только смотреть и думать.

Я очень грязен.Жестами показываю,что хочу помыть лицо и руки.Он легко и без часового,отпустил меня.По дороге к ручью,вижу новую для себя картину: - все солдаты,совершенно голые,лишь с легкой короткой повязкой на бедрах,прикрывая только "интимное свое место" с большим аппетитом едят рис со свининой.Увидев меня,они широко,и уже добродушно,скалят на меня в улыбке свои зубы и знаками зовут к себе.Не зная - в чем дело? - я настороженно подхожу. Они радушно и весело наливают мне рюмку местной водки "шум-шум".Что бы не оскорбить их гостеприимства,столь священнаго у восточных народов - я выпиваю эту вонючую жидкость,чем привожу всех в детский восторг.А когда я попросил кусочек свинины "на закуску" после этого отвратительнаго напитка - они весело и щедро дают его и настойчиво предлагают вторую рюмку,от которой я решительно отказался.

В японской армии,солдатам открыто разрешается пить спиртные напитки. Нагнувшись к ручью,что бы умыться - почувствовал боль в спине от ссохшейся на ране крови."Достать"руками,что бы промыть ее - не мог.Признаться же в этом Сано - не хотел.Бог его знает,как он на это посмотрит?

Хорошенько вымыв лицо и руки - на обратном пути узнаю,что это есть баталионный взвод радио-станции.Он состоит из 19-ти солдат.Они все вооружены винтовками,при одном пулемете.Сам же радио-аппарат вмещался в одном небольшом ящике,и его нес один солдат у себя на спине.Такая портативност меня,просто,восхитила.У нас же,радио-аппарат состоял из 2-х ящиков и возился на лошади.

Ужинаю один.Дали всего вдоволь.С наступление темноты - все немедленно же уложились спать.

После полутора суток бодрствования и жутких переживаний - я уснул быстро,и крепко и без сновидений.И был очень удивлен,когда кто-то очень резко и грубо разбудил меня еще в темноте.Открыв глаза - я не сразу пришел в себя - где я,и кто и что я? И только при виде торопящаго меня подняться "с ложа" японца - я вспомнил ,и понял,что я - в плену....

Взвод лейтенанта Сано выступил дальше на запад,к позициям.Который был час времени,я не знал,но было еще очень темно.

Солдаты молча и быстро собрались и вышли за своим офицером. Выстроились. В полной темноте слышу воинския команды на резком гортанном языке. Это взвод салютует своему командиру. Лейтенант Сано говорит солдатам что то коротко и тихим голосом. И потом, наша маленькая колона вытягивается по дороге на запад. Так начался день 4-го апреля.

До разсвета взвод сделал три малых привала, т.е. прошли три часа. Шли медленно, т.к. разрушенные мосты нашими войсками, задерживали переход через речки. У каждаго разрушеннаго моста я чувствовал себя неловко, ожидая враждебнаго отношения к себе японских солдат, но их не было. Вообще, они идут всегда молча за своим офицером, ничем не выражая свои чувства, настроения

Разсвело. Колона направляется к селу Дьен-Вьен-ФУ. Это есть последний Французский административный центр перед Китайской границей и, так называемая "5-я военная зона", о чем я знал. Но до самой границы еще далеко. Кругом пустынно. Ни жителей, ни войск. Вдали слышны глухие взрывы. Думаю - это наши рвут мосты.

Как и вчера - мы шли молча. Лейтенант Сано был безупречно корректен со мной.. С его солдатами я совершенно не соприкасаюсь. Иду с ним рядом, а солдаты позади. Все это меня успокаивало.

Оставалось около 9-ти километров до села, когда был сделан большой привал. Неожиданно, лейтенант Сано, с несколькими солдатами, ушел вперед, остальные задержались под командой сержанта. Я остался с ними. Мгновенно обстановка резко изменилась. Солдаты окружили меня и с властной безцеремонностью, полезли в мои сумки и в карманы. В их лицах и глазах не осталось ничего от тех дисциплинированных и молчаливых солдат, какими они были в присутствии своего офицера. В зверином оскале зубов, сразу же отразилась вся ненависть ко мне, как, конечно, к французскому офицеру. Обыскивая меня, они злобно рычали и старались подчеркнуть свою неограниченную власть надо мною и мою полную беззащитность перед ними. Я мысленно возблагодарил Бога, что "первая встреча" с ними, произошла на-глазах их офицера. Иначе - меня не было бы уже в живых....

Один из солдат, увидев обручальное кольцо - резко, и умело, хотел сдернуть его с пальца. Я вздрогнул от негодования. Кровь ударила в лицо от такого неожиданнаго кощунственнаго оскорбления. Это кольцо для меня священная вещь. Я ношу его не снимая, вот уже, 21 год. Оно, как бы, вросло в палец, на который одето два десятка лет тому наза, когда я первый раз вступил в таинство священнаго православнаго брака. И вдруг солдат чужой страны, какой-то варвар, желает его снять, "отнять у меня его", точно это есть какая-то обычная вещь... Вырвать силой у меня, да еще в такой трагической обстановке, это было выше того, что я мог допустить. Я силой выдернул свою руку из двух рук варвара, точно меня коснулось нечто страшное и отвратительное. Отскочив резко в сторону, я по-слогам, что бы им было понятно - выкрикиваю несколько раз сакраментальное слово, указывая на кольцо:
- "Мадам!... Мадам!", стараясь этим об,яснить, что это кольцо обручальное Но тот же варвар снова хватает меня выше кисти и резко тянет к себе, а другой рукой старается снять кольцо. Я теряю всякое самообладание от гнева на это оскорбление, рывком выдергиваю свою руку /физических сил у меня хватило бы и на двух таких японцев/, отскакиваю на несколько шагов в сторону, что бы "оторваться" от этого дикаря и, скрывшись за деревом, делаю вид, что удовлетворяю внезапный приступ "естественной надобности", но сам быстро срываю кольцо и прячу его в свое "потаенное место", в кармане, висевшем на поясе-корсаже, оторванном от старых бриджей и надетом на мое тело под платьем и... между ног. Еще вчера утром, туда я спрятал часы и серебрянный футряр от очек. Но тогда я и не подумал, что у пленнаго офицера, победители, могут отнять его обручальное кольцо, а потому его и не скрывал.

Солдат, дважды получивший от меня "отпор" - оставил меня в покое, но тут-же началась очень неприятная "сцена" с сержантом, заместителем Сано.

Он знаком подозвал меня к себе и когда я подошел - жестом приказал взять ранец одного солдата.Я решительно отказался.Тогда он встал,грубо схватил меня за руку,злобно потянул к себе и,с помощью еще одного солдата,в один миг накинул на меня этот раненц и зашнуровал на моей груди лямки,что бы я не сбросил с себя эту ношу..Все это разыгралось с такой быстротой,и с такой раздраженной властностью,что я не имел времени сделать сопротивления,а потом понял его безполезность и.... безсмысленность.Я почувствовал на своей спине нечто очень тяжелое,грязное,отдающее тошнотворно вонючим потом.Подчиняясь силе - я оправил ненавистную мне ношу,установил правильное равновесие "своего вьюка" и,под испытывающе-презрительными взглядами,сопровождаемыми ехидно-торжествующими улыбками солдат - молча,с угрюмо-оскорбленным видом - зашагал в общей колоне.

Теперь я почувствовал впервые,и уже "на-практике",смысл понятия "быть пленником"... Глядя на два золотых галуна на рукаве своего потертаго и до нельзя грязнаго френча,которые определяли мой чин "лейтенанта Французской армии" - я испытывал всю жгучесть нанесеннаго мне,и моему офицерскому достоинству,оскорбления. И переживая все это - я несу тяжелый грязный ранец японскаго солдата-монгола на своих плечах офицера-европейца... Большаго унижения придумать было невозможно.Но это поймет только тот,кто долго жил "в колониях" и знает установившуюся социальную грань между всеми людьми "белой кожи" и туземцами с черной,коричневой,желтой....

Между тем,"профессиональное" любопытство берет верх над чувством обиды и досады.Я начинаю прощупывать руками на ходу содержимое своей ноши, общим весом килограммов в 40. "Укладка" японскаго солдата на походе состоит из запаса патронов,котелка вареннаго риса,сухого риса на несколько дней,полотнища палатки,пары тяжелых запасных ботинок и еще кое-каких индивидуальных вещей.Ранец носится на широких нитяных лямках,почему и не режет плечь.Таков был полученный европейским офицером "наглядный урок" о снаряжении японскаго солдата.Горькая ирония.... "Горе побежденным"..... К тому же,ранец давил на рану,вокруг которой появилась опухоль.

Недоходя трех километров до Дьен-Бьен-Фу - мы достигли пункта,где в лесу было укрыто от американских авионов несколько рот японских солдат. Я впервые увидел их в большой массе.Было около 14-ти часов /2ч.дня/.Они обедали.Картина совершенно непривычная и неприличная для европейца-военнаго.Все они были совершенно голые,лишь с маленьким "передничком" из белаго лоскута материи на бедрах,прикрывающих их интимное место,но все были в головных уборах,в своих уродливых кепках.Группами по 10 человек,сидя на корточках у своих котелков,они с чрезвычайной быстротой,и с большим аппетитом,при помощи бамбуковых палочек,поглощали рис с мясом.Они весело скалили зубы во время еды,но очень редко перебрасывались между собою фразами.Все они были молоды.

Заметив наше приближение,да еще с пленным французом,навьюченным японским ранцем - многие подошли к нам и быстро заговорили между собою,явно, обо мне..Потом радостно загоготали,выслушав моих конвоиров,широко раскрыв неправильнаго,некрасиваго рисунка рты на своих скуластых лицах и обнажая крупные неровные желтые зубы.

"Аа... попалась ворона!...теперь от нас ты не уйдешь!" словно говорили они и стали разсматривать меня с насмешливым любопытством,как какую-то заморскую диковинку,и безцеремонно заглядывали мне в лицо,в глаза... Я принял "мину" неуязвимости и на их непонятные вопросы,отвечал деланной улыбкой беззаботнаго безразличия,хотя внутри все кипело от негодования. Я остро почувствовал,что нахожусь среди совершенно чуждых мне людей,чуждых не только что по-языку,по цвету кожи,но чуждых по всей своей психологии.Мои офицерские галуны,через материю рукава,жгли чувством стыда душу,и я стоял окруженный толпой монголов,нагруженный тяжелым ранцем японскаго солдата, от котораго исходил какой-то острый,специфически вонючий запах,служа мишенью безчисленных непонятных мне острот и насмешек...

Я почувствовал,подумал,что точно так-же "гоготали" и канибалы,окружив свою жертву, доподлинно зная,что она от них не уйдет и будет,вот сейчас с,едена.Оо?..теперь я понял весь ужас быть пленником,да еще у азиятов...

Какой-то пожилой,маленький,сухенький,но бравый японский солдат с тремя звездочками на петлицах своего мундира,вышел из леса,подошел ко мне и что-то весело болтая,очевидно,отпуская какия-то остроты по моему адресу, покровительственно похлопал меня по плечу.Все присутствующие разразились хохотом.Не долго думая - я ответил ему "в тон",т.е.с улыбкой,небрежно,и в свою очередь,похлопал его по плечу.Новый взрыв хохота,пожалуй,еще более громкий и всеобщий,последовал за сим. "Три звездочки" несколько озадачены и смущены...Оказалось,как потом я узнал,это был важный по своему положению человек,"фельдфебель при штабе батальона".

В этот момент,из-за кустов,где обедали японцы,ко мне вышел солдат во французской форме мундира.Его появление было для меня такой приятной неожиданностью,точно мне бросили "якорь спасения".Вид у него был очень грустный,но одет он был гораздо опрятнее меня.Флегматично сделав полу-военное приветствие - он уставился на меня.

"Ки Ву зэт?" /Кто Вы?/- радостно спросил его,единственнаго представителя здесь человека "своей расы",среди окружающих нас чужаков.

"Лежионэр"... с той же флегматичностью ответил он.

"Пленный?.. какой роты?.. как Ваша фамилия?" забросал его вопросами энергичным, обрадованным тоном.

"Вольф.. 1-й роты"... с жалким видом несчастнаго,вяло тянет он.

"Как с Вами тут обращаютя?" - стучусь в его душу.

"Да ничего"... неопределенно мямлит он.

Наш французский диалог происходит при сразу-же воцарившейся тишине среди японских солдат.Они с острым любопытством вслушиваются в непонятную им речь.И потом,назубоскалившись всласть со своими товарищами - мои конвоиры двинулись дальше в село,где всего лишь несколько часов тому назад,была еще французская власть.Только несколько часов тому назад,здесь были, что-то делали,ели и пили те,с кем за два года пребывания в Легионе,я делил радости мирной жизни в полку и тяжести-опасности недавняго похода. Теперь же я прохожу следом за ними - одинокий,пленный... и в полной неизвестности того,что ждет меня впереди...

С такими тяжелыми мыслями,около 17-ти часов - мы вошли в село Дьен-Бьен-Фу,последний военный и административный оплот Французской колониальной системы и последний военный форт для сопротивления против новой системы Японии -"Азия для азиятов".

Уже подходя сюда - я изучаю "подступы" для военных операций.Ищу глазами - где была наша "главная позиция" и где был дан "главный бой"? С удовлетворением констатирую,что рельеф местности благоприятствовал нашим войскам,но... никакого боя здесь н е б ы л о.

В селе,у кирпичнаго здания казеннаго типа,стоят два аннамитских мандарина-чиновника в национальных костюмах и с туземными значками на груди, как эмблема их должности.Они униженно-подобострастно и,вижу,со страхом ждут аудиенции у новых властителей сих мест..Мы тоже останавливаемся у этого здания.Увидев меня,французскаго офицера,один из них вопрошающе смотрит на меня своими живыми глазами.Тихо,украдкой,спрашиваю - кто он? Так же конспиративно - он говорит о своем звании "Три-ШО",т.е.помощник здесь французскаго администратора,который должен быть местный житель и иметь французской высшее образование.Таков был закон Франции.Я интересуюсь судьбой нашего отряда.Он глазами указывает на юго-запад,коротко добавив - -"ушли в 11 часов утра". Итак,я иду "по горячим" еще следам своих.От этого сознания - на душе делается горько и обидно...

Меня ведут дальше через село,на высокий бугор,где виден укрепленный двор с европейскими постройками.Входим в этот "опорный пункт" французской власти над окружающей местностью-джунглями.Кирпичныя стены с бойницами. У стен - казармы и службы.В центре двора - дом администратора.Все разбито и загажено: столы,стулья,шкафы,двери,ставни,стекла в окнах. .Всюду расбросаны: сундуки,ящики,боченки,матрацы,кровати и др.рухлядь,необходимая в человеческом обиходе. Мне,почему-то,становится стыдно за этот беспорядок,что сделали наши легионры при отступлении и,одновременно,тревожно: - а что,если мой озлобленный сержант,вот сейчас-же, "ткнет меня носом"во все это и,в отместку за устроенный нашими войсками погром,заставит "все вычистить".

Я тогда еще не знал,что и японцы так же все разрушают и портят,не только что при отходе,но и во все время своего пребывания на этой территории. Таков,быть может,обычай всех армий мира?!Особенно тогда,когда они знают, что "сюда им все равно больше не придется вернуться".

Во дворе,японские солдаты быстро сбросили свои ранцы и разошлись кто куда-попало,наверное,в поисках пищи.Я,тоже,с облегчением отделался от своей ноши,промял затекшие мускулы,оправил белье прилипшее к ране и пошел по двору, "изучая отход наших".

Мне очень хотелось пить и есть,но я,прежде всего,ознакомился с местностью.

Укрепленный двор находился на самом "пупе" возвышенности.С него,во все стороны,кроме северо-востока - вся окрестность была видна как на ладоне. Это была широкая долина,поросшая не высоким лесом.Километров 40 на запад, синели высокия горы,может-быть,уже китайския? - со вздохом подумал я.

Внизу,под самым двором - разбита прекрасно оборудованная футбольная площадка,сейчас совершенно безлюдная.А там,на юго-запад,куда потянулась главная дорога,возможно,что всего лишь в пяти километрах отсюда - находятся наши войска... "Эх!... будь у меня крылья!... улетел бы туда немедленно же к своим!"... заныло сердце острой болью,а голову сдавило сознание безнадежности своего положения.

За стеной я увидел бочку на двуколесной телеге.Заговорила жажда.Хватаю свою большую кружку и иду туда.Да,это вода - чистая,вкусная.Напиваюсь всласть и с полной кружкой воды иду в казарму.Какой-то японский солдат,очищавший рис для варки,хватает мою кружку и выпивает воду до дна. Отношусь к этому без обиды:- в горе,в голоде и жажде - все люди равны.Надо помогать друг-другу,тем более,мы оба - воины,а следовательно,товарищи. Я не знал еще,что японцы,вообще,очень безцеремонны со своими пленниками и считают их своими рабами.

Эту сцену,незаметно для меня,наблюдал мой сержант.Не торопясь он подходит ко мне,остановился и знаками показал,что - "если я еще раз позволю себе отлучиться - то он меня убьет".Он живо изобразил,как он в меня выстрелит,и как я упаду на землю и буду умирать,корчась и страдая.

Пробыв под его властью всего лишь несколько часов - я нисколько не сомневался,что он немедленно же приведет в исполнение свою угрозу,будь в том представится предлог.В ответ - я выдавил на своем лице трафаретную "беззаботную улыбку",что бы смягчить его суровость,но достиг совершенно противоположнаго результата: - он принял ее за насмешку над ним,злобно зарычал и приказал мне "лечь спать".

Я понял,что сержант шутить не любит и с ним надо "держать ухо остро", иначе рискуешь поплатиться,даже,жизнью.Тем не менее,показывая ему,что солнце еще высоко от своего заката и что спать еще рано!Этого противоречия он стерпеть не мог, и еще с большим рычанием он приказывает мне не только что ложиться спать,но и снять обувь и чулки.Чувствую,что при дальнейших возражениях,он не остановится и перед тем,что бы ударить меня по лицу.

Довести дело до такого финала я не хочу. С явной не охотой,и не спеша,я ложусь на указанное место.Он угрюмо смотрит и следит за мной,пока я не лег.Только тогда он уходит.

Ночью здесь будет очень холодно.На мне,всего лишь,легкий летний китель Выхожу из казармы после удаления сержанта,собираю выброшенную из матраса старую грязную солому и подстилаю ее под себя.У разбитаго камиона нахожу грязный мешок,которым шофер-француз,очевидно,вытира свой мотор.Подбираю его,вытряхиваю его и покрываю им солому.Жуткая действительность...

Лежу с открытыми глазами.Положение "невольника" вызывает протест всего моего существа.Нервныя мурашки пробегают по всему телу от жгучаго нетерпеливаго желания свободы.Душу гложет нестерпимая тоска.Думаю о жене и сыне.Мое душевное состояние становится н е в ы н о с и м ы м.Я не могу больше лежать.Поднимаюсь,сажусь по-турецки на свое ложе и жадно осматриваюсь по сторонам,ища чего-то.А чего - и сам не знаю.

Вокруг меня ужасающая грязь после солдатскаго постоя,уходя с котораго, они знали,что никогда не вернуться сюда,почему и "пакостили все".Ближайшая к моему ложу дверь сержант предусмотрительно задвинул на засов с другой стороны,что-бы предупредить возможность моего "бегства" через нее,ночью.Но... куда бежать?

Следующий выход из казармы в другом конце,и что бы добраться до него, надо пройти мимо всех японских солдат,расположившихся здесь.Заметив,что я сижу - сержант подходит снова и приказывает лечь спать так строго и настойчиво,что я подчиняюсь и.... неожиданно для себя крепко засыпаю,человека измученнаго душой.

Вдруг кто-то меня будит.Открываю глаза и вижу,что сержант принес мне на ужин полный котелок белаго вареннаго риса.Не знаю почему,но у меня нет никакого аппетита.Что бы не огрчать своего стража,я ем немного и через силу.Он смотрит на меня с удивлением.Потом,видимо,понимая мое душевное состояние - он очень дружелюбно уговаривает меня есть.Я отказываюсь и укладываясь снова спать,внутренне сожалел,что мой крепкий сон был нарушен.

Я не сомневаюсь,что сержант был примерным японским солдатом и,быть может,был добрым человеком.Но мы встретились тогда,когда "мое место под луной" было так неприглядно,и я имел его в роли тюремщика.

Лежу и думаю,что в таком положении,меня могут держать еще много дней, или недель,или,даже,месяцев.... Такая переспектива наводит на меня дикий ужас.Стараюсь думать о семье,потом о своей неудачной жизни и... снова по гружаюсь в приносящий забвение сон.

Просыпаюсь еще дважды от чьих-то прикосновений к моим босым ногам.Кто то в темноте ощупывает мои ноги,желая,видимо,убедиться,что "я не убежал". Такая предосторожность-контроль меня веселит слегка и мне нравится,что свою службу дневальный,или часовой,или сам сержант - несут добросовестно.Я стараюсь не показать контролирующему,что я проснулся и чувствую это.

Бежать?... Но куда я могу убежать ночью?... в джунглях и при такой охране?

Утром 5-го апреля,я проснулся рано и с первой мыслью: - "Что день грядущий мне готовит?

Мне дали вареннаго риса.Он был не вкусный,но силы-то подкрепить надо! После еды сижу на своем ложе и передумываю свои горькия думы.В казарму вошел какой-то молодой японец,в шлепанцах на босу ногу,но при сабле-палаше и сказал что-то моему сержанту.Тот приказал мне одеться и обуться.

Я обрадовался: - наверное поведут в штаб для допроса! А что будет дальше - меня мало интересовало.Мне важно покинуть этот мрачный угол моего заточения и избавиться от своего придирчиваго и злого сержанта.

Следую "за саблей-палашом" во двор,но он ведет меня ни к главным воро

там,а к задним,"черным",за которыми начинается кустарники.Мелькает мысль - заведет он меня туда,в пустырь,и зарубит своим тяжелым палашём....

Я быстро строю планы самозащиты и бегства.Покорно "предать себя на заклание",без сопротивления,да еще с глаза-на-глаз с одним японцем - я не намерен.

Подходим к воротам,и я зорко слежу за каждым движением своего конвоира.Стараюсь быть как можно ближе к нему,что бы не дать ему должнаго разстояния для розмаха и удара саблей.Но за воротами он сворачивает не к пустырю,а в направлении села.Я еще более внимательно всматриваюсь в его профиль лица замкнутаго монгола и вдруг узнаю в своем предполагаемом палаче - стараго знакомаго лейтенанта Сано.Я радостно восклицаю по-французски:

"Льеутенант Сано!.. Сэ Ву?" /Лейтенант Сано!..Да ведь это Вы?/

Мой тон оказал свое действие.Он поворачивает ко мне голову и мягко,по восточному сдержано,и немного по-детски,улыбается,но не говорит ни слова. Встречные солдаты останавливаются и отдают ему воинскую честь поклоном, сгибаясь от поясницы. Я с восхищением наблюдаю дисциплину в Японской армии,в которой есть больше патриархально-национальнаго,ненарушаемаго ни при каких обстоятельствах.Всякий начальник,офицер в особенности,для солдата является существом,облеченный высшей властью,и исполнение его приказаний является долгом как перед Родиной,или самим их Императором /Микадо/

Мы подошли к какой-то аннамитской хибарке.Сано приоткрыл дверь и,став в положение смирно,почтительно козырнул кому-то внутри сидящему,произнеся несколько коротких четких фраз. Я не вижу,кто там внутри,но мне хочется его видеть.Делаю шаг влево и,через стеклянную дверь,вижу двух,хорошо сложенных,японцев лет 30-35-ти каждому,сидящих совершенно голыми на кроватях с поджатыми под себя ногами.Тот,который был ближе ко мне - писал что-то на коленях.Он бросил взгляд на меня.Я отдал ему честь,на что он ответил вежливым поклоном,не спуская с меня глаз.Лейтенант Сано,видимо, доложил обо мне и стал рядом со мною в положение "смирно",ожидая ответ.

Очень скоро из комнаты вышел немолодой офицер,без кепи,с большой лысиной и с грубым некрасивым монгольским лицом.На плохом английском языке он очень недружелюбно крикнул мне,что он "не понимает ни по-французски, ни по-английски,ни по-русски,и приказал мне идти за ним.

Этот "монгол" определенно не понравился мне своим грубым,не интеллигентным лицом, и своим нескрываемым презрением ко мне,офицеру-европейцу. Кто он был по чину и по положению - я не знал.

Он отвел меня к зданию бывшаго местнаго госпиталя,во дворе котораго сидели солдаты и завтракали.Сдав меня им,"монгол" тот-час-же ушел.Солдаты разсматривают меня с насмешливым презрением.Стою возле них,не зная - что мне делать? Вдруг из здания вышли наши три легионера.Мне и радостно, что я уже не один среди толпы японцев,и очень стыдно перед легионерами, что я,офицер их полка - тоже в плену,да еще в таких унизительных условиях! Как-бы то ни было,но мне стало легче от сознания,что я уже не буду одиноким объектом презрительнаго отношения со стороны японцев,и что это не так тяжело будет переносить,когда есть с кем поделиться своими горестями и отвести душу.

Среди всех полков Иностраннаго Легиона,при очень суровой казарменой дисциплине - в личных взаимоотношениях существует традиция теплаго товарищества и взаимной поддержки,когда разница в чинах и положений по службе - отходит на задний план,и остаются "люди",тесно связанные между собою безчисленными нитями общей службы и жизни в этой оригинальной и,посвоему,интересной воинской формации во Французской армии.Вот так было и сейчас с нами.

Я стал распрашивать их об обстоятельствах,при которых они попали в плен. Оказалось, что "эти обстоятельства" делают им мало чести,как солдатам.

Все трое были немцы.Не хочу на этом останавливаться.но меня неприятно поразила их манера разсказа о своем полу-преступлении пленения,точно дело шло о совершенно нормальном явлении,со всеми некрасивыми подробностями,без тени смущения и сожаления.Я был безконечно огорчен и как офицер вообще,и как офицер одной с ними части,в особенности Славнаго полка Легиона.
Все они были рядовые солдаты 1-го баталиона,который справедливо считался наилучшим в полку и на баталионном значке котораго,был выгравирован заслуженный им девиз:

"ПРЕМЬЕР ПАР ТУ!" т.е.- "ПЕРВЫЙ ВСЮДУ!"

Об этих легионерах скажу потом,но сейчас,забыв все,здесь в плену - мы должны быть самыми близкими товарищами и помогать друг-другу во всем.

Как всегда,я внимательно осматриваю окружающую обстановку.Лазарета, как таковото,нет.Стоят одни голыя стены.Всюду разбросаны остатки "чего-то" разрушеннаго,разбитаго,растоптаннаго.Во мне,подобные "следы" ушодших войск вызывают неприятное чувство.Но наши оставили здесь очень много медикаментов и целые корзины перевязочных средств и индивидуальных пакетов Легионеры помогают японским солдатам "в сборах в поход" и чувствуют себя среди них довольно вольготно.Японцы дают мне рис и мясной приправой и я ем с удовольствием.

Японские солдаты уже позавтракали и быстро приготовляются в путь.Все они делают поразительно быстро.Перед нами корзина в один метр длиной с "нашими" медикаментами.Смотрю и думаю с сожалением:

"Ну - зачем же наши оставили здесь столько медикаментов и перевязочных средств,в которых мы испытывали такую нужду? Если было тяжело взять все - то роздали бы легионерам! А то - бросили противнику!"

Японцы укладывают в эту корзину все,что попало.Даже сухой рис.Прочно перевязывают ее веревками и приказывают двум легионерам нести ее на бамбуковых палках,на плечах.Один из японцев "сует" мне в руки циновку,бутылку с недопитой местной водкой и корзинку с вареными яйцами.Я вынужден был взять все это,так как японский солдат сделал все это с таким решительным и безаппеляционным видом,что мой отказ грозил бы неприятными осложнениями.

Возмущаюсь поведением японскаго здешняго штаба,который не хочет считаться с моим офицерским званием и отдали меня в полное распоряжение своих солдат,как рядового.Мои легионеры со вздохом взглянули на тяжелую и громоздкую корзину с разными вещами в ней,многозначительно переглянулись, но ловко подняли ее и понесли.Это были рядовые: -Клевер,лет 40-а,с 14-ю годами службы в Легионе,Линц. 38-ми лет с 10-ю годами службы и Вольф 24 лет с 6-ю годами службы.Все они сильные,крепкие парни.

Мне было очень совестно перед ними,перед своими легионерами - нести личныя вещи какого-то японскаго солдата,в особенности его циновку и недопитую водку.

Неужели мы будем идти с японцами на фронт и обслуживать их в качестве рабочей силы? - думал я.

Мы идем в хвосте взвода.Он останавливается и выстраивается у квартиры главнаго начальника/где я был сегодня утром/с другими частями; получается свыше 200 солдат.Ждем не долго.И вот,появляется тот,который так настойчиво преследовал нас все эти прошлые дни - командующий действующими в этом направлении японскими силами,а сколько их - мы ни тогда,ни теперь - не знаем.И я узнаю в нем того "голаго японца" на кровати,с которым я обменялся воинским приветствием.

Он молод,лет 35-ти .Красив и строен.В защитной форме и такого же цвета перчатках.При красивой большой тяжелой японской сабле-палаше,опущеной по-кавалерийски на длинной портупее.В гетрах и при шпорах.Саблю он поддерживает рукой очень ловко,видимо в результате долголетней привычки.У него подкупающия,с перваго взгляда,благородныя и спокойныя манеры.

Раздается встречная команда. Офицеры обнажают свои сабли для салюта. Все вытянулись в струнку. Замерли. Мы, пленные, тоже. Начальник неторопливо, достойно своего положения, выходит на средину фронта, останавливается, четко козыряет и произносит короткую речь. Потом садится верхом на маленькую лошадь и ведет отряд куда-то. Мы гадали - куда идет отряд? Оказывается - - в тыл. Через три километра вошли в село, остановились, там убили одну свинью, разрезали ее на части, роздали солдатам и двинулись дальше по берегу реки. Скоро вошли в лес и там остановились. Солдаты немедленно же сбросили свои ранцы и быстро принялись приготовлять пищу. Потом разделись и с одними "передничками" бросились купаться, мыть белье, массировать друг друга, подлечивать ссадины. Мои легионеры, получив рис и свинину на нас 4-х приготовляли обед. Я сидел одиноко на траве в полном безделье. Вдруг, по команде, кем то поданой - голые солдаты быстро вскочили на ноги, вытянулись "смирно" и взяли под-козырек. Они купались и сидели в своих кепках на голове. Встали и мы. Это проходил меж солдат лейтенант Сано. Он молча прошел через разбросанную толпу, спокойно отвечая на приветствия легким, но четким, прикосновением руки к своему головному убору и остановился у пролеска. Пользуясь случаем - подхожу к нему, салютую и прошу разрешения скупаться в реке. Об, ясняю больше жестами, т.к. он не говорит по -французски. Он охотно позволил, но выражение его лица было строго официально и непроницаемо.

Я иду к реке, но не раздеваюсь совсем. Остаюсь в своих отчаянно грязных бриджах. Я боюсь обнаружить перед купающимися вокруг японскими солдатами свое "потаенное место", где спрятаны все дорогия мне вещи. И я прав в своей осторожности. Не успел я вынуть свой маленький, и единственный у меня, кусочек мыла величиной в два пальца - как они с криком - "савонка! савонка!" / мыло! мыло! / кидаются ко мне и просят дать его им. Я очень огорчен т.к. это было все, что я имел для умывания и чистки зубов; что для меня особенно важно еще - это стирать мой носовой платок, единственый у меня, служащий и полотенцем. И напрасно я указываю им, что кусочек очень мал! Но они просят, но не отнимают. Что бы спасти хотя бы часть его - ломаю пополам, одну половину отдаю, а другую крепко зажимаю в кулаке. Они удовлетворенно, как то по-детски улыбаются, скалят зубы и так же быстро разбегаются от меня, как и сбежались. Мы, как солдаты - поняли друг друга.

Снимаю с себя фуфайку и рубашку. Это все мое наличное белье. И на рубашке обнаруживаю пятно запекшейся крови ладони в две шириною и несколько маленьких кружков вокруг. Теперь я понял, что был ранен осколками камней от разорвавшейся гранаты японцев, но не самим снарядом, его осколками.

Я не хочу, что бы о моем ранении знали японцы. Я опасаюсь, что это доказательство моего активнаго участия в боях против них, может вызвать их оздобление. Прощупав раненое место - осторожно вымыл его.

Освежившись холодной водой, я сразу же почувствовал себя лучше и физически и морально. На душе стало, как-то радостней и свежее в организме. Вымыл рубашку и повесил сушиться, а фуфайку одел прямо на голое тело. В таком виде сижу около своих вещей.

Один из легионеров следит за нашим супом, а двое других лежат поодаль. Поджарый японец в очках, с кусочком ярко-красной шелковой материи на голом теле, на бедрах, проходит мимо меня и подсаживается к легионерам. Он разговаривает с ними по-немецки. Узнаю от одного из японских солдат, что это есть баталионный врач.

Они разговаривают, а я погрузился в свои унылыя думы. Японские солдаты, проходя мимо, останавливаются и, с неприятным для меня любопытством, рассматривают мои скудныя вещи: - гетры, обе полевыя сумки и, даже, мой франко-русский словарь, в котором ничего не понимают. Некоторые безцеремонно примеряют себе на ноги мои желтые гетры и, что то, очень внимательно вертят в руках мою маленькую кожаную "из Индии" сумочку для словаря. Я вижу, что все это им очень нравится и, быть может, пригодится им в походе. Но я знаю

так же,что они все это могут отобрать у меня в любую минуту.Но я знаю хорошо,что при своих офицерах,они никогда не посмеют этого сделать.Я знаю еще одно важное для меня,что если они отберут у меня хотьчто-нибудь из моих вещей - я буду терпеть большия неудобства в будущем.Особенно обувь, сохранение которой теперь,в плену - будет вопрос моей жизни.Если у меня не будет обуви -- я не смогу итти,и тогда они разве проявят милосердие к пленному,будь то,даже,офицер?К тому- же,я вижу,что и их обувь не лучше моей..У некоторых солдат подошвы подвязаны проволокой, что является нагглядным показателем их нужды.Поэтому,в случае "натиска",я решил всеми силами отстаивать "свое имущество".Кстати,присутствие здесь доктора ,а там, за кустами,лейтенанта Сано - дают мне достаточно смелости.И я,короткими и энергичными жестами,поясняю,что все это "мое",и оно "нужно мне самому"

Отстоял...Но - как все это было тошно,нудно и противно,выдерживать подобную борьбу из-за дрянных старых вещей!

Доктор,наговорившись с легионерами-немцами - подходит ко мне и молча усаживается напротив.Я догадываюсь,что мои легионеры,безусловно,разсказали ему обо мне,что я бывший русский офицер.И я понимаю,чтодоктору хочется поговорить со мною.Легионеры сказали,что он не говорит по-французски. Он сел,смотрит на меня и молчит.Беру инициативы и спрашиваю его по-английски:

"Ар ю доктор?" /Вы доктор?/.

"Ес",отвечает он мягко,скромно улыбаясь.И мы с ним "разговорились"... Он знает всего несколько слов по-английски,я знаю этот язык,так же,плохо, но против него, в сравнении с ним, отлично.

Он подтверждает мои подозрения,что от легионеров - он уже все знает обо мне - кто я? Я задаю ему много вопросов,но он очень сдержан,и я не настаиваю на ответах,опасаясь вызвать в его душе подозрение.В общем,выражаясь с некоторым преувеличением - "мы подружились".

Доктор очень скромен и воспитан.Его восхищает,что я говорю на трех языках.Я внутренне улыбаюсь,но не хочу перед ним сознаться,что и по-английски и по-французски - я говорю плохо.Но меня удивляет,что он,баталионный доктор, лейтенант,прожив два года во Французской колонии - он не знает французскаго языка.Он выражает желание брать у меня уроки "вражескаго" языка и мы тут же начинаем - "первый урок".

Он никак не может выговорить слово "Бон жур" /Добрый день/,а произносит "Бонь джюр" и мы оба улыбаемся на это.И для меня этот обмен улыбками, является целительным и необходимым бальзамом,принимая во внимание мое угнетенное состояние духа "пленника",да еще пленника азиятской армии.

В это время к нам подошел,улыбаясь как старому знакомому,деньщик лейтенанта Сано и вернул от его имени мои две записныя кнкижечки,отобранныя им в тот момент,когда я попал к ним.Наверное там искали "военных секретов", но не нашли.Я был очень рад этому,т.к.книжечки мне были очень нужны.В них были заметки о нашем походе , а несколько дней спустя,я сделал в одной из них,между писанных стром,кроки нашего последняго боя.

Японские солдаты очень любопытны,умно любопытны.Во все время нашего разговора с доктором - они зорко следили за нами,точно желая отгадать: - о чем их баталионный доктор может говорить с пленным офицером?Поэтому, когда доктор ушел и я пошел посмотреть на свою сохнувшую рубашку - ко мне вдруг обратился один японский солдат по-английски,очень бегло,с американским выговором:

"Почему Вы одели шерстяную фуфайку прямо на голое тело?"

"Потому,что у меня нет другой",отвечаю ему. "А потом - эта фуфайка не шерстяная,а нитяная,и в ней не жарко" - с большим удовольствием ответил я.Его товарищи слушали нас с открытыми ртами,и,по-детски,весело осклаби-

лись,услышав перевод моего ответа.Мы с ним разговорились.Оказывается,он проживал в Америке,в Сан Франциско,14 лет и сильно американизировался.Я был очень обрадован таким полезным для меня знакомством,т.к.это открывало мне возможность об,ясниться с теперешними "властителями моей судьбы", с японскими офицерами.Мне нужно было сказать им,что я являюсь об,ектом слишком большого внимания для их солдат,которые,все эти дни моего плена, безцеремонно досаждают меня своими обысками,разглядыванием моих вещей и попыткой отобрать их у меня; и просить оградить меня от этих назойливых и оскорбительных приставаний.Тем более,что я и так лишен всего самаго необходимаго.

Я очень люблю изучать все новое,а изучать совершенно неведомую доселе Японскую армию - представляло для меня громадный захватывающий интерес. И если "это изучение" происходило в крайне трудных и опасных,для меня лично,условиях - зато я имел возможность видеть ее такой,какой она есть, без всяких прикрас,можно сказать - "голенькой",когда трудно что-бы то ни было скрыть от глаз опытнаго наблюдателя.Кстати сказать,я никак не мог понять: - почему,несмотря на то,что японская армия вот уже четыре года назад как вошла в Индо-Китай,при том насильственно - что у французскаго командования никогда не было сомнений о неизбежности,рано или поздно,вооруженнаго конфликта - оно ни разу у нас в Легионе не сделало ни одного доклада-освещения ни об организации Японской армии,ни о ея тактике,ни о духе ея солдат и офицеров?Никто не только что из легионеров,но никто и из офицеров не имели ни малейшаго представления о своем,более чем вероятном противнике! И мы вступили с нею в борьбу "в слепую". И теперь,как бы мимоходом,как бы "к слову" говоря - я задаю вопросы этому японскому солдату,бойкому старшему унтер-офицеру,которому свыше 25-ти от роду,и годами он старше своих товарищей.У котораго взгляд на вещи чисто американский. И узнаю - жалованье солдатам недостаточное,что все они холосты и женатых среди них не более 5%; что в Индо-Китае они уже три года и что все сильно скучаю "по-дому"; что отпуска на Родину запрещены,а в город отпускают не чаще как один раз в две недели.

Разсказав кое-что о себе - он вдруг огорашивает меня вопросом: "А правда-ли,что Вы есть офицер Русской Императорской Армии?" Откуда он знает это - я не спросил,но на его вопрос,ответил утвердительно.Он тут-же перевел мой ответ своим товарищам,иль подчиненным - не знаю - и те,с полуоткрытыми ртами,с еще большим вниманием,смотрели на меня и улыбались совсем не злыми уж улыбками.

"Русский" - их очень подкупило. Я почувствовал,что моя принадлежность к Российскому Государству - вызывает у них симпатию.При этом я испытал большую радость и,вместе с тем,гордость за свое Великое Отечество.

На некоторые мои вопросы о том,что мне было не понятно о порядках в их армии - он не ответил,видимо,посчитав мои вопросы "нескромными".Я не настаивал,боясь вызвать у него впечатление,что я "разведываю"...Мне хотелось сохранить добрыя взаимоотношения с единственным человеком,с которым я мог бы разговаривать,и через котораго мог бы сноситься с его начальниками.

От него я узнал,что мы,пленные,находимся при "сборной роте"ото всего баталиона,которая в составе 15-ри офицеров и 220 унтер-офицеров и солдат - идет на отдых в Ханой.При роте имеются пулеметы,бомбометы и два горных орудия,которых тащат на лямках сами солдаты. С этой ротой возвращается и командир того баталиона,который только один преследовал нас все это время.Все они очень рады предстоящему отдыху,т.к.сильно устали и им здесь очень скучно.

На мою жалобу,что солдаты слишком часто меня обыскивают и пытаются отобрать некоторые вещи - он промолчал.И я понял,что он сам "из таких", а причина этому - слишком малое жалованье солдатское,толкающее его "охо-

титься за военной добычей".

-Со мною он держал себя совершенно по-европейски.И странно - когда он говорил по-английски - выражение его некрасиваго лица и глаз,теряли свою азиятскую неподвижность и непроницаемость и становились, как бы,интеллигентными. Да и сам я говорил с ним не так,как с другими японскими солдатами,а как с европейцем. Говорил и думал: - как влияют условия и обстановка жизни на человека! и как изменили они моего собеседника по сравнению с его товарищами-азиятами,в других странах не живших!

Почувствовав,что я уже достаточно расположил его к себе - задаю вопрос:

"А как Вы питались в Сан Франциско? на японский,или на американский манер?"

"Конечно,на американский!" с каким-то восхищением и весело восклицает он.И добавляет,смакуя: - "шоколад,какао,кекс,стэк"....и в его голосе чувствуется нотка сожаления,как о чем-то дорогом,интересном и потерянном,может-быть навсегда...

"Но как только кончится война - я вновь поеду туда!" закончил он через несколько минут задумчиваго молчания,но без слишком большой уверенности в исполнении своих затаенных желаний, - вернуться в благодатную Америку.

Я не знал,я не видел себя в зеркале - какой у меня вид?Уже около месяца я не брился,спал не раздеваясь и весь костюм мой был в плачевном состоянии,в особенности обувь.Когда он спросил сколько мне лет? и я ответил - 52 - они долго хохотали.Это меня несколько смутило.

Разговор закончился.Итак - мы идем в Ханой,в столицу всего Индо-Китая.До него 500 километров.

Я отдаю себе полный отчет,что нас,пленных,во время этого перехода, ждет много физических лишений и моральных ударов; что разсчитывать нужно только на самаго себя,на свои физическия силы,на моральную твердость и на свои интелектуальныя качества.В случае какой-бы то ни было "неустойки" - в том и другом случае - ни на какую "милость и жалость",ни на какое "снисхождение" со стороны японцев - надеяться нельзя.

Надо было во что-бы то ни стало сохранить в порядке,на все время долгаго похода,три элемента: - 1.Трезвый разсудок и хладнокровие. 2.Ноги и обувь. 3.Желудок,как основу здоровья.Болезнь же в походе - равносильна гибели.

На холодную трезвость своей головы я надеюсь твердо. На ноги - тоже. За желудком я буду следить - не об,едаться и не злоупотреблять водой при утолении жажды.Все это зависило от меня,от силы моего характера. Но обувь!...

Мои казенные ботинки "на гвоздях" были в печальном состоянии.Подошва потрескалась.Крепки были ея части у носков,да каблуки.Гвозди там были целы,но середина держалась только стелькой. Я внимательно изучил свои ботинки и пришёл к грустному выводу,что пятисот-километровый переход они не выдержат.И тлько предельная осторожность в ходьбе,может спасти меня от перспективы "отстать",т.е.быть,несомненно,"прикончены японцами".

Мои казенные чулки были в невообразимом состоянии - черны от грязи и с совершенно протертыми пятками. Приходится комбинировать их со всякими тряпками,лохмотья которых торчат на стыке ботинок с гетрами и придают мне вид форменнаго бродяги... Офицерский мундир не скрашивает положения. Бриджи и френч,от пота и грязи,приняли темно-сизую окраску с безчисленными грязными пятнами.А на спине,следы просочившейся запекшейся крови от раны.Горе и убожество сквозило через все мои дыры....

Сборная рота провела весь день в лесу,в совершенно дикой обстановке.

Она скрывалась от американской авиации,находившейся в Чункине,при Ставке Китайскаго фельдмаршала Чан-Кай-Шэка. Несмотря на приятные разговоры с американским японцем и на непрерывныя пререкания с пристающими солдатами, для меня этот солнечный день тянулся томительно долго.Для активнаго человека,полная неизвестность того,что вокруг тебя делается,полная зависимость во всех поступках от чужой воли -являются невыносимо-мучительными. Он чувствует себя на положении пассивнаго животнаго,в то время как все его существо требует от него каких-то действий.

Что бы убить время и найти выход давящей"из нутра" энергии,что бы найти способ хоть как-нибудь об,ясниться с окружающими меня японскими солдатами - я решил изучать японский язык.Обратился с этим своим желанием к ставшему уже "добрым знакомым" американизированному сержанту Ботанаби - такова была его фамилия.Он охотно согласился.Нас немедленно же окружили солдаты.Моя способность довольно быстро запоминать несколько слов и пустить их тут-же в оборот - произвела среди них сенсацию и сразу же подняла мой авторитет.К тому же,мой учитель то и дело обращался к своим солдатам и что то им говорил обо мне,все время бросая на меня быстрые и острые взгляды. Иногда он прерывает "урок",что бы задать мне какой-нибудь новый,относящийся ко мне лично,вопрос и тут-же переводит мой ответ окружающей "аудитории",следящей за всем происходящим с жадным интересом,я сказал бы,"детей природы",если бы они не были так злы и жестоки.

Так провел я время до самаго вечера.Мои легионеры,после еды,непробудно спали.

Наконец быстрые сборы в поход.К моему удивлению,и огорчению,рота вернулась назад в то село,где утром зарезали свинью для еды.

Расположились на ночлег в тесных хижинах,на грязном полу,по-взводно и очень скучено.Нам,пленным,отвели маленький уголок позади себя и подальше от дверей.Конечно - самый грязный,с дырами в голом бамбуковом полу,никогда не чищеном.Это было что то,в роде,кладовки у аннамитов.

Холодная ночь прошла для меня в мрачных думах о своем положении униженнаго пленника.Спал вповалку со своими легионерами.Японцы,сытно поевши в лесу,освежившиеся купанием в реке и отдыхом под деревьями - очень скоро уснули около своих костров,разведенных тут же,на больших местных жаровнях.

Настало утро 6 апреля.Нам дали что то поесть,а потом обычно быстрое выступление в поход.

Вчера вечером я слышал,как какой-то сержант отдавал своим подчиненным распоряжение,видимо,насчет сегодняшняго похода.Он "рубил" своим скрипучим голосом какия-то короткия фразы.Все слушали его с полным молчанием и только некоторые,повидимому,подчиненные сержанты - довольно часто отвечали подтверждающим односложным словом - ХЭЙ!.А сегодня,рано по-утру,кто-то крикнул только одно слово и все солдаты моментально проснулись и немедленно уже стали приводить себя в порядок и готовиться к маршу,недожидаясь никаких новых распоряжений. Наши легионеры,как всегда,замедлились,но окрик сержанта и легкий "подзатыльник" сразу же привел их к быстроте. Их нагрузили тою-же тяжелой корзиной.Я несу котелок варенаго риса на нас четырех,бидон воды и маленькую корзинку с чем-то.Циновка мною брошена. Брошена и пустая бутылка от водки.Это меня облегчило и избавило от унижения нести "предметы роскоши" для рядовых японских солдат. Но надо отдать должное японской любезности: - вчера нам ими было предложено по глотку водки.И водка была превосходнаго качества.

Как потом я убедился - японские солдаты очень любят "выпить",но вмеру, и только во время еды.И пьют скромно и открыто.Они,потом,всегда приглашали нас.Я выпивал,из вежливости,один глоток,но мои легионеры часто сами

"клянчили" у них выпивку,и я заметил,что это производило на японцев отталкивающее впечатление,и они,порою,очень грубо и брезгливо отказывали.

Сегодня мне довелось снова видеть церемонию встречи начальников. Японцы собираются и выстраиваются поразительно быстро.Начальники коротко, гортанно командуют "на-краул!"Офицеры салютуют шашками.Это очень своеобразная воинская "церемония встречи".Наряду с очень отчетливым отдание чести оружием - подчиненные делают своему начальнику гражданский поклон, бросая вперед свое туловище от поясницы,наклонив голову и потупив взор, в знак почтения и подчинения.

Было еще тёмно,когда мы выступили.Солдаты шли быстро и молча.Только наши легионеры безцеремонно переругивались между собою по-немецки,раздражаемые тяжестью своей неудобной ноши.

Я иду молча,рядом с ними и мы четыре европейских солдата,выделяемся режущим взгляд пятном на фоне идущих густым строем азиятских солдат.

Бросается в глаза наш рост,наши белыя лица и безобразно отросшия щетинистыя бороды.То и дело по пути попадаются разрушенные нашими войсками мосты.Это сильно задерживает движение громоздкой роты.Людям приходится "по-одному" перебираться по качающимся уцелевшим бревнам.Я стараюсь проделать переправу как можно скорее и быстро выбраться из толпы явно озлобленных японских солдат,видящих в нас "виновников" всех этих неудобств. Легионеры же,нагруженные тяжелой и неудобной корзиной - с трудом преодолевают эти препятствия и,вместо того,что бы выбраться поживее из гущи раздраженных и ворчащих на них солдат - они мешкают,мямлят,ругаются между собою громкими пререканиями и несмолкаемой болтовней.На их лицах я читаю усталость и явный страх перед японцами.

В одном месте они задержали движение и конноир грубо закричал на них а потом,для вразумления,очень сильно ткнул одного легионера кулаком в бок.К моему удивлению - легионеры сразу же замолкли,прибавили шагу и на некоторое время прекратили свои нескончаемые громкие разговоры.

Я иду в середине колоны и изучаю марш японцев.Они шагают спокойно и молчаливо-деловито.Все они,включая и офицеров - молоды.Все без усов и с коротко остриженными волосами на головах.На всех лицах написано слепое повиновение своим начальникам.Удивляет полное отсутствие в роте лошадей. На всю роту только 4 лошади под тяжелыми пулеметами.Два уродливых бомбомета на колесах - тащат на лямках два сильных солдата.Верховые лошади только у командира баталиона,капитана Намски,да у того "монгола",который отнесся ко мне так недружелюбно.Обгоняя меня на походе - он бросил,как мне показалось,злорадно-враждебный взгляд,дескать: -"Попался,голубчик! погоди!.. мы с тобою еще поговорим!"

Вообще - я чувствую презрение и ненависть,с которыми относятся к нам японцы в массе.Мы для них люди не только что другой расы,но и расы "низшей",которая незаконно претендует на положение "высшее",и которую следует всю уничтожить... а пока,до поры и до времени - ее надо как можно сильнее ущемить и поставить на должное место.Во время движения,они,как будто,не обращали на нас никакого внимания,но как то раз,мы попали на марше в их гущу - раздались со всех сторон презрительное фырканье и на нас устремились такие злобные взгляды,что я ждал каждую секунду толчка в бок,пинка в спину или удара по голове.

Офицеры были одеты точно так же,как и солдаты.И были также отрепаны и грязны,но общий вид был подбористый.Все офицеры были при саблях и револьверах;имели бинокли системы "Цейса" и часы.При офицерах было все,что требуется для боя.У всех большия полевыя сумки с бумагами и папиросами.

Большой привал в большом селе,покинутом жителями-аннамитами.Идет "охота" за домашними свиньями на обед.Мои легионеры тоже принимают в ней живейшее участие.Они любят поесть,поспать и,в особенности,выпить.Легионер Клевер,как старший и летами,и сроком службы и,вообще,умный и распорядительный - он,естественно,стал старшим среди двух своих соплеменников-немцев.С темною густою бородою - он производил приятное впечатление.С японскими солдатами он говорил по-французски,словно они его понимали,или должны понимать.В хозяйственных вопросах,жестикулируя руками перед старшим санитарной команды,умным и серьезным худощавым японцем,которому мы были подчинены во внутренней жизни - он внушал ему доверие и понимание -что он,Клевер,хочет и тот ему верил,поручая что-либо.

Легионер Линц,с густою рыже-огненой бородой,был полная тупица,и любил выпить и поспать.Он слушался Клевера безприкословно.

Легионер Вольф,26-летний парень,так же с густою,но русою и красивою бородою - был флегма и лентяй; любил поесть и всласть поспать.Вот они и пошли в помощь японцам убить свиней, что бы потом хорошо поесть и поспать

Замечательно следующее: - наши легионеры убивали домашних крестьянских свиней,конечно,без разрешения хозяев,просто - пулей из карабинов, а японцы убивали палками,вручную,жалея патроны.Все у них было иначе,чем у нас, в Легионе.

Я сижу один в хижине-сарае,довольный возможностью остаться в одиночестве и привести в порядок свои невеселыя думы.От них изнемогает душа. Сильно хочется есть.Укладываюсь на дырявом бамбуковом полу,подложив все свои вещи под голову,что бы предохранить их от "незаметной реквизиции" Подходит солдат-японец и дает мне десяток кусочков сырой свинины,общим весом более фунта.

"Ари-га-то,Сан" /Спасибо господин/,благодарю его по-японски.Обращение "Сан" - у них считается необходимым приложением,как знак вежливости,к кому-бы не обратился.

Японец с добродушным удивлением смотрит на меня и с видимым удовлетворением - уходит.

Немедленно-ж нанизываю кусочки мяса на тонкую бамбуковую палочку и поджариваю на костре как кавказский шашлык.Запах жареной жирной свинины приятно щекочет обоняние и еще больше разжигает аппетит.Мне кажется, что я могу с,есть вдвое больше,чем получил,но я позволяю себе с,есть только три кусочка и остальное отложил для своих легионеров.Но они принесли большой кусок свинины,как рацион для нас 4-х и мы в этот раз плотно пообедали.

После еды сон.Легионеры подстилают для себя единственное на троих свое одеяло и собираются ложиться,как какой то сержант,высокий и худощавый,видимо метис,быстро подходит к нам и властным движением,недопуская никаких возражений - сдергивает одеяло с пола, уносит к себе и вольготно располагается на нем на наших же глазах.Мы были возмущены до края,но и еще раз убедились в своем полном безправии и беззащитности.

В 15 часов этого же дня - выступили дальше.Теперь рота идет небольшими группами,соблюдая стометровую дистанцию,на случай внезапнаго налета американской авиации.

К вечеру расположились на ночлег в следующем селе,но под открытым небом.Запылали костры.Японцы относились к имуществу мирных жителей-аннамитов с такой же безцеремонностью,как и наши легионеры.Хотя села были оставлены жителями,но все же,так щедро жечь все,что горит на огне - преступно. Горе жителям брошенных сел.....

Ночь была сырая и холодная.Я не мог заснуть от холода.У легионеров

были толстыя шерстяныя фуфайки с рукавами и подобранное с пола,после отдыха серженанта,их теплое толстое одеяло.Они тесно прижались друг к другу и,как всегда,крепко спали. Холод победил мою осторожность перед японцами.Я подобрался к ближайшему костру и лег между ними,протянув ноги к огню.Теплота сразу же распространилась по всему телу и я крепко заснул на те несколько часов,которые оставались до утренняго под,ема.

Мы были очень голодны.Вечером,какой-то солдат,дерзко вырвал из рук легионера Войта наш котелок с несколькими кусочками тушеной свинины и не вернул его.Мы остались без ужина.

Вот и утро 7-го апреля.Выступаем,как обычно,до зари,с той же быстротой снявшись с бивака.Я тщательно слежу за обувью,аккуратно "пригоняю" свой багаж и стараюсь "не перегружать" желудок.Сосредоточенно молчаливый иду ровным крупным шагом чуть сзади легионеров.Они терпеливо несут на перекладине свою корзину,ставшую еще тяжелее,т.к.японцы,по праву сильнаго, положили туда и свои личныя вещи.Мне очень жаль их,но...чем я могу им помочь?

Мы приближаемся к тому месту,где я попал в плен.Сердце начинает учащенно биться.Панорама зигзагообразной дороги снова предстала предо мною как на ладоне и я,в своем воображении,рисую картину нашего отступления в роковой для меня день 2-го апреля.Снова душу гложет позднее сожаление: - "Ах! почему мы не заняли эту,почти неприступную,позицию,а остановились на первом перевале,таком неудобном для обороны?! Вот в чем причина всей катастрофы!"

Но рота,не задерживаясь,спускается к разрушенным мостам,из-за которых я попал в свое теперешнее положение.

Острым взглядом исследую тот крутой берег,на который я тогда не мог выбраться; и прикидываю на-глаз "свой путь к спасению" по зарослям,который теперь сверху так хорошо виден.Да,я был тогда в таких дебрях и в такой пропасти,где смело мог скрываться любой хищный зверь крупных пород, которых отсюда никак невозможно обнаружить человеку.

Мы переходим старый мост.Японские солдаты балансируют по двум бревнам и пересмеиваются,дескать - по ним трудно переходить речку! Трудно итти сейчас - а каково было тогда нам - измученым,в панике,под меткими огнем противника?

На 34-м километре "малый привал".Я сижу с легионерами и,опершись на руку,задумался.Вдоль дороги,держась вместе и не расходясь в стороны,отдыхают японские солдаты.Я настолько погрузился в свои невеселыя думы,что не заметил,как к нам подошла группа японских офицеров.И вдруг я слышу голос позади себя:

"Оч-чень хорошо!" - произнесенное с очень мягким оттенком,но совершенно ясно по-русски.Быстро поднимаю голову и вижу группу офицеров /судя по саблям/ и среди них красиваго молодого капитана,командира баталиона.Это он обратился ко мне по-русски и,сейчас,приветливо улыбается.Улыбаются и все его спутники.Я быстро поднимаюсь на ноги и,взяв руку под-козырек,отвечаю в тон:

"Оч-чень не-хо-ро-шо!"

"Оч-чень хорошо!" снова повторяет он,мило улыбаясь.

"Вы говорите по-русски?" с жаром и радостью спрашиваю его.

"Ай ду нот спик рошшиян" /Я не говорю по-русски/,отвечает он мне по-английски.Его офицеры сдержано улыбаются.Среди них и тот "монгол", который был так не любезен со мною три дня тому назад.

Он тоже улыбается и его лицо,на этот раз,мне кажется,совсем не злым а, даже, по своему симпатичным.

Капитан позывает "японца из Сан Франциско" и через него распрашивает подробности боя 2-го апреля,начавшагося как раз на том месте,где мы сейчас стоим.

Разговрр проходит в мирном тоне,как и полагается между офицерами. И это уже не были "лютые враги",кровожадные япрнцы,а были профессиональы-военные.

Мой военный и житейский опыт помог мне сразу отгадать психологическую настроенность моих собеседников и взять верный тон.В основном - военная среда всех стран и наций - одинакова.Можно быть жестоким без всякаго милосердия к противнику в бою,и вто же время,можно и должно,быть рыцарски обходительным с побежденным противником после боя.Эти противоположные два полюса особенно резко подчеркнуты в психологии японскаго кадроваго офицерства. В данном случае - они распрашивали меня,выслушивали мои ответы и сами сообщали мне некоторыя детали боя с величайшим вниманием и полнейшей корректностью,безо всякаго и намека,как иронии,над "побежденным",а наоборот - с явной симпатией и расположением к такому же как и они офицеру,хотя бы и пленнику.

Из разговора выяснилось,что 2-го апреля,боем руководил непосредственно сам командир баталиона,капитан Намеки /который теперь стоял передомною/, находясь при головном пулемете и миномете всего лишь с несколькими своими солдатами далеко впереди своего баталиона. И это он "сбил" нас с позиций,и так настойчиво преследовал своим огнем.

Желая смягчить неловкость нашего тогдашняго поражения - я быстро повернулся к капитану -

"Со,ит вос ю гу шот эт ос?" /Так,значит,это Вы тогда стреляли по нас?/ спросил я по-английски и с шутливым упреком - погрозил ему пальцем.

Такое мое экстровагантное выступление по адресу командующаго всеми японскими силами в данном районе,в руках котораго было в любой момент решить вопрос о моей жизни - произвело необычайный эффект.Все окружающие,даже и солдаты,разразились громким смехом.И громче всех смеялся сам капитан Намеки,который летами был моложе меня лет на 20.

Мой разсчет оказался правильным.Я почувствовал,что "лед сломан".Лица японских офицеров и солдат перестали мне казаться такими злыми,как раньше.Все они были,ведь,солдатами,делающими свое дело и выполняющими свой священный долг перед своей Родиной.

Конечно - за мной стояло мое Великое Отечество Россия,внушавшее к себе уважение и,даже,страх всем японцам.И доля этих чувств распространялась и на меня.Это давало мне право говорить так непринужденно с ним,даже будучи пленником.

Здесь же я был подвергнут легкому допросу,который не носил официальнаго характера,а велся в форме частнаго разговора между людьми,как бы, только что познакомившимися.Я ответил через переводчика капитану Намеки,что в прошлом - я офицер Русской Императорской армии и участник "Белой армии".О своем чине и былой должности умолчал.Да он меня и не спросил.Конечно,"мой доктор-ученик французскаго языка",явно подготовил почву перед своим капитаном для встречи со мною,которая и состоялась.

Привал окончен и рота двигается дальше.Я еще раз окидываю взглядом зигзаги дороги,по которой мы бежали.Во дороге я заметил следы крови.Видимо,наши потери были более тяжелые,чем я предполагал.

Снова меня охватило ощущение какой-то невозвратной потери. Настроение мое падает и, под вновь нахлунывшиеся печальныя мысли, спускаюсь к селу у реки, где назначен большой привал.

Рота расположилась в лесу, разбившись на мелкия группы, что бы не привлекать внимание американской авиации. Солдаты немедленно же приступили к варке пищи. У нас, пленных, нет мяса. Мы очень голодны. С завистью смотрю как неподалеку, группа японских офицеров уселась на пухлыя европейския одеяла, и тот-час стала есть, почтительно и внимательно обслуживаемая своими преданными деньщиками.

Иду к речке, освежить ноги, забота о которых, стоит у меня на первом месте. Японские солдаты очищают свои котелки и промывают рис для варки. Вижу на траве только что выброшеный большой ком вареного риса. Безумный голод после суточнаго поста и утомительнаго перехода, охватывает меня. Я не могу сдержать себя и спрашиваю жестами у ближайшаго солдата разрешения взять его. Тот разрешает, я хватаю его, споласкиваю в ручейке и с волчьей жадностью с,едаю все. А с,ев - впадаю в раскаяние. Мне становится стыдно перед японскими солдатами, особенно перед тем, который выбросил этот рис и так нелюбезно разрешил его взять - что я, французский офицер, унизился до того, что бы есть их "об,едки"... И напрасно я успокаиваю сам себя: - "А не все-ли равно - выброшеный-ли он, подареный-ли, приготовленный-ли мною самим, или, даже, украденый?... самое главное то, что я утолил голод."

После обеда весь бивак спит. Шумно храпят и мои легионеры-немцы. Они могут спать без конца и при всех обстоятельствах. Но я заснуть не могу...

К вечеру двинулись дальше через знакомыя места. Тогда, при отходе, они промелькнули перед нами как малозначущая декорация нашей повседневной военной жизни в походе, а теперь, связанныя с ними воспоминания, вызывают у меня невыносимую тоску о потеряном для меня "мире", который, может быть, никогда уж больше н е в е р н е т с я . . .

Вот вершина перевальчика на 29-м километре, словно ворота, пробитые в горном кряже. Вот здесь ночью стоял наш пулемет, а я ночью проверял посты и угощал часовых папиросами. За ним дорога круто спускается к мостику, куда наши легионеры ходили "по-воду"...

Был уже вечер, когда капитан Намеки внезапно остановился, слез с коня и взял пакет, от откуда-то появившагося "типа" полу-европейскаго сложения тела и лица, приподнесшаго ему с почтительным японским поклоном. Последовала команда "всем остановиться", и рота, в густой колоне, расположилась на отдых прямо на дороге. Солдаты принялись немедленно-же есть из своих запасов, а у нас пленников - опять ничего нет.

Последовал приказ развести огни и расположиться на ночлег. Офицеры сидят вкругу недалеко от нас, читают содержание в пакете и сдержано обсуждают.

Я наблюдаю интересную картину. Несмотря на то, что мы в дикой обстановке джунглей - церемония "представления" новоприбывшаго "типа" остальным офицерам - производится пунктуально. Он в полу-военном защитном костюме, в бриджах и гетрах - отчетливо берет под-козырек перед группой офицеров. "Мой монгол", как старший после капитана - быстрым движением встает на ноги и с вытянутыми по-швам руками /он был без кепи/ - делает глубокий японский поклон. Японцы не подают руки и ограничиваются глубоким прямым наклоном всего туловища от полсницы.

Когда стемнело - к нашему костру подошла вся группа офицеров и новоприбывший. Я внимательно разсматриваю его, желая отгадать - кто он? По моему - он полу-испанец, или, что-то в этом роде. Он выше средняго роста.

Чисто европейскаго телосложения,с зачесанными назад густыми черными волосами,сухим смуглым лицом,прямым носом и правильно прорезанными глазами.Но садится он у костра по-восточному,поджав под себя ноги привычно
От сержанта из Сан Франциско узнаю, что прибыл "переводчик" и привез из Ханоя какие-то важные распоряжения от генерала.
Переводчик быстро говорит с офицерами,видимо,делясь с ними столичными новостями.Изредка он бросает испытывающие взгляды на меня.

"Ки Ву зэт?" /Кто Вы?/ - вдруг,и неожиданно для меня,обращается он ко мне на чистейшем французском языке.

"Офисьє дэ л,Армэ Франсэз" /Офицер Французской армии/,отвечаю ему.

"Вы русский?" допытывается он.Разговор идет по-французски.Он тут-же переводит каждую фразу капитану.Все офицеры молча слушают.

"Какой чин Вы имели в Русской армии? - спрашивает

"Выше Лейтенанта",уклончиво отвечаю.

"Но какой?... Капитан?.. Командан?" - утончает он.

Что бы покончить с этим вопросом - я коротко отвечаю:

"В чине полковника командовал казачьим полком".

Его перевод очень внимательно слушают не только что офицеры,но и ближайшие солдаты,которые всегда так любознательны ко всему.
Услышав это - они хором издают свое удивление,гортанным - "О-о-а!". и с напряженным вниманием впиваются взглядами в мои глаза.Все происходит сидя на земле,вокруг костра.Сижу и я.
Перекинувшись несколькими фразами - он допытывается:

"Эт Ву козак?" /Вы есть казак?/

"Казак!" - вторю ему.

"Кас-сак-ка?" протянули многие удивленно. "Ссапайкаль"? /т.е. - Забайкальский?/

"Кавказский!" поясняю.

"Ааоо...Кауказус?" -протянули почти все хором и снова вперились в меня глазами,.словно изследуя - "каковы это казаки с Кавказа?"
Они знали только Забайкальских казаков с желтыми лампасами и многие из них с полу-монгольским лицом,а о Кавказских,т.е.о Кубанских и Терских казаках,видимо,только слышали,но никогда не видели их,почему и заинтересовались так.

"Почему Вы,русский офицер,поступили во Французскую армию?" спокойно спрашивает он.
Я об,яснил военно-политическую обстановку осенью 1939 года,подчеркивая противоестественный союз Нацисской Германии с коммунистической советской России,который побудил меня,офицера Союзной армии Великой войны 1914-18гг. - по чувству долга - искать себе место "В Стане старых союзников".
Он внимательно меня выслушал и долго переводил капитану мой ответ.

Все офицеры слушали его в полном молчании и с напряженным вниманием.Мое откровенное пояснение,и о самом себе и о моих взглядах на настоящую войну - были для них интересны.К тому-же,вся обстановка - ночь в джунглях, мы сидим вокруг костра словно по-семейному,создавали атмосферу доверия.

Перекинувшись со своими офицерами несколькими фразами - капитан Намеки приказывает подать нам чай,ставший неслыханным лакомством в моем теперешнем положении и трогает знаком внимания со стороны капитана,главы здешних японских войск,властным над моею жизнью и ... смертью.Он угощает меня белыми американскими галетами,ошибочно сброшенными на парашютах в их районе для французских войск,а когда я хочу вернуть ему этот индивидуальный пакетик с бисквитами и сахаром - он,с любезной и приятной улыбкой на своем красивом породистом,тонких черт,лице самурая - отказывается его взять обратно и произносит по-английски:

"Но-о... іт іс фор ю" /нет... это для Вас/.

"Ари-га-то,Капитана Сан" /Благодарю Вас Господин Капитан/ - в тон ему, отвечаю по-японски,чем вызываю восторг всех присутствующих его офицеров.

Я понимал,что существование рядом с Японией Великаго Российскаго Государства внушает этим японским офицерам уважение и интерес ко мне и толкает обратить их внимание на мои строго-военныя манеры при обращении с ними,на мою сдержанность и молчаливость,на мою постоянную печаль, с которой я переношу свой невольный плен.. .Думаю,они понимали,что переживает моя душа казака-полковника,под истрепанным мундире лейтенанта Французской армии....Но в тоже время,их внимание ко мне,отчасти,было и неприятно,т.к.я остаюсь "их пленником",их любезность есть вещь переходящая и не обязывающая их ни к чему в дальнейшем,в отношении меня.

Разговор окончился.Все легли спать на каменистой дороге под открытым небом,"вповалку",что бы согреться.Я снова очень плохо спал в эту ночь.

Эта сборная рота с капитаном Намеки закамуфлировалась в лесу до 15 часов следующаго дня 8-го апреля.Велико было мое отчаяние,когда я увидел колону,строющуюся лицом на запад и потом,двинувшуюся назад,на фронт.

Куда,зачем и почему - нам,пленникам,конечно,не было известно. Мои ноги и душа отказываются идти "назад",на фронт.Все тело,вдруг,размякло, а душа....она была уже опустошена еще со 2-го апреля,когда я попал в жуткий плен.

Самым скучным,трудным и неприятным для человека бывает то дело,которое он делает впустую,ясно сознавая это.

Мы идем в третий раз по тем местам,которые уже проходили при разных обстоятельствах.Дорога меня уже не интересует для изучения - где отбивался от японцев.Я шагаю равнодушно.К вечеру мы снова переходим роковой для меня мост.Рота делает большой привал.Японские солдаты быстро разводят небольшие костры и готовят себе пищу.Их офицеры в своем кругу,сидят с поджатыми ногами по-восточному и что-то едят.Мы,четыре пленника,в стороне,отдельно ото всех,грустные и голодные.Рядом с нами,внизу,та пропасть с речкою в лесу,где разыгралась моя одиночная трагедия и.. судьба.От этого еще более становится жутко на душе.

"Элизэ!.. ком хир!" /Елисеев!... идите сюда!/,слышу я голос от группы японских офицеров.Предполагая,что меня вызывают для новаго допроса и распроса - встаю,одергиваю свой замызганый мундир,поправляю ремни и подойдя к ним - взял руку под-козырек,как жест воинскаго исполнения,вызова,потом опустил ее,не меняя воинской строевой "стойки".

"Сит-даун хир"/Садитесь здесь/ - вдруг говорит мне "мой недруг-монгол" в чине лейтенанта и по должности помощник командира баталиона.

Я немного опешил от такого приглашения "сесть в офицерский круг" во время привала,к тому же рядом с этим "монголом".Боясь сделать оплошность и желая знать смысл приглашения - смотрю вначале на капитана Намеки,потом на переводчика-японца и спрашиваю последняго по-французски:

"Эт-иль поссибль?" /Возможно-ли это?/.

"Мэ,вуй...ассее-ву...ле капитэн перми".И потом,после короткой паузы, добавил: - "Иль э бон гарсон" /Конечно... садитесь...капитан разрешил. Он хороший человек/ - быстро произнес он эти фразы.Сидящий-же несколько в стороне капитан Намеки,поняв мою нерешительность - он,с приветливой, почти детской улыбкой,ласково говорит мне по-английски:

"Сит-даун Элизэ,плис" /Садитесь,Елисеев,пожалуйста/.

Я присаживаюсь по-восточному около монгола,чувствуя неловкость за свои разбитые грубые казенные ботинки с гетрами,за торчащие из-под гетр лохмотья чулок-тряпок,за весь свой "вид бродяги"... Монгол дружелюбно похлопывает меня по плечу и "первый" начинает сложный разговор на четырех языках.

Ни один из японских офицеров неговорит по-французски,по-английски и по-русски,но знают только несколько слов и фраз на двух последних языках и весьма коротких.Я уже изучил от сержанта несколько фраз по-японски,а недостающия - добавляет-раз,ясняет переводчик по-французски.Итак, разговор получается на 4-х языках.Получается забавно и,даже,весело....

Оказывается,мой сосед—монгол,есть племянником генерала Тоги,или Ноги,участника и героя Русско-Японской войны 1904 -1905 гг.Они говорят о России,любят Россию,но не красную,а Императорскую.И меня они принимают как офицера Российской Императорской Армии.

"О-о!...Шальяпин!... Пафлова!...Касанофа!... Вольха-Вольха! /т.е.Волга-Волга/...Эй,ухнэм!" - выкрикивает один с восторгом. Кто-то пискливым голосом затянул - "Эй!.. ухнем!"....Другие нестройно подхватили...Слов они не знают и в унисон тянут мелодию. Просят "помочь" им и я,по обязанности гостя-пленника - без слов печально вторю им...А душа моя - плакала....

Вдруг один красивый лейтенант с тонкими чертами лица и хищным носом, совсем не похожий на японца,с веселыми глазами,видимо,желая показать мне знание русскаго языка - выкрикнул:

"Стой!..Бласай алусье!/оружие/... Ставайсь!"

Откуда это? - удивленный,спрашиваю переводчика.

"Да это он был в Манджурии,где дрался против красной армии и их всех учили русскому языку,как нужно выкрикивать при атаке в штыки" - ответил он,как-то,нехотя.

Услышав это,я с улыбкою в душе подумал: - "ну... с этими выкриками при атаке в штыки,не собьешь русскаго солдата,даже,и красной армии".

Переводчик,видимо знал и русский язык,но мне в этом непризнался.

Что еще интересно: - на привалах,все офицеры немедленно-же снимали все свое вооружение,полевыя сумки,снимали тяжелые ботинки и одевали нитяные темно-синие туфли на мягких подошвах.Так было и теперь.Это мне нравилось,как и приятно было видеть их,так заботливо относящихся к своему здо-

ровье.Солдаты-же,снимали ботинки,некоторые раздевались,массировали друг-другу спины,мускулы,намазывали лекарством ссадины.Вообще,санитарная забота о теле,была внушена и поставлена замечательно.

Что я еще заметил,так это то,что мои легионеры,очень недружелюбно посматривали в нашу строну,когда я сидел и закусывал с офицерами.Потом Клебер мне и сказал вскользь из чувства ревности.Я не обратил на это внимания.А потом это выяснилось - почему? Они считали,что мы,в плену,"все равны".К тому-же - они немцы,следовательно,союзники японцев в этой войне.

После ужина небольшой переход и ночевка в следующем селе.Из-за начавшагося дождя - спали в сараях-хижинах.

9-го апреля,еще до разсвета,несмотря на дождь и слякоть - обычная утренняя церемония отдачи чести своим офицерам оружием перед выступлением - производится полностью - с резкими выкриками слов команд,каких то диких,гортанных и очень неприятных для слуха,с обнажением офицерами сабель и салютованием.У нас в Легионе этого не было,почему мои легионеры,стоя под дождем - досадливо и критически смотрят на все это,а я восхищаюсь японскими военными порядками.

Выступили.Солнце проглянуло только после большого привала,во время котораго мы получили мясную пищу и,подкрепившись,шагаем много бодрее.

Переводчик идет со мною рядом,сам подойдя,т.к.идем группами,на большой дистанции,в ожидании налета американской авиации,почему и позволяется волность.Он заводит речь,из котораго я узнаю,что: -

"Командиру баталиона,капитану Намеки,приказано вернуться назад в село Дьен-Бьен-Фу,и в течении 20-ти дней - очистить весь этот угол Индо-Китая в Тонкине от французских войск и вытеснить их за Китайскую границу". По его словам,нам предстоит пройти еще около 400 километров.

От таковых новостей у меня поднялись дыбом волосы,и я спросил:
"Зачем же нас,пленных,они ведут с собой?"
"А из экономии...У нас нет лишних людей для сопровождения Вас в тыл"

Потом,после некотораго молчания,добавил:

"Все,конечно,разочарованы новым приказом.Все хотели бы поскорее вернуться в Ханой и отдохнуть.Но приказ есть приказ и подлежит выполнению. Я то же недоволен этим.У меня больныя ноги и мне трудно итти... Но через 20 дней операция будет закончена и тогда я с Вами,пленниками,на камионе,вернусь в Ханой".

Выслушав такое откровение,даже,"от врага" - я пал духом.Еще 20 дней в таком же положении "невольников" при действующей на фронте части... Неужели нет никакого выхода из вечной опасности,что- в случае какой-либо боевой неудаче - японцы,естественно,отправят нас к праотцам!?

Я был занят этими невеселыми мыслями,когда подошли к неширокой горной речке,возле которой назначен часовой привал. Офицеры немедленно же разделись и начали купаться.

У японцев,уход за своим телом и его чистотой - возведен в культ.И в этом отношении у них нет ложнаго стыда;и они раздеваются до-гола,не стесняясь друг друга.Разделся "до-гола" и сам капитан Намеки.Я прошу разрешения так же выкупаться.Разрешил.Мы вошли в воду.Она холодна.Капитан, как нежная девица,боится окунуться в холодную воду.Набираюсь смелости и щедро брызнул на него водою.Он сморщился и сразу же погрузился в воду.Все смеются над ним.Смеюсь и я,чем вывожу свою печальную душу,как...

"на отдых". Но нас застает дождь. Крупныя капли бьют наше голое тело и мы все, как школьники, бежим на берег, под кусты. Баталионный доктор оказался возле меня. У него сухое смуглое тело и, буд-то, безпомощное против крупных капель; и он невольно жмется ко мне, как бы под защиту. Он жмется ко мне "под защиту от дождя", а я думаю: - как странно существо человека! Даже перед приятной стихией природы - забывается - кто враг!? И - почему люди воюют? Душа ведь у всех одинакова! И все хотят мира, покоя и уюта.

Ночь прошла в каком-то брошеном жителями селе. До него долго стояли в лесу. Капитан делал выговор какому-то сержанту. Довольно высокий и стройный - он почтительно стоял перед ним, изредка отвечая ему "ХЕЙ!", что означала - есть! слушаюсь! Вы правы! и тому подобное.

Я с переводчиком стою в сторрне, под развесистым деревом, в полной темноте. Он мне, почему-то, как бы "исповедывается" и очень недоволен, что его сюда командировали. На мой нескромный вопрос - "чем занимались в Ханое?" - ответил:

"Имел небольшой магазин. Я отставной лейтенант. По-мобилизации меня призвали как гражданскаго переводчика".

Из этого я понял, что магазин в столице Индо-Китая он имел неспроста. Видимо - служил в контр разведке, т.к. совершенно грамотно говорит по-французски. Видимо говорит по-английски и по-русски, но этого он не подтвердил на мой вопрос.

"Но у Вас вид и рост совсем не японский?" заметил я.

"У нас таких много"....ответил он и этим показал, что он "метис", т.е. что отец его европеец, а мать японка.

Он просит меня приказать легионеру принести ему в его фляжке воды из ручейка, протекавшаго внизу. Я вызываю легионера Войт, даю фляжку и даю задание. И вдруг этот лентяй, бесцеремнно мне отвечает, что он не хочет спускаться вниз в темноте. Это меня возмутило. Я ему указываю, как пример, что вот сержант долго выслушивает выговор своено баталионнаго командира стоя в почтительной позе, ночью, а он, пленник, на просьбу японца-переводчика, отказывается, хотя последний мог-бы ему и приказать сделать это. А потому, что бы не ронять престиж французской армии - "Я приказываю Вам принести немедленно-же воды!" закончил ему свой монолог.

Внушение подействовало и Войт принес воду.

— • —

Утро 10-го апреля началось как обычно. Сборная рота подошла к Дьен-Вьен-Фу километра за три, остановилась и расположилась в лесу, разбившись на мелкия группы - закамуфлировалась от американской авиации.

Было очень сырое и холодное утро. Гнетущая мертвая тишина в лесу навевала на душу непереносимую тоску. Мне уже не шло в голову развлекаться изучением японскаго языка, чем я скрашивал монотонность своего существования. Японские солдаты и наши легионеры, поевши, завалились спать. Я-же не мог. Обстановка представлялась мне такой безотрадной, так давила невыносимым гнетом на душу, что хотелось кричать благим матом, и звать кого-то на помощь во весь голос - Кар-ра-уул!

Ведь было толко утро, и мне предстояло провести в таком состоянии еще весь день до вечера. От одной мысли об этом, меня охватывала еще большая тоска и, просто, физический ужас. По телу поползли нервные "мурашки"...

Что бы побороть, заглушить, такое настроение - вынимаю свой дневник и пользуясь тем, что все вокруг спали - начал писать. Но энергии хватило только на две строчки. Дольше я не мог выдержать и прекратив описание событий - занес в тетрадь следующие строки:

"Ужасное состояние духа. Без дела в лесу, среди японских солдат -

- чего то ждать?!...Чувствуется смертельная апатия во всем существе. Я сейчас уже не затравленый зверь даже,а просто существо,из котораго вынули душу"... Написал,закрыл тетрадь и спрятал.

Накануне я сказал капитану Намеки,что в бою 1-го апреля убит мой компатриот,капитан Комаров и похоронен в Дьен-Бьен-Фу; и я хотел бы навестить его могилу.Выслушав внимательно и посочувствовав - он обещал допустить мне это.В чаще леса меня вызывает фельдфебель роты,тот,который хлопал меня по плему,а я его.Маленький,тщедушный - он сидит в чаще без рубашки.При нем высокий сержант.Меня он встретил низким поклоном, не вставая.Давая приказание сержанту - он часто ,чисто по-японски,тянув "в себя воздух" шипяще - "сссс",что означало знак внимания к тому, с кем говорит.Потом вторично поклонился,чем сказал,что я свободен.

Сержант очень доволен,что идет в село и мы следуем рядом,как два солдата.

Мы в селе.Вхожу на болкон европейскаго большого здания в широкой насаженой роще.То,оказалось,дом французскаго резидента этого района.

На балконе встречаю "монгола",который приветствует меня веселым восклицанием:

"А-а!.. Элизэ!"

Беру под-козырек.Тут же вижу доктора.Он обрил свою коротенькую бороду, подстриг усики и остриг наголо голову и теперь выглядит словно мальчик, хотя ему 29 лет,как он мне сказал раньше.

В соседней комнате мелькнула стройная фигура капитана Намеки.Его голова тоже,как и у всех,острижена наголо.Он гладко выбрит.То же и с монголом.Все они уже привели себя в порядок после похода.Все одеты "по-домашнему".На ногах у всех мягкия черныя парусиновыя туфли на резиновых подошвах.Такая забота об уюте,о гигиене тела и какя-то эстетика,даже в рамках военнаго похода,во время войны,меня очень поразила и очень мне понравилась.

К нам вышел капитан.Я отдал ему честь.Дружески улыбаясь - сел в кресло,но тот-час же заметил,что мне не на что сесть - он быстро вернулся в свою комнату и сам принес мне стул.

"Ситдаун!" /Садитесь!/ произнес он с мягким приглашающим жестом.Потом вызвал переводчика. Через него он передал,что место погребения нашего капитана Комарова ему неизвестно.Разрешить же мне самому искать могилу - он не может.И как я понял из намеков переводчика - вчера село Дьен-Бьен-Фу подверглось бомбандировке американской авиации и наполовину выгорело.Капитану не хотелось,что бы я это видел.

Но вчера,в селе,за продуктами,с японскими солдатами был легионер Клевер,который все видел и уже доложил мне,что село сильно пострадало. Знал это - я не настаивал.

— • —

С нашего балкона открывался далекий вид на запад и на юго-запад,до тех самых синеющих гор вблизи Китайской границы,в которые ушел генерал Алессандри со своим сильно поредевшим отрядом.

Вечер был пасмурный.Густыя тучи нависли над местностью.Можно было ждать,что каждую минуту хлынет проливной дождь.А туда дальше к горам, грозовые тучи налегли на горизонт громадным сплошным черным полем,точно собираясь сначала раздавить все под собою своею тяжестью, а потом залить потоками воды.И вот туда предстояло выступить сегодня ночью,или завтра утром,всем японским ротам.

Капитан Намеки,сидя глубоко в кресле,долго смотри неподвижным взглядом

в этом направлении. Потом повернулся ко мне и сделал такую комическую гримасу, чисто детскаго ужаса и отвращения, на своем красивом лице и так с,ежился всем своим телом, точно холод и дождь уже пронизывали его насквозь - что я не мог подавить улыбки. Весело засмеявшись в ответ - он кивнул головой в ту сторону, говоря без слов: - "Посмотрите на эти тучи!... А мне с баталионом надо идти туда... Не ужасно-ли это?!"

Я был удивлен той простотой и детской непосредственностью, с которой он, главный военный начальник всего этого громаднаго района, демонстрировал "нежелание идти" в такую отвратительную погоду туда, куда звал его долг и приказ генерала, да еще пере до мною, его пленником. Эта шутка вносила элемент интимности в наши отношения, устанавливалась некое подобие человеческаго равенства между нами. Я решил воспользоваться этим поводом и задал ему, словно мимоходом, интересующий меня вопрос:

"А где же теперь генерал Алессандри с отрядом?" Он указал рукой на юго-запад. Потом обернулся в сторону своей комнаты и что-то крикнул. Через несколько секунд солдат принес ему французскую карту этого района в крупном масштабе - 4 километра в одном дюйме. Мы вместе развернули ее и я жадно впилсч в нее глазами, желая оринтироваться - где находятся японцы и где "наши" французския войска? А он, указывая по карте, об,яснял:

"Генерал Алессандри сейчас находится в 50-ти километрах отсюда. Дальше дорог нет, а до самой Китайской границы идут только горныя тропы. Ему предстоит пройти еще около 200 километров... Несколько японских баталионов движутся туда со всех сторон, что бы отрезать ему путь..."

И подняв голову от карты - он с улыбкой добавил: - "Через несколько дней, Вы встретите здесь своих товарищей..." Все говорилось через переводчика.

В то время, как он сворачивал карту - я не удержался от того, что бы выразить сомнение в серьезности его слов и спросил:

"Почему Вы думаете, что я с ними встречусь здесь?"

Он обнял руками пространство перед собой и потянул к себе, наглядно изображая - что войска генерала Алессандри будут окружены и попадут в плен

Мне было не чем возразить ему. И я понимал, что при известном напряжении, такой маневр-окружения японцам может удасться. И мне вдруг стало страшно за судьбу своих товарищей, зная уже хорошо на своих плечах - что ждет их в этом случае! Особенно если принять во внимание повышенную ненависть японцев к французам.

Все ушли и я остался один с капитаном на балконе в надвигающихся сумерках. Мне хотелось выяснить точно: - Пойдем-ли мы, пленники, с японским баталионом дальше вперед, преследовать своих?... Очень осторожно ставлю этот вопрос. Напрягая все свои скудныя знания анлийскаго языка - он ответил:

"Да, пойдеше.. но ведь это всего на 20 дней!"

Я горестно всплескиваю руками и показываю ему на свои разлезающиеся ботинки, давая понять, что они не выдержат такого похода. Он внимательно разсматривает их и после минуты размышления - благожелателно сказал:

"Я подумаю об этом". А потом, взглянув на часы - спрашивает:
"Иттинг ю тудэй?" /Ели-ли Вы сегодня?/
"Ес...тудэй морнинг" /Да... сегодня утром/ - ответил ему.

Он зовет переводчика, что-то говорит ему очень быстро и тот переводит:
"Капитан приглашает Вас поужинать с ним и его офицерами".

"Удобно-ли это?...я ведь пленный!"предупреждаю его.

"Ничего!... это вполне допустимо... да и наш капитан очень милый человек",добавляет он

Капитан Намеки переводит взгляд на нас с одного на другого и догадавшись о чем мы говорим - утведительно кивает головой с детски-приветливой улыбкой.Потом добавляет:

"Ес!Ес!" / Да!Да!/

"Ари-га-то,Капитана Сан!" /Благодарю Вас Господин Кепитан/ ,привстав со стула,произношу я по-японски.

Он снова скромно улыбается,потом встает,идет в свою комнату, выносит свою саблю-меч и показывает мне.Это действительно "меч",очень тяжелый весом,длинный,с широким обухом,сильно отточеный и острие его тонко как шило.Подобным оружием легко можно разрубить человека на две части,а уколом,как штыком - пронизать можно и быка... Он берет его в обе руки,как топор и замахнувшись высоко над моей головой - остановил его вверху.Уж не хочет-ли он зарубить меня для своего удовольствия, приласкав вниманием,подумал я?

"Оч-чень хорошо"! говорит он по-русски.

"Оч-чень н е х о - р о-ш о"... возражаю ему по складам и мы оба смеемся.
Потом он передает свой меч мне и просит показать - как фехтовались на саблях в России? Я взял меч,но его совершенно невозможно держать в одной руке из-за его тяжести.Все же показал способ фехтования и,вижу, он им не удовлетворен: уж очень он был скромный,по сравнению с тем,как у них "должны рубить двумя руками,по голове и обязательно на-смерть".
Появившийся снова баталионный врач Вотанаби,увидев наш урок фехтования - хватает свои резиновыя трубки для выслушивания больных и подняв их над головой - начинает выделывать уморительные выкрутасы руками и туловищем,изображая фехтовальные приемы,как бы саблей.Все присутствующие приходят в беззаботно-веселое настроение,все шутят и громко смеются.Я смотрю на эту картину сдержано и думаю: - "Где же эти жестокие в бою японцы!?... Где-же их злобная мстительность?!.. Они такия же люди как и все,да еще такия симпатичныя вот сейчас!"

Окончился "урок фехтования".Все разошлись.Мы вновь сидим вдвоем с капитаном,друг проти друга.Его взор остановился на моих разлезшихся военных тяжелых ботинках.Подняв глаза и пристально посмотрев на меня - он поднялся,прошел в свою комнату, принес вторую пару парусиновых черных туфель,таких же,как и теперь на его ногах и,давая мне,произнес:
"Ит ис фор ю" /Это для Вас/,произнес он.
"Энд фор ю?" /И для Вас?/,переспрашиваю его,как бы отказываясь от подарка.
"Ай хев" /Я имею/,ответил он и указал на свои ноги.Мне ничего не оставалось,как поблагодарить его за подарок.
Нас позвали к столу.Была уже ночь.Переводчик предупредительно извиняется,что ужин будет "холодный" и чисто японский.Меня садят между капи-

таном и переводчиком. Перед всеми японскими офицерами /человек шесть/, стоят их личные походные котелки с рисом и маленькие глубокие блюдечки с маленькими кусочками тушеной свинины; мне же поставили хорошую европейскую суповую тарелку и массивную серебряную ложку, явно "военную добычу"... Японцы едят очень быстро и молча. Кушанье приготовлено вкусно. Я ем с аппетитом изголодавшагося человека. Японцы не чревоугодники. И жареной свинины подано было, по нашим понятиям, слишком мало. Главная их пища рис, а все остальное лишь приправа к нему. Полный и безконтрольный хозяин сих мест капитан Намеки, мог бы, конечно, куда с большей пышностью поужинать сегодня и отпраздновать день отдыха после долгаго и победоноснаго боевого похода, но у них умеренность во всем. На столе никаких спиртных напитков. А после ужина чай в маленьких чашечках.

За столом нам прислуживает аннамит интеллигентнаго вида в простом европейском костюме и без галстуха. Он молчалив. Присмотревшись к нему, я узнаю в нем того самаго "мандарина", помощника французскаго администратора здешней зоны, с которым я встретился на 2-й день своего пленения. Прислуживая - он изредка посматривает на меня. Заговариваю с ним. Он прекрасно говорит по-французски. Я хочу узнать у него подробности последняго пребывания здесь наших войск и он очень бойко бросает мне в ответ:

"Французския войска генерала Алессандри покинули Дьен-Бьен-Фу около 11-ти часов 4-го апреля, а войска Японской Императорской армии вошли сюда около 16-ти часов /4 часа дня/ в тот же день".

Меня неприятно коробит торжественность тона и подчеркнутость, с которой он говорит о - "Японской Императорской армии", как о чем-то, внушавшем самое высокое почтение, появление которой является здесь очень желанным для него, а о Французских войсках генерала Алессандри он говорит скороговоркой, как о чем-то "обыкновенном" и с оттенком, даже, презрения.

Ужин окончен. Мы продолжаем сидеть за столом. Я понимаю, что настало время мне благодарить, подняться и уходить. Но как это сделать? Ведь я же не хозяин "самому себе"! Я пленник. А главное - куда же я пойду?! Не обратно же в лес, за три километра отсюда! Да еще в такую глухую ночь

К нам входят еще офицеры, не виданные мною. Довольно крупные, плечистые, увешанные саблями-палашами, биноклями, большими полевыми сумками. Видимо командиры тех рот, которыя оставались здесь, на фронте. Все они суровые видом. Среди них вижу и "своего" лейтенанта Сано. Но он меня, как будто "не узнал". Вернее - не показал виду, что знает меня. Из-за престижа победителя. Все прибывшие очень недружелюбно бросили в мою сторону взгляды и сразу же о чем то заговорили с капитаном. Мое присутствие здесь, и мне самому, представляется неуместным далее и это меня волнует. Капитан сказал что-то ординарцу и тот подходит ко мне с видом начальника и не допускающим возражений тоном - тянет какое-то резкое междометие "Ы-Ы" и повелительным жестом приказывает следовать за ним.

"Сказка закончена"....Я уже не гость, а пленник. Выходим на пустой балкон и меня ослепляет мрачная темнота. Моросит дождь. Меня ведут в людскую во дворе, где расположена радио-станция. Там полно солдат. На полу, на большом грязном матрасе, улеглось несколько человек. Повсюду сор и сильно накурено. Я вижу своего конвоира-сержанта, с которым я шел из леса. Он указывает мне место для спанья рядом с лежащими солдатами. Ложусь в чем был. Сон не идет. Несвязныя мысли скачут в голове. Контраст между обстановкой, в которой я был всего лишь несколько минут тому назад и жуткой действительностью вот сейчас - слишком разительный.

Входят еще несколько солдат и с ними тот фельдфебель,который "хлопал меня по плечу". Он при сабле.Все солдаты почтителньо разступились давая место пройти ему.Он вежливо поклонился солдатам и занял место на матрасе.

Удивительная дисциплина у японцев! Вот и сейчас: - Глухая ночь.Тускло светит коптильник.Вошли мокрые,грязные солдаты.Казалось-бы - какая может придти мысль об отдании воинской чести? Да еще всего лишь фельдфебелю! Ан,нет! Воинская честь ему была оказана по всем правилам.И она обязательна не только что для подчиненных,но и для него,кому она отдается.И этот маленький сухенький пожилой фельдфебель,так-же отчетлив в ея отдании,как и подчиненные ему солдаты.

Мой конвоир приказывает мне уступить место новоприбывшим солдатам, а мне лечь в проходе.

"Хир но мор плес" /Здесь нет больше места/,говорю ему,зная,что он понимает немного по-английски. Он поднимается,что бы убедиться в правоте моих слов.Мой сосед и фельдфебель любезно показывают,что бы я лег на старое место,но я укладываюсь у самой стены,не желая,что бы меня и еще безпокойли.

От кирпичной стены мне становится сразу же холодно.Я начинаю кашлять и мешаю солдатам спать..Те громко и злобно ворчат на меня.Горька доля пленника: - даже кашлять нельзя..

— • —

Рано утром 11-го апреля,мой конвоир приказывает мне встать и привел ко крыльцу штаба,где стояли капитан Намеки и переводчик.

"Вы идете в Ханой... С Вами пойдут 23 наших больных солдат!" огорашивает меня переводчик столь неожиданной и приятной новостью.Но узнав, что старшим над нами будет сержант, и учитывая,что до Ханоя надо пройти 500 километров - я сразу же представил себе картину ожидающих нас унижений,а может быть,и насилий.Обращаюсь к переводчику и прошу передать капитану Намеки от моего имени следующую просьбу:

"Хотя я и пленник,т.е.человек безправный,судьба котораго находится всецело в руках победителя,и меня можно,даже,безнаказанно убить - но и в этом положении я остаюсь офицером,а потому и прошу дать распоряжение сопровождающим нас солдатам обращаться со мною в соответствии с моим рангом.В частности,я буду очень благодарен,если будет запрещено меня в пути обыскивать,без достаточных к тому оснований.И еще - прошу освободить меня от обязанности нести чужой солдатский ранец,как это уже было со мною.Как и прошу не напрягать моих легионеров непосильной ношей чужих вещей".

Переводчик,человек весьма не глупый и вкусивший европейскую культуру - - сразу понял мою мысль и положение и,не ставя мне больше никаких вопросов - немедленно же обратился к капитану,который,выслушав,одобрительно закивал головою.После обмена несколькими фразами - переводчик коротко и строго официальным тоном об,явил мне:

"Не безпокойтесь' Все будет сделано!"

Не знаю,что мне больше всего помогло: -решительность ли моего обращения? убедителность ли моих доводов? подчеркнутая ли воинская дисциплированность и выдержка в обращении с японскими офицерами? мой ли "почтенный" возраст и отросшая борода с проседью?.то-ли обстоятельство, что я был "русским"? или все это вместе взятое - но мои требования были выполнены.И ни разу не нарушены за все долгое и грустное следование в центральный лагерь для военно-пленных,находившийся в Ханое.

Команда больных солдат была уже собрана здесь же во дворе и медленно тронулась в путь.Взяв в последний раз под-козырек перед обаятельным капитаном Намеки,сказал ему "Гуд бай" /До свиданья/ - быстро повернулся по-военному и так же быстро зашагал за больными - бодрый,повеселевший и довольный тем,что самый трудный,как мне тогда казалось,этап моего пребывания в плену,уже пройден. Так началось 12-го апреля мое нудное и трудное путешествие назад,в тыл.Но теперь пере до мною стояла определенная цель,и сознание,что мы идем в культурный центр,где наше положение пленных будет,как-то,урегулировано и,при том,к лучшему.-Все это вливало в меня новыя силы стоически переносить все невзгоды,связанныя с нашим невольничеством.

Нам предстояло в 4-й раз проходить по одной и той же дороге,шагать снова по тем же самым знакомым диким местам и переходить десятки тех же самых разрушенных нами же мостов.Общество моих легионеров,все больше и больше терявших воинскую дициплину,и даже учтивость в отношении меня, с которыми все уже было "переговорено" - не представляло никакого облегчения для меня в путешествии,а наоборот,становилась с каждым днем тягостнее.Окружающие нас японские солдаты обращались с нами с затаенной враждебностью и,даже,со злобой.С ними надо быть постоянно "на-чеку".Кушать же приходилось только один раз в сутки, и только сухой рис.

Наша небольшая группа в 23 больных японца и 4-х пленных,шла в безпорядке,сильно растянувшись по дороге и представляла печальное зрелище. Четверо здоровых солдат с винтовками,нагруженные своими тяжелыми ранцами - несли на плечах носилки с исхудавшим тяжело больным товарищем.Раненых у японцев не было.Два тяжело больных солдата,без ранцев и винтовок,опираясь на длинныя бамбуковыя палки,с трудом плелись по дороге.Остальные были менее больны и передвигались сравнительно быстро.Во главе этой группы и нескольких совершенно здоровых конвоиров,был назначен фельдфебель при шашке,довольно высокаго для японца роста,крепко сложеный и достаточно упитаный.С довольно правильными чертами лица - всем своим видом и манерами - он походил на "провинциальнаго мелкаго богдыхана". Солдаты относились к нему с большой почтительностью,но он держал себя брезгливо-отчужденно..Я знал по горькому своему опыту этот наихудший тип младшаго начальника,и сразу же учел,что с ним надо держать "ухо остро".

Его помощником был младший сержант,очень изящный и хрупкий молодой человек,с тонкими и интеллигентными чертами лица и приятным мягким голосом.Он немного говорил по-английски и был единственным человеком среди японских здесь солдат,с кем я мог бы разговаривать и заявлять о наших нуждах.

Нам было положено делать в день 20 километров и придти к месту назначения через 25 дней.

До перваго привала мы дошли уже сильно растянувшись по дороге и долго отдыхали,поджидая отставших.И когда мы тронулись дальше - наша группа пленников,обогнала одного из двух тяжело больных,с давно не мытым угрюмым лицом.Он был плотнаго сложения и в достаточной степени упитан.Когда я поровнялся с ним - он обратился ко мне с междометией: - "Ы-Ы-УУ!" и приказывающе рукой подзывал к себе.Я подошел.Он крепко ухватился под мою руку и кивком головы приказал "вести его таким манером" дальше. Я невольно содрогнулся от брезгливаго чувства,уже,от одного его прикосновения.Я сразу почувствовал,что у него очень высокая температура.Подчиниться его приказанию,означало связать себя в свободе своего личнаго движения на много дней вперед и,может быть,всего нашего путешествия до Ханоя.Но грубо оттолкнуть его,мне было неприятно.Обдумывая выход из положения - я подчинился.Мы идем молча.Он быстро устает,ложится отдыхать и требует,что бы я ждал его.Он жадно глотает сырую воду из своей фляжки

и все время жалобно стонет.Я тороплю его итти вперед.Он вотает,цепляется за мою руку и мы тихо идем дальше.

Обгоняем втрого тяжело больного.Это высокий и тощий солдат,с сильно исхудалым лицом.Он завидует своему товарищу,обезпечившаго себе такого сильнаго "поводыря",как я.Меня берет страх - как бы он не уцепился бы за меня с другой стороны...

Так черепашьим шагом я прошел ровно 15 километров до места ночлега. Втянув его по лестнице в сарай-хижину,где он немедленно-же улегся на пол - я хочу итти к своим легионерам,что бы с ними поужинать.Заметив это - больной требует,что бы я взял подстилку для него и отвел бы к другим японским солдатам.Исполняю это и,улучив момент,скрываюсь.

Спустилась ночь.Многие,и я в том числе,уже улеглись спать на голом полу.У костра в сарае сидят несколько солдат и чем-то лакомятся.

"Элизэ!...Ком хир!" /Елисеев!...Идите сюда!/ слышу я приветливый голос своего новаго приятеля-сержанта.

Встаю и подхожу.Он наливает в стакан что-то из бутылки и предлагает выпить.Что бы не обидеть его - пью отвратительную местную водку "шум-шум" и решительно отказываюсь от второй рюмки,чем привожу всех в удивление.

Угостили они и моих легионеров,но когда рыжий Линц,дурак и пьяница, попросил еще - они брезгливо отказали ему.Я предупредил легионеров,что бы они держались бы более достойно.Они на это никак не реагировали и завалились спать после водки и сытнаго ужина.Спал и я в эту ночь,не в пример прошлым ,довольно хорошо..

— • —

Утром 12-го апреля,все тяжело больные выступили на пол-часа раньше. Я был очень рад этому,расчитывая избавиться от роли "поводыря".Но после перваго же привала,мы их нагнали."Мой больной" шел мрачный и,увидев меня,кинулся ко мне и безцеремонно взял меня под-руку.

"Неужели мне все время придется итти с ним?"с тоскою размышлял я. "А что если у него тиф? Ведь я могу заразиться и что будет тогда со мною!"... И мне начинает уже казаться,что и у меня самаго начинается небольшой жар.Не от него-ли?

У больного человека всегда бывает опечаленый вид,но у больных азиятов он печалей и жалок вдвойне.Свою "хворь" они стараются выявить как можно ярче,словно желая вызвать большое сочувствие у окружающих.Оба больных японца безпрерывно стонут,отплевываются,пьют сырую воду и на привалах,вместо того,что бы вытянуться во весь рост на землю,животом в верх - они неестественно корчатся на боку и все стонут и стонут... Так проходит нудно и утомительно второй день нашего пути.

13-го апреля я решил покончить с ролью санитара-повадыря и ловким маневром избегаю встречи со своим больным.Но я "натыкаюсь" на второго, того высокаго и тощаго.Увидев меня "одинокаго" - он радостно пересекает мне путь и,худою и длинною,как у обезьяны,рукою - обнимает меня за шею и всем телом навалливается на мое плечо. "Ну,решаю,этот номер не пройдет!" Я решительно сбрасываю его руку с шеи.Он хватает меня под-руку. Я прихожу,буквально,в ярость,но не отцеплюсь...На первой остановке,я все же бросаю его.Он смотрит на меня так страдальчески-печальными и умоляющими о помощи глазами,что мне становится жаль его.Но мне так опротивела обязанность поводыря,что я уже органически не могу выносить прикосновение к себе чужого больного тела.Я отвернулся и твердо зашагал вперед.

Мы проходим место нашего последняго боя и моего пленения.На привале

я достал свою очень маленькую записную книжечку и украдкой стал набрасывать кроки местности. Как вдруг ко мне подошел сзади японский солдат и потребовал показать ему - "что я делаю?" Положение мое было очень щекотливое. Я досадовал на себя, что при всегдашней своей осторожности, сейчас я так глупо "попался с поличным".... Теперь меня могут обвинить и в шпионаже. И если он, даже, и не донесет на меня по команде, то ему дан повод и оправдание применить ко мне физическое насилие. Мысли вихрем проносятся в голове. Я с величайшим наружным спокойствием показываю ему свой очень мелкий набросок, для простого солдата почти не понятный. Он сосредоточенно, и очень внимательно, разсматривает его и наконец, резким жестом приказывает изорвать записную книжечку. Только этого не хватало, думаю я. Начинаю об,яснять ему "на всех языках", что книжечка была у лейтенанта Сано, что он видел ее и вернул мне обратно. С очень независимым и несколько наивным видом сознательно лгу ему, стараясь доказать "его заблуждение". Он смотрит мне в глаза остро-испытывающе, потом бросил злым тономкороткую, видимо, предостерегающую фразу и отошел. Я облегченно вздыхаю, торжествуя внутренне, что спас книжечку своих записей и кроки в ней. Даю себе клятву быть более осмотрителным и осторожным.

Но дело на этом не кончилось. Когда мы стали подниматься по памятным мне зигзагам "к первому перевалу" - я решил точно установить число их. Что бы не сбиться со счету - я взял в руку несколько камешков, и минуя каждый зигзаг, класть по одному в карман. И только что я нагнулся за ними на дороге, как новый солдат, а может быть и тот, сердито прикрикнул на меня и приказал бросить их на землю. Этого уже я никак не ожидал. Что подозрительнаго он мог усмотреть в моем поступке? Но мне стало ясно, что существует инструкция - всем им зорко следить за мною, т.к. будучи офицером, я им кажусь более опасным, чем остальные три легионера. Это меня очень смутило и еще более заострила осторожность.
Однако, я слишком заядлый охотник, что бы так легко отказаться от поставленной задачи. Не могу устоять против соблазна! Незаметно я успеваю подхватить горсть камешков, самых мелких, , отсчитываю из них десять, а осталь ные выбрасываю. Теперь я бросаю на землю по-одному на каждом пройденом зигзаге, которых оказалось "тринадцать".

Нехорошее число,! думаю. Поэтому то нам и пришлось здесь так "жарко"!

Появляются американские авионы и по тревожному сигналу - все прячемся в лес. Странно! Всего лишь 11 дней тому назад, я, вместе с другими, так радовался их появлению! Мы тогда кричали им снизу слова привета, размахивали касками и старались выразить всеми доступными способами наше восхищение. А вот теперь- я прячусь от них...Правда, по приказу японцев. Но в самом себе чувствуется ощущение досады и страха: - "А вдруг они бросят бомбу...и ты будешь ранен, или... убит!

Под вечер мы свернули с главной дороги к речке. Японские саперы строили новый низкий мост с таким видом, точно они забавлялись этим делом. Все они были голые, только "с передничками" и в касках на головах. Около сотни молодых аннамитов таскали им из лесу бревна под управлением высокаго аннамита-же. Вид у них был испуганый. На нас они "косились" с удивлением и сочувствием. Старший подошел ко мне и очень сердечно спросил по-французски: -"Капитан-ли я по чину?" и угостил папиросой. Видно было, что властью японской, они недовольны.

Здесь нам сообщили, что после ужина, нас отправят дальше на порожних возвращающихся камионах. Четыре больших темных силуэта этих машин, внушительно выступали на фоне японских костров и радовали наше сердце.

Для дела - у японцев не существует разницы между днем и ночью. Дисциплина на первом месте и в лесу, и в непогоду. И теперь, тоже - какой то офицер лично руководил в ночной темноше, в лесу, таким казалось пустяком как посадка нас на камионы, нагруженные до-отказа пустыми железными

боченками из под горючаго. Солдаты быстро и отчетливо исполняли его распоряжения, отвечая на них лишь короткими возгласами "ХЭЙ! и - ни слова больше. Удивительная дисциплина!

Разместились кто как мог на боченках - тронулись в путь. Все шумно и резко загромыхало, затрещало, заскрежетало. Уцепившись за что попало, в самых причудливых позах что бы предохранить себя от ушибов - ехали мы с чувством радости - что мы попали на камионы и теперь наше путешествие в Ханой, окончиться скорее.

Камионы шли осторожно и медленно. По дороге было много ухабов. Только что исправленные мосты, разрушеные нами, не внушали доверия... Одним словом, за два с половиной часа, мы сделали всего лишь 14 километров. В глубокую полночь, прибыли в административный центр, в село Тюан-Джао.

Ссадив нас с камиона, повели пешком в какия-то, построенныя из бамбука, казармы, где мы сладко уснули на невероятно грязном полу, после долгаго и утомительнаго перехода-переезда в 43 километра, в продолжении 15 часов времени. совершеннаго.

14-го апреля, еще в темноте - наша "команда больных" отправилась к тому месту, где мы выгрузились из машин. Разсвело. Вижу, что село на три четверти сожжено американской авиацией, когда она нам помогала в бою 31-го марта. Тогда было очень приятно чувствовать ея поддержку, а вот теперь жалко смотреть на сплошное пепелище. Пострадали, ведь, жители, а не японцы!

Томительно ждем час посадки. Но вот разместились, тронулись. Замелькали знакомыя места. По долине шли быстро и было приятно сознавать, что мы "едем", а не тащимся пешком по горам и долам. Скоро стали подниматься на 2.000 метровый перевал "Дэмэо" и, на половине его южнаго склона, свернули в чащу бамбуковых зарослей, своими густыми вершинами, образовавшие непроницаемый для глаза сверху крытый естественный свод. Лучшаго прикрытия от авионов и не придумать.

Нестерпимо тянулся день на этом "дневном центре-станции" для грузовых камионов, закамуфлированной от американских авионов. И лишь с темнотою мы двинулись по длиннейшей зигзагообразной дороге вверх к перевалу.

Десяток камионов, режущими тьму своими огнями во все стороны - представлял феерическую картину. Точно какия-то таинственные чудовища, пыхтя и рыча, ползли вверх, к своей добыче. Это меня развлекало и отвлекало от невеселых дум. Наспех отремонтированные мосты, , порой, не выдерживали тяжести камионов, и японцам приходилось всеми средствами вытаскивать застрявшую машину при свете огней следуемаго позади камиона. Мы, пленные, мрачными тенями ходили вокруг и помогали японцам. Так прошла утомительная ночь, и утром 15-го апреля - мы добрались до памятнаго нам следующаго бывшаго французскаго административнаго центра, и одного из пунктов Легиона - села-городка СОН-ЛЯ, расположеннаго на высоком шпиле.

Городок только что проснулся. Чины по обслуживанию японской администрации толпились у единственнаго здесь водопровода в очереди к воде. Пока наши солдаты готовили пищу - я обошел ближайшие к мосту здания. Прошло три недели, как мы оставили их сильно разрушенными и в загаженном состоянии. Я полагал, что аккуратные японцы успели привести их в порядок, и был разочарован в первый раз от них, от японцев. Если французы портили все, остававшееся врагу, то японцы должны были позаботиться о них для самих себе!

Здесь мои легионеры сделали совершенно недопустимое заявление мне. Я уже заметил давно, что оказанное мне японскими офицерами внимание - их раздражало. И вот теперь, самый распущеный, но энергичный легионер Клевер - обратился ко мне с такими словами:

"Мон льеутенант!.. мы сейчас больше не солдаты, а штатские люди... /ну сом сивиль/, т.к. мы в плену. А потому - мы все равны и Вы должны ранцы японских больных солдат, нести как и мы".

Это заявление меня сильно задело. В Иностранном Легионе, дисциплина была особенно строгой и запрещала какое-бы то ни было припрекание с офицерами Легиона. Поэтому я решительно и сухо "оборвал" его:

"До конца войны, до полной демобилизации, мы остаемся военными" /"Ну рестон милитэр жюскО бу" - мы остаемся военными до конца/, ответил я ему "И прошу ко мне с подобными заявлениями больше не обращаться. Или же обратитесь... к японским властям!" добавил я.

Два других легионера сидели, при этом, в мрачном молчании и слушали. Видимо, они находили ненормальным, что они, немцы, находятся в худшем условии в сравнении со мною, в то время, ка их родина-Германия, является союзницей Японии и врагом Франции и Росссии. Их задевало то, что японские офицеры, делают поблажку русскому...

Возможно, как люди простые, они и не знали, что во всех старанах, пленные офицеры содержались отдельно, и привиллегированно от своих солдат.

После завтрака из сухого риса безо всякой приправы - камионы с нами, пленными, но без больных /они оставлены были в местном французском госпитале/ - передвинулись вниз, в лес; и остальные японские солдаты, с нами, расположились "на-день", в грязном, брошеном жителями селе. Нам об,явили, что простоим здесь два дня. Здесь, снедаемые скукой и бездельем, полуголодные, с опустошенной душой, и подталкиваемые своей полной безнаказанностью - легионеры снова пред,явили мне требования, что бы я исполнял наравне с ними все, налагаемыя на них японцами работы. Я решительно отказался разговаривать с ними на эту тему.

В нашем общем несчастьи, за все 18 суток совместнаго с ними пребывания в плену - я ни одним словом, ни одним действием не проявил, в отношении их, каких-бы то ни было притензий, связанным с моим положением офицерв. Я шел с ними рядом в нашем тяжелом марше, ел с ними из одного котелка, спал с ними на одном и том же грязном полу в аннамитских пайотках /хижинах из бамбука/. Я всячески старался поддержать у них дух бодросши и защищал их.

Что это было? - озорство или заблуждение? Если "второе" - то в нем они убедились ровно через неделю, когда прошли ворота главнаго лагеря для французских военно-пленных в Ханойской Цитаделе, где воинская субординация оставалась чисто военной между французскими офицерами и солдатами, а перед японскими - в особенности; где приказано было всем, и офицерам - отдавать воинскую честь японским, даже, часовым, проходящему караулу, ежедневно строиться для поверки два раза в день и воински исполнять все команды японскаго унтер-офицера. Я им "там и тогда" не только что "простил их заблуждение", но ни разу и не напомнил им. Но - как они отчетливо, весело и радостно "козыряли" мне привстречах во дворе! Хотя - в их глазах я замечал страх.... Они боялись ответственности. Она была бы. Но я и вида не подал им, словно и не было озорства иль заблуждения с их стороны.

16 апреля, в 16 часов, "наш отряд" собрался на лесной тропе и двинулся на восток. Вышли на главную дорогу-шоссе и пройдя три километра - остановились. Здесь формировался большой транспорт камионов. С нами отправлялись в Ханой много новых японских солдат, местный французский Резидент Господин Колонна д,Арнано и 25 таможеных чиновников с семьями.

Разместились и тронулись. В нашем камионе тесно. Некуда протянуть ноги. Справа от меня довольно вольготно расположился высокий и толстый японский солдат. Когда я попытался передвинуть занемевшие ноги в его

сторону, он так злобно зарычал на меня,что я поспешил занять прежнее свое "скорченое" положение.

Впереди меня,на корточках,сидит Резидент Колонна д,Арнано.При каждом толчке машины,он теряет равновесие и падает из стороны в сторону. Видно,как он нервничает и безпрерывно курит.Угощает меня и делится впечатлениями.Он очень культурный человек и красивый француз.Свое положение переносит стоически.Наш транспорт состоит из десятка камионов и движение ночью, по извилистому горно-лесистому дефиле,дает мне некоторое развлечение.А на душе - попрежнему тоскливо.

Ехали всю ночь,а о сне нечего было и думать!Ухабы,разрушенные мосты, остановки...Нас толкало,качало,подбрасывало и "мяло" в перегруженном до отказе камионе всю ночь...И странно было слушать,когда при остановке, из одного из камионов,в тишине ночи,раздался женский голос своему мужу, находившемуся в другом камионе:

"Поль! /Павел!/.. у тебя есть бананы для ребенка?" /а тю дэ банан пур анфан?/

Рано утром 17 апреля выгрузились в каком-то селе.Нас,пленных,немедленно же отделили от гражданских французов и поместили на балконе какого то кирпичнаго здания,приказав ложиться спать.

Пол был загажен до-нельзя.Видимо,его не подметали со время прихода сюда японцев.Лечь на него,просто,было страшно и противно.Нахожу старую рогожу и,подослав под себя,моментально засыпаю крепчайшим сном,вернее, проваливаюсь в мертвую пропасть.Я счастлив ощущению покоя,охватившаго мое измученное тело.Но вдруг - грубый толчок ногою в бок.Открываю с досадой глаза и вижу японцев,торопящих нас встать из своего скуднаго ложа и итти в лес,укрыться от американских авионов,которые не дают покоя японцам и пугают их.По дороге вижу сбившихся в кучу французских таможенных чиновников с женами,и детьми и с узлами вещей..Впереди них,в позе вождя "этого клана невольников",стоит сам Резидент.Все они с большим сочувствием смотрят на нас.Меня мучит звериный голод.Хочется подойти к ним и попросить чего-либо с,естного,но конвоиры безцеремонно гонят нас дальше и глядящая нам вслед группа цивильных французов,скоро остается далеко позади нас.

В лесу,мы и японские солдаты,небольшими группами разсаживаемся в кустах.Начинается новый день томительнаго ожидания.Рядом журчит ручеек с холодной водой.Иду к нему и нахожу большой ком варенаго риса,выброшеннаго японцами при чистке котелков.Беру и обнюхиваю.Он еще свежий.С радостью,и без прежних колебаний,беру его весь.Часть с,едаю тут-же,а остальное несу легионерам.Они нашли какую-то "зелень" и приступили к варке из него подобие какого-то супа.Это нам очень нужно,т.к.от постояннаго "сухого риса" без приправы - наши желудки отказываются работать.

В этот день мы впервые пили чай с сахарином.Это был мой личный "успех".Случилось же так:

Проходя мимо одного из наших конвоиров,я увидел у него в руках об,емистую сумочку с сахарином.Искушение было слишком велико.Очень вежливо, я сказал ему по-японски:

"Кори-сату,коуда оау!..До зо Сан?" /Дайте мне сахарину,пожалуйста, Господин?/

Ему,явно,было жаль уступить мне что-либо из своего запаса,но он неоднократно уже выявлял ко мне свою симпатию и знает мое имя - "Элизэ". А потом - я так правильно спросил его на его родном языке,по его же личным урокам мне - что отказать ему было неловко.

После еды и чая с сахарином - началось изводящее душу "ожидание"... Тишина тропическаго леса,как-то,давит на душу.Отлучаться куда-бы ни было

строго запрещено.Тоска.Одна только радость,что до конечнаго пункта,в Ханой,осталось всего лишь 190 километров.

В несчастьи человек всегда строит планы и мечтает.И мечтает всегда так,точно все обязательно должно сложиться,именно,в его пользу,и в этом он находит утешение.Так и я строю оптимистическиее разсчеты,что: - если нас отправят отсюда пешком - мы будем в Ханое через 6 дней.Это ведь пустяки в сравнении с тем,что мы уже прошли! И сам город Ханой представляется мне библейской "обетованной землей".Кроме того - здесь уже японский глубокий тыл,а следовательно,нам не угрожает опасность жестокой расправы.

В 17 часов нас торопливо собрали и двинули через большое село,сожженное американской авиацией.Конвоиры нас усиленно подгоняют,но мы и сами торопимся,зная,что где-то в лесу нас ждут камионы,тщательно укрытые в большой гуще леса.Через три километра мы присоединились к большой группе японских солдат,среди которых,наши старые спутники-конвоиры составляют меньшинство.Новые японские солдаты разсматривают нас с большим любопытством.Особый "интерес" возбуждаю я.Наши конвоиры что то говорят им,именно,обо мне и я чувствую себя очень неприятно под "сосредоточенным огнем" взглядов всех.В подтверждении этого - "мой приятель" молодой интеллигентный японский сержант,вдруг весело громко окликает меня такими словами:по-английски:

"Элизэ!.. Хау олд ю?" /Елисеев! сколько Вам лет?/

"Го джу!" /Пятьдесят три!/ - отвечаю ему по-японски,чем вызываю всеобщий восторг толпы.

Ответив - усаживаюсь у канавки с равнодушным видом,надеясь,что меня оставят в покое.Но меня окружает толпа солдат и с раздражающим любопытством разсматривают - и меня самаго,и все мое обмундирование,которое настолько изношено и грязно,что мне становится стыдно перед ними: - я не хочу показаться в их глазах "несчастненьким" ...

Подачи камионов пришлось ждать долго.Когда они появились из леса - "кто-то" долго размещал нас на них.То мы садились,то слезали,то опять нагружались... Наконец тронулись и ехали всю ночь в тех же условиях, как и прежний раз.Нам,пленным,был отведен минимум места.Утомительно и нудно было сидеть все время без движений на положенном тебе "пятачке",скорчившись всем телом,а главное,не имея возможности вытянуть ноги из страха потревожить конвоиров,очень ревниво относящихся к своему положению.Когда дело шло об их личных удобствах - они не были склонны ни на какия поблажки в отношении "низших себя".И о своей власти над пленными - они не забывали никогда.

По дороге нам пришлось погрузить в камионы много стараго железа всевозможных видов и форм.

"Видимо плохо у них с железом",подумал я."Не победить им американцев!" делаю заключение.

— • —

19-го утром мы в,ехали в китайский городок Суют,совершенно не тронутый войной,почему жизнь в нем протекала нормально.После выгрузки,нам приказано было сесть на тротуаре и ожидать.Конвой,обрадованный тем,что попал в город - быстро разбрелся по торговым лавочкам и мы,фактически,остались безо всякой охраны.Пользуясь этим - разбрелись и мы.Я зашел в ближайший китайский магазинчик и спросил яиц.

"Кто Вы? вполголоса спрашивает меня хозяин по-французски.

"Пленный французский офицер", отвечаю ему.

"Капитан?" допытывается он.У китайцев,все офицеры считаются "капитанами",поэтому,не желая разочаровывать его своим малым чином лейтенанта,мало подходящим к моей седой бороде - подтверждаю,что я есть - К а п и т а н ...

После этого краткаго диалога,меня окружили члены его многочисленой семьи,заглядывая мне в глаза с нескрываемой симпатией и сочувствием. Пожилая китаянка подала мне чашечку варенаго риса,щедро посыпав его при мне сахаром.Она хочет наглядно показать - как они рады помочь мне, французскому офицеру,в несчастье.Не успел я с,есть такой вкусный сладкий рис - как уже были сварены купленыя яйца.Я не могу удержаться и принимаюсь есть их тут-же с величайшим наслаждением.Вся семья китайца стоит вокруг меня и с добрыми улыбками следит - как изголодовавшийся человек,с диким аппетитом,поглощает яйца одно за другим.Они видят,что я еще далеко не насытился и хозяйка приносит мне еще рису,но уже в очен большой чашке и еще щедрее сыпет в нее сахар.Я чувствую как согревается моя душа под лучами ласки со стороны этого милаго китайскаго семейства.Я вижу,что местные жители,китайцы в особенности,очень недовольны тем,что власть перешла к японцам.

В этот день мы были сыты,как давно уже не были.Конвойные тоже не обращают внимания на нас.Мы свободно бродили неподалеку и это ощущение "свободы",доставляло нам большую радость.

В 17 часов /пять вечера/ нас переправили на пороме через "Ривьер Нуар" /Черная река/ и погрузили на камионы,но через 10 километров нас высадили и мы пошли пешком.Шли мы темной ночью и до самаго разсвета, не зная - куда нас ведут?Утром остановились на привал около речки. У конвоиров был запас мяса.Они наловили еще кур,сварили рис и очень вкусно ели на наших глазах.Нам же дали только один "сухой рис",от котораго мы отказались,т.к.он уже совершенно не шел в "глотку"...

К полудню вошли в большой аннамитский город ХОА-БИН,вокруг котораго было сосредоточено много японских войск,артиллерии и обозов,закамуфлированных в лесу.Здешние солдаты осматривали нас злыми глазами.Толпа грязной ленивой аннамитской черни,среди которой было много детей и подростков,сопровождает нас с недобрым любопытством.Мы чувствуем себя среди врагов.Нас вводят в маленький дворик и помещают в сарай,отдельно от наших конвоиров,к которым мы уже привыкли.Город является японским военным центром и жизнь в нем бьет ключем.Улицы полны народа.

Весь день мы проводим в нашем дворике,изолированно. В горах было свежо,даже холодно,а здесь,внизу,мы попали в непривычную жару.В соседних домах много японских солдат,для которых мы,словно,бельмо в глазу. За весь день ни одного приветливаго слова,или взгляда,а одно презрение... Японскими солдатами тут же выбрасываются об,едки.Терпкая жара и мириады мух.Но мои легионеры способны спать и при такой обстановке.

Разрешили пойти в лавочку.Купцы встречают меня любезно,но осторожно,с оглядкой.Вижу,что они не сочувствуют японцам.

Возвращаясь - прохожу мрачную комнату к нашему двору.Справа мелькнула какая-то подозрительная тень и... скрылась.Осторожно вернувшись - глянул в ту сторону,где мелькнула тень и... в тусклом зеркале,"засиженом" мухами - увидел сам-себя... "Я-ли это?" всмотревшись в заросшее лицо с седыми клоками жидкой бороды,с темным,загорелым-ли,обветреном-ли,бронзовым лицом и со многими десятками тонких линий-морщин по нем,в особенности около рта и глаз.Да - это я!...лейтенант 5-го пехотнаго полка Иностраннаго Легиона Французской Армии....и Полковник Славнаго Кубанскаго казачьяго Войска...

Оправив перед зеркалом свой мундир - вошел во двор и сел в уголке.

Пришла ночь.Надо спать.Но спать нельзя: тучи мух в дневной жаре - на ночь сменил сонм москитов.Они жужжат,плавают над тобою,лезут в нос, в глаза,в рот,в уши...Без "москитника" невозможно заснуть.И к тому же, в нашем каменном внутреннем дворике среди кирпичных построек - терпкая духота,испарение,дурно-кислый запах разлагающихся с,естных отбросов от японской,плохо-пахнущей кухни.Ночь прошла кошмарно...

Выступление назначено в полночь.Едва успели мы задремать - как уж под,ъем.Глухая полночь.Нас заставили нести какие-то японские ящики.На площади идет погрузка множества пустых битонов из под горючаго и погрузка одной роты солдат.Мы попадаем в водоворот людей,и людей,нам совершенно чуждых по психологии. Боже!.. что началось тогда с нами?! К нам,здешние японские солдаты,отнеслись как к "чумно-больным",или к людям "низшей расы",к которым брезгливо,даже,и дотронуться,а не то,что бы вместе быть! Нас толкали со всех сторон,точно желая избавиться от нас и избежать,даже,физическаго прикосновения к представителям "той расы",с которой они ничего не имеют общаго,и не желают иметь его и в будущем.Я даже оторопел от такого,чисто-звериннаго обращения.Но потом принялся наблюдать выражения их лиц,их действий,стараясь понять их психологию.И пришел к выводу, что пре до мною стихия человеческих существ, совершенно однородных по своему духовному и физическому складу,по способу своего мышления и своей обособленности,как коллектива.Это был "монолит",который очень трудно разбить, или разчленить.Как воинская сила, они были несокрушимы своей "однородностью",за которую,т.е."за самих себя" - они были в состоянии постоять твердо,не жалея собственной жизни.

И вот,от такого сознания,мне стало очень тяжело и тревожно.Находиться в их среде здесь было неприятно и,быть может,опасно...

В такой обстановке закончилась наша погрузка и,еще до разсвета 20 апреля,наконец-то,мы прибыли в Ханой,конечную цель наших стремлений

В Х А Н О Е.

Как мы ехали?

По требованию массы солдат - нас выгрузили от них и поместили на камион с пустыми металическими 20-ведерными бочками.Весь транспорт мчался с бешенной поспешностью.Бочки грохотали,терлись между собою,танцевали,наваливались на нас.Что бы не быть ушибленными - мы сели верхом на верхние из них и уцепившись руками в их закраины - держались как в седле на необученой лошади.У самой окраины города/восточной/,нас выгрузили с конвоем.Идем по темной пыльной улице в безпорядке.На легионеров навадивают какие то вьюки.Какой то солдат приказывает мне взять длинное бревно и нести.К чему оно - не знаю.Я отказываюсь.Он хватает его и кладет зло мне на плечо.Подчиняюсь... и несу.

"Элизэ!.. Ком хир!" /Елисеев! Идите сюда!/ кричит мне мой сержант-друг,идущий далеко впереди конвоя.

Бросаю бревно и спешу к нему.

"Уэр ис рю Поль Берт?" /Где улица Павла Берта?/,спрашивает он.
"По вит ми!" /Идите со мною!/,говорит он.И я стал "проводником" по народу,который достаточно знал.

Еще только забрезжил предутрений свет,как мы с конвоем вошли в громадный двор-рощу,окруженный двух-этажными кирпичными зданиями.Здание это,я вижу,впервые.Судя по всему - здание это было государственное. В громадном зало,куда нас ввели,построены нары и на них лежат одетые японские солдаты.Всюду яркие следы постоя азиятских войск.и нарочитой

небрежности к чужому добру,которое приятно изгадить и уничтожить,чем разумно использовать.В прекрасном стильном дворе-парке с нарядными аллейками,цветниками, газонами,скамейками для отдыха - к деревьям привязаны лошади,которыя топчатся по своему же "навозу",давно не убираемому конюхами.Острый запах амиака стоит по всему двору и врывается в помещения.Тут-же солдаты-аннамиты жгут какую-то деревянную рухлядь,вытаскивая ее из зданий.

Мы в зало.В больших деревянных ведрах приносят в зало завтрак.Японские солдаты,взяв сколько им хотелось - показывают нам,дескать - можете есть все остальное.Этого "остального" оказалось больше,чем вдоволь. Тут был совершенно белый очищеный рис,жареная рыба и очень вкусная подливка.В шкафу были тарелки,ложки,ножи и вилки прекрасной европейской фабрикации.Мы берем посуду и завтракаем,наконец-то,как культурные люди. Едим с большим аппетитом и до-сыта.После еды,легионеры,по нашей традиции,немедленно же все чисто вымыли,положили в шкаф и подмели пол.Японцы на все это смотрят с некоторым удивлением.Легионеры легли спать и захрапели а я стал созерцать окружающее,стараясь узнать - где мы? Так прошел весь день.Нас никто не тревожил,словно и забыли про нас.Был отличный обед и к ночи нас перевели в другое здание,в глубине двора.Здесь очевидно,раньше были дортуары и столовая.Рядом большия кухонныя помещения и склады для продуктов.Все помещение густо занято японскими солдатами,которые размещены с большим комфортом.У многих прекрасные матрасы и пуховыя одеяла.Повсюду много прекрасной столовой посуды.Похоже,что это был какой-то привеллигированый пансион.

Нам дали ужин.Это третья еда за день,отчего мы отвыкли.Все приготовлено очень вкусно и давалось в таком количестве,что мы не смогли всего с,есть.

По своей всегдашней привычке - незаметно начинаю изучать окружающую обстановку.Много дорогого и нужнаго добра валялось повсюду с полной бесхозяйственностью.Стопы прекрасной белой бумаги,много дорогих иллюстрированных журналов и книг на столах и полках - расбросаны как попало;с вырванными страницами ради снимков и гравюр,понравившимся солдатам.На стенах художественныя картины в дорогих рамках.Жалко было смотреть на эти дорогия вещи,которыя кем-то и когда-то с любовью и вкусом собирались,хранились,предназначались для большого культурнаго дела,а теперь - безмысленно портились,расхищались и злобно уничтожались.

Нам,четырем пленникам,отвели отдельный угол на нарах и мы уснули на чистом месте и со сравнительными удобствами.

Утром 21 апреля начались сборы в поход японских солдат.Я с интересом следил за тем,как они укладывали свои громоздкие ранцы?Туда попадало много не положенных воину вещей,вплоть до целых кусков матерни.Потом им принесли большия ящики пива,содовой воды,лимонада,папирос,спичек и щедро разделили меж ними.Выпив все это на месте - команда ушла со своими ранцами и оружием.Наших конвоиров со вчерашняго дня мы не видели. С нами остались два высоких худых солдата,наша новая,повидимому,стража. Один из них сержант с тонкими и правильными чертами лица - говорил немного по-английски.Когда привесли свежий номер информационнаго военнаго листка и он начал его читать - вдруг он пришел в бурный восторг,стал громко и радостно смеяться и розмахивать руками.Потом крикнул мне по-английски:

"Элизэ!.. Ооо!.. Рузвельт дайд!" /Елисеев!.Рузвельт умер!/

"Как' .где'..когда!" забросал я его вопросами,желая знать подробности

"Наши потопили сразу 200 американских судов и Рузвельт с горя умер!" об,ясняет он и сует свою японскую газету,тыкая в нее куда-то пальцем.

Этот разговор,как-то,нас сближает.Я все время думал о судьбе своей семьи,оставшейся в Тонге.По слухам - все семьи французов пострадали от аннамитов.Это нисколько не исключало и моей семьи,как французскаго офицера,ушедшаго в поход.У меня мелькнула мысль - попросить,этого,совсем не злого сержанта,через своего офицера,навести справки о моей семье.

"Гуд!Гуд!" /Хорошо,хорошо!/- соглашается он.Но где семья - я не знал.Пишу записку одному другу-французу,имевшаго ресторан,прося его узнать о семье и угостить "подателя этой записки".Произошло что-то фантастическое.В 11 часов ночи он вернулся из отпуска и войдя - кричит от самой двери:

"Элизэ!... Летр,летр фор ю!" /Елиеев! .. Письмо,письмо для Вас!/ и размахивает лоскутиком бумажки в воздухе.Не веря своим глазам - читаю записку от жены,что она с сыном в Ханое,квартира вся разграблена аннамитами,успела унести лишь часть вещей.

Я был счастлив.Счастлив тем,что семья знает,что я жив и здесь.От радости спрашиваю сержанта - как он доставил письмо и угосил-ли его мой друг-ресторатор?

"Оо!.. вэри гуд!Ай воз ит стэк,биг стэк енд дронк уайн! /Оо!..очень хорошо! Я ел бифштекс,большой бифштекс и пил вино/.И добавляет,что ничего не заплатил и француз был "вэри гуд мен" /очень хороший человек/.

Со стороны этого сержанта был,поистине,подвиг для меня.Он рисковал перед своим начальством и ему не поздоровилось бы,если оно узнало бы об этом.Еще в Дьен-Вьен-Фу,когда был на ужине у капитана Намеки - я осмелился просить его дать телеграмму своему генералу о моей судьбе,для передаче жене.Он долго думал и потом сообщил,что военный закон запрещает это делать для пленнаго врага.Потом в Цитадели Ханоя,где были все пленные французы,около 6.000 - японское командование строго изолировало всех от сообщения со своими семьями,живущими там же в городе и совершенно недопускало передачи - ни писем ни продуктов.Вся их цель была,как бы морально парализовать невольника,убить его душу.А тут вот,сержант,пошел на запрещенное военным законом дело.Я до сих пор испытываю благодарность к этому "врагу",оказавшемуся таким добрым человеком.Думаю что и тут, наряду с английским языком,который и он и я знали плохо - сыграло то обстоятельство,что я был русский...

Второй наш страж,высокий исхудалый солдат,который сидел часами недвижим,точно каменное изваяние,поджав под себя ноги по-восточному на нарах.И когда я спросил этого сержанта о причинах такого страннаго поведения - ответ был - "Он очень тоскует по Родине".

Я видел больных этой "тоской по Родине" японских солдат еще на фронте,в джунглях,в лесу,во время привалов и ночевок.Да и сам переводчик там тогда говорил мне "о скуке",которая охватила его и других офицеров, когда сбрную роту вернули вновь на фронт с пути в Ханой,куда она шла "на отдых".И мне стало ясно,что и Японская армия начинает чувствовать усталость от долгой войны;и в мою душу вошло сомнение в ея "непобедимость".

23-го утром,от нечего делать,вышел во двор,где солдаты-аннамиты кололи дрова для солдатской кухни.По природной слабости тела,лени и неловкости - они плохо работали колуном.Мне захотелось "размятся".Подошел взял топор-колун,и стал "колоть их по-русски".Дрова летели как орехи. Все заахали от удивления.Японские солдаты подошли толпой,любуясь ловкостью моей работы,обменивались поощрителными фразами в мой адрес.

Расколов десятка два поленьев,и считая,что достаточно "показал" аннамитам "как надо работать" - я вошел в кухню и попросил разрешения вымыть руки.Глава кухни,какой-то очень важный японский "чин",провел меня к крану и предложил свое личное мыло.И когда руки были вымыты - он дружески похлопал меня по плечу и подарил это свое мыло.Но когда я поблагодарил его по-японски - он пришел в восторг.

Как мало нужно сделать,что бы расположить к себе другого человека и, даже,из врага - сделать друга.

За три недели пребывания в плену,мне удалось приобрести не мало друзей среди японцев:Капитан Намеки,доктор Батанаби,"монгол"-лейтенант и несколько сержантов,говорящих по-английски.Конечно,важно иметь возможность об,ясняться на каком-либо общем языке.Но еще важнее вести себя с достоинством и в соответствии с собственным положением.

Приближалось обеденное время,когда в наше помещение быстро вошел "мой сержант" и весело крикнул мне:

"Элизэ!.. Уи го!" /Елисеев!.. Мы идем!/ и приказал всем нам четырем собраться в дорогу.

Сердце учащенно забилось.Я знал,что нас переводят в главный лагерь французских военнопленных,куда мы так стремились,в полной уверенности, что там жить будет лучше среди общей массы офицеров и солдат.

Я быстро оделся "по форме",насколько это было можно при плачевном состоянии моего обмундирования,т.е. - застегнулся на все пуговицы и опоясался офицерским широким поясом с ремнем через плечо.Замусоленые бриджи,жолтые гетры и развалившиеся грубые ботинки на гвоздях с тупыми носами - "украшали" мой офицерский мундир Иностраннаго Легиона Французской армии.Легионеры были одеты совсем не по-военному:сверх белья - темносиния шерстяныя фуфайки с рукавами,нитяныя темно-синие брюки внапуск на износившиеся ботинки,но все мы были в форменых летних тропических топи,с разрывающимся ядром на них,- эмблема Легиона.

Вышли во двор.Нигде и никаких часовых.С нами только наш сержант.На улице свернули за угол,к главному под,езду нашего здания,занимающаго весь квартал и над ним я прочел надпись золотыми буквами:

"ЛИЦЕЙ АЛЬБЕРТА САРРО"

Так вот где нас держали!.. Так вот в каком дивном помещении размещаются для временнаго постоя проходящия через город команды японских рот! Так вот почему здания,составляющие целый квартал - поразили меня роскошью своей обстановки,оборудования,картинами и библиотекой!...

Мне стало безконечно жаль,что такое большое культурное учреждение, занято японскими властями для постоя своих проходящих частей,т.е. - отдано на безконтрольное их самоуправство,на безсмысленное уничтожение и расхищение.Ведь все равно - кто-то,впоследствии,должен возстанавливать и обновлять все это.Может быть и сами японцы?

Совершенно не зная военно-политической обстановки,совершившийся в Индо-Китае по нашем уходе в поход,в Китай - я так тогда разсуждал.Но - все это перешло к новому правителю севернаго Индо-Китая,Хо-Ши-Мину,ученику красной Москвы.

Идем по улицам.Тишина и безлюдие,несвойственое большому аннамитскому городу.По пути встретили только одну пожилую француженку,как то не естественно посмотревшей на нас.Мы тогда еще не знали,что вся власть в Стране передана японцами аннамитам и они терроризировали все французское население,до убийств включительно.Но нам,почти на воле,и в столице всего Индо-Китая - приятно было идти без всякаго конвоя.

В КАНЦЕЛЯРИИ ВОЕННОПЛЕННЫХ.

Мы очень скоро подошли до столь знакомых нам ворот Цитадели,т.е.бывшей крепости,но теперь чисто военнаго квартала французских колониальных войск.Веду группу,собственно говоря,я,т.к.японский сержант совершенно не знает расположение города.Иду с ним рядом,позади три моих легионера.Но нас преддварительно повели во дворец Начальника Тонкинской дивизии генерала Сабаттье.Оказывается,здесь расположен какой-то японский штаб.Остальныя казармы,плацы,разныя отделение - непосредственно за воротами кирпичной стены.

С чувством обиды "за павшую" власть Французскаго командования - поднимаюсь я на первый этаж.

В средней комнате,служившему нашему генералу гостинной,за двумя сдвинутыми столами,на простых деревянных стульях,сидит десяток полуинтеллигентных аннамитов в европейских тропических белых костюмах и два японских солдата.Это канцелярия военнопленных.Дали заполнить анкеты на французском языке.

Начальник всех этих писарей японец,хотя и в форме рядового солдата, но получивший,видимо,европейское образование,в чистой одежде и в "шлепанцах" без пяток на ногах - сидит верхом на стуле и,небрежно опершись локтями на его спинку,просматривает написанныя нами анкеты.Затем обращается к легионерам на довольно чистом французском языке:

"А почему Вы,германцы,пошли служить во Французскую армию?"
Легионер Клевер,самый умный и находчивый из всех трех,смело и с улыбкой отвечает за всех:

"А что было делать?...Воровать идти,что-ли?..Тогда в Германии невозможно было найти работу. Есть было нечего... вот и пошли".

Японец пристально смотрит ему в глаза и,с разстановкой,произносит тоном глубокаго презрения к ним:

Ву-з-авэ-маль фэ деван вотр Реи" /Вы плохо поступили перед своей Родиной/."Нужно служить только своей Стране,и ни в коем случае другой!"

Он говорил так выразительно по-французски,так внятно и понятно,и с такой патриотической убежденностью,что даже мне стало неловко.Легионеры же совсем смутились и сидели молча.

"Ву завэ трэ маль фэ!" /Вы очень плохо сделали/,закончил он и отвернулся,показывая этим,что не желает с ними больше говорить.

Подошла моя очередь.Осмотрев меня с ног до головы,и взглянув на мою анкету - он поставил мне тот-же вопрос.Я ответил ему то-же,что и капитану Намеки,сделав ударение на то,что - как офицер старой Русской Императорской армии и участник 1-й Великой войны 1914-18гг.,и вооруженной борьбы с нынешним красным правительством в моем Отечестве - я сознательно выбрал себе место в рядах своих прежних союзников.

Он еще раз внимательно посмотрел на меня,но без всякой враждебности, и промолчал.

Вошел новый конвоир и нам приказано следовать за ним.Мы были полусвободны настолько,что выйдя на улицу - я успел написать несколько слов своей жене и сыну - где я нахожусь? и "мой приятель",сержант,уходя к себе - осмелился взять ее для передачи.Это-ли не радость!

Ровно через одну минуту времени - мы вошли в широкий двор Цитадели, окруженный кирпичной стеной и со многими капитальными 2-этажными французскими казармами.

В ЛАГЕРЕ ВОЕННО-ПЛЕННЫХ ФРАНЦУЗОВ.

Мы в Цитадели. Французские офицеры и солдаты, небольшими группами, гуляли без дела по огромному двору. Увидев нас, остановились и засыпали вопросами:

"Легионеры?... Откуда?.. Где Вас захватили?".. "Льеутенант Элизэ!" слышу я вдруг свою фамилию в общем хоре голосов и, оглянувшись на голос, узнаю лейтенанта-артиллериста нашего гарнизона в Тонге.

Редко в своей жизни я был так счастлив, как теперь, попав снова в среду европейцев, в среду своих товарищей по-несчастью-французов, - попав в столь родную и привычную мне военную среду. Но конвоир не останавливает нас и ведет в помещение внутренняго японскаго штаба. Здесь работают французские офицеры. Они дают нам для заполнения анкеты, с двумя дополнительными вопросами:

1.- Был-ли в боях против японцев?
2.- Был-ли ранен?

Без колебания отвечаю на оба вопроса у т в е р д и т е л ь н о. Потом укажу - почему были эти два вопроса?

Все формальности закончены. Нас направляют в чисто французский штаб, что бы зарегистрироваться.
Здесь мы поступаем в полное распоряжение нашего же легионера, капитана Вольтера /из Эльзасс-Лотарингии/, который проявляет в отношении нас всех четырех, а меня в особенности, столько сердечности и заботливаго внимания, сколько можно ждать лишь от человека, принадлежащаго к одной и той же тесной семье полка, а полка Легионеров - в особенности.
Здесь же нам выдали кое-что из обмундирования, по куску мыла и, к нашей неописуемой радости, выдали по целому хлебу на каждаго в 700 грамм. Хлеба мы не видели ровно 45 дней.

В лагере, все военно-пленные, были распределены по категориям:

1.-"Сюперьер офисье" -Высшие офицеры, по нашему - Штаб-офицеры.
2.-"Сюбалтэр офисье" -Подчиненные офицеры, по нашему - обер-офицеры.
3.-"Су-з-офисье", т.е. унтер-офицеры и
4.- Рядовые солдаты, куда входят капралы и капрал-шефы.

Капитан Вольтер повел меня во 2-й этаж, в помещение для обер-офицеров до капитанов включительно, где представил меня старшему капитану. Здесь мне отвели железную кроват с пружинной сеткой и матрацом, две простыни одеяло, подушку и москитник. Сбросив свои "жуткия вещи" - немедленно же отправился принять свой первый горячий душ, - первый за 45 дней похода и плена - "душ с мылом". Мылся я долго и всласть, после чего сразу же почувствовал, и физическое и моральное облегчение. Я почувствовал себя, как бы, помолодевшим и снова нормальным человеком, вернувшимся в нормальную человеческую жизнь.
Долгия лишения и моральные удары, полученные мною во время гнетущаго душу плохо организованнаго отступления, и физическия страдания, и пережитое унижение в плену у презирающих нас японцев - притупили во мне многие навыки и чувства, присущие культурному человеку в обычной обстановке. Мне трудно было их сохранить в неприкосновенности в той дикой обстановке и при том подавленом состоянии духа, в которых я находился ровно полтора месяца.
Остаток этого столь памятнаго для меня дня прошел в разговорах,

давших мне возможность ориентироваться - и в новой обстановке и в разсказах офицерам о собственных приключениях. Но усталость взяло свое и я рано уснул сном измученнаго человека, на удобной кровати, под чистыми простынями и совершенно голым...

Проснулся очень бодрым. Было уже совершенно светло, когда пехотный рожок заиграл "общий под,ем" для всего лагеря. Начинался новый этап в моей жизни...

Деньщики, один на шесть офицеров, принесли горячий черный кофе и дневной рацион хлеба в 700 грамм. Кофе - одна чашечка, чуть сладкий, но я выпил его с большим удовольствием. Его было, конечно, очень мало и хотелось еще. Деньщиком нашей группы оказался бывший сержант нашей роты, немец К о х,- разжалованый при мне в рядовые. Он иногда давал мне кофе больше, чем другим офицерам колониальных войск, чувствуя духовную близость ко мне, как к иностранцу во французской армии, которым был и он.

Пол-часа времени, полагаемых для туалета - было больше чем достаточно и за это время - я успел, на свежую голову, записать в свой дневник кое-что.

Первыя впечатления от лагеря были приятны. Командир нашего офицерскаго взвода, он же и старший комнаты, капитан колониальных войск Гужон - ознакомил меня с правилами внутренняго порядка. Впрочем - он висел тутже на стене, под заглавием - ПОРЯДОК ДНЯ. Он был таков:

- Общий под,ем в	8 ч.	- Конец работы в . . .	18.30.
- Поверка в	8.30.	- Ужин в . .	19.00.
-Сбор солдат на работу .	9.30.	- Вечерняя поверка в	20.00
- Обед в . . .	12.45.	- Тушение огней и спать	-23.00
- Отдых после обеда до	16-ти		

Просмотрев это расписание дня, я нашел, что такой вольготности не было у нас и до похода.

Еще я узнал, что в Цитаделе, в качестве военно-пленных, находятся:

Один генерал, около 100 старших офицеров, около 350-ти младших офицеров и около 4.500 сержантов и солдат, т.е. половина французских войск, находившихся в северном Индо-Китае. Из втроой половины, около 2.000 ушло в Китай. Стрелки-аннамиты, служившие по найму в колониальной Тонкинской пехотной дивизии - были демобилизованы и разошлись по своим селам. Несколько десятков погибло в столкновении с японцами.

Старшие офицеры жили изолировано. Генерал в отдельной комнате. Поверка происходила у них совсем не по-военному. На нее они выходили в спальных пиджамах, без строя и от них не требовалось никаких внешних признаков военной субординации перед японским сержантом, помощником коменданта Цитадели, которым был японский лейтенант.

Младшие офицеры, по своим комнатам, составляли "взводы", до 20-ти человек в каждом. Подпрапорщики и сержанты составляли свои взводы, совершенно отдельно от рядовых солдат. В последние входили и капрал-шефы и капралы.

И вот, во время двух ежедневных поверок - утром и вечером - вся эта масса воинских чинов, выстраивалась глубоким сомкнутым строем взводами против взводов во всю длину двора, заворачивая потом куда-то за угол, в ожидании появления японскаго сержанта, котораго сопровождали со списками и с приказами французские офицеры нашего французскаго штаба пленных.

Кроме офицеров и сержантов - все остальные военно-пленные были в очень потрепаном "тропическом" одеянии - рубашки-безрукавки и "шорты" до колен. Вид у всех был далеко не воинский. Чувствовалось, что "плен" подломил людей, и морально и физически. А если добавить к этому, что мало кто брил бороду и стриг волосы на голове, то общее впечатление от зрелища "военной поверки" было гнетущее. Сердце сжималось от унижения, когда при приближении японскаго сержанта, заслуженные бородатые французские 40-летние капитаны, командиры офицерских взводов, командовали своим подчиненным "ГАРДЭ ВУ! /Смирно!/ и офицеры принимали соответствующее положение в строю, словно они были рядовыми солдатами... А японец, с миной на лице неограниченнаго властелина, и с подчеркнутой безцеремонностью - осматривал наши офицерские ряды.

С присущим мне интересом ко всему "новому" - я наблюдал за той реакцией, которую вызывала в душах строя эта оскорбительная для нас "новизна" нашего положения. И если офицерские взводы держали себя перед японским сержантом достаточно свободно, независимо и гордо, не слишком скрывая своего к нему, и ко всему японскому, презрения - то с сержантскими взводами, и в особенности со взводами рядовых солдат - было много хуже. Там чувствовался определенный страх перед жестоким начальником, т.к. за малейшее ослушание, за небрежную позу в строю - японец подходил к виновному и, грозно рыча что-то нечленораздельное - отвешивал громкую пощечину...

Такия картинки было оскорбительно наблюдать, даже, со стороны, не имея возможности вступиться в защиту своих солдат. А о том, что переживали пострадавшие - можно было судить только по выражению их печальных глаз...

За три с лишним месяца своего пребывания в Цитаделе - я пришел к заключению, что сам по себе этот японский сержант не был злым человеком. Он был отличный служака и хороший солдат в своей армии и требовал от пленных соблюдение "порядка", обязательнаго для всех армий, но в том виде какой существовал в его, японской. Он не мог, он не имел права "спускать" нарушение этого порядка, почему и пускал в ход репрессии. А нарушений, к несчастью, было много. И делались они не по злому умыслу, а в силу безпечности и легкомыслия, столь свойственнаго характеру французских солдат.

В основе лежало совершенно различное понимание французами и японцами "духа воинской дисциплины".

У японцев она выражалась "в слепом повиновении воле начальника", и с отчетливым внешним выявлением воинской субординиции. Но у французов - солдат оставался "гражданином", с известной долей независимости поведения и мнений. Французский солдат мог не соглашаться со своим начальником и доказывать ему "свою правоту". Такое понятие не только что возмущала японцев, но она им была совершенно непонятна.

— • —

Я изучаю весь лагерь, т.к. офицеры на работы не назначались. Вижу - на стенах большия афиши на французском языке. Подхожу и читаю:

"СООБЩЕНИЕ ЯПОНСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, КАСАЮЩЕЕСЯ ПРИНЯТЫХ ИМ РЕШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ФРАНЦУЗСКАГО ИНДО-КИТАЯ".

"Согласно соглашения о совместной обороне Индо-Китая, заключеннаго между Японией и Францией - Японския власти безпрерывно принимали меры для защиты страны в сотрудничестве с Французскими властями и Французской армией в Индо-Китае. Однако, по мере того, как развивались военныя события - Французский власти в Индо-Китае стали проявлять все большую и большую нетерпеливую благожелательность к намерениям наших врагов, и пытались установить тайную связь с последними.

"Таким образом, они не стремились более проявлять свои усилия для обезпечения защиты страны от нападения англо-американцев.

Понимая всю ошибочность такого поведения, поняв теперь свои ошибки - представители Японии безпрестанно заявляли и возобновляли снова свои протесты, но каждый раз безрезультатно и, наконец, обратили внимание Французских властей, что:

- При настоящих обстоятельствах, Японская армия видит себя вынужденной защищать Индо-Китай одними своими силами против врагов, которые сейчас находятся уже в непосредственной близости Страны.

- В целях обезпечения защиты Индо-Китая - Японская армия желает изъять из Французской администрации враждебные Японии элементы и оказать необходимую помощь местным властям, одушевленным желанием сотрудничать с Японией, для достижения вышепоставленой цели.

- Вышеупомянутое решение продиктовано неоспоримыми, с военной точки зрения, намерениями - будет с точностью ограничено.

- В таких условиях Японское Правительство заявляет, что оно не только что не имеет никаких териториальных видов в отношении Индо-Китая, но и не пожалеет никаких усилий, что бы оказать помощь народам Индо-Китая, которые желают защищать себя против врагов Стран Восточной Азии.

- Японское Правительство определенно заявляет, что оно никогда не перестанет сообразовывать свои действия с декларацией о создании Великой Восточной Азии, опираясь всецело на стремление к независимости народов Индо-Китая, столь долго, и вплоть до сегодняшняго дня, находившихся под гнетом".

Рядом наклеено заявление Главнокомандующаго Японской армией, следующаго содержания:

"Решения, недавно принятыя Японской армией - совершенно идентичны /одинаковы/ с теми, которыя ясно изложены в официальном сообщении Японскаго Правительства, как вытекающия единственно из отсутствия искренности у Французских властей в Индо-Китае, при выполнении соглашения о совместной защите Страны.

- Японская армия, при данном военном положении - не требует сотрудничества от населения Индо-Китая. В соответствии с нашими первыми действиями по обезпечении безопасности населения и возстановлению общественнаго порядка - силы для защиты Индо-Китая будут быстро подкреплены.

- Само собою разумеется, что Японская армия не имеет ни каких намерений нарушить права Автономнаго Правительства, которое оно почтительно поддерживает своими силами, как и его приказы и распоряжения его административных органов, относящиеся к личности тех чиновников, которые пожелают сотрудничать с армией. Что же касается жителей, в особенности тех, кто сотрудничает с нею - то их жизнь, их имущество, как и их права и интересы - будут защищены. Они могут таким образом питать полное доверие к Японской армии и посвятить себя работе по возсозданию Новаго ИНДО-КИТАЯ, вместе с чиновниками и членами Высшаго Совета.

- Японская армия не пожалеет усилий для осуществления пламеннаго желания независимости, столь дорогого всем народам Индо-Китая.

"В то же время, оно заявляет, что Армия решила выполнить в точности свой долг, выпавший ей на долю по защите Индо-Китая, и сотрудничеству в будущем с упомянутыми выше народами, помощи их искреннему националь ному движению, в соответствии с принципами, изложенными в декларации Великой Восточной Азии."

— • —

Мы ничего не знали "о высокой политике" в Индо-Китае, а я, как иностра нец, в особенности. И только теперь, из содержания этих двух деклараций - мне стало понятны причины "военно-политическаго конфликта". И на душе стало совсем не весело. Из деклараций вытекало, что Япония решила создать "Великую Восточную Азию", в которую включили уже и Французскую колонию Индо-Китай. Теперь мы оказались официальными врагами и японцев и всего населения Индо-Китая. А каково настроение последних - мы не знали.

В остальном-же, для меня лично, наступил период полнаго отдыха после 45 дней, проведенных в джунглях. Единственное, что его нарушало, было недостаточное питание.

Кухня была общая для всех, независимо от рангов. Нам отпускался умень шонный паек японскаго солдата, и в продуктах низшаго качества. Вместо риса - давали черный, почти сырой хлеб, смесь ржаной и кукурузной муки. Мяса - 25 грамм в сутки. Овощи только местные, и малопитательные и в малом количестве.

Распорядок дня совершенно не стеснял нас. В своих казармах и во дворе - все были абсолютно свободны в передвижениях. Все жили, группировались по своим полкам, баталионам, ротам и батареям. Подавляющее число офицеров и сержантов, явились "в плен" по приказу японскаго командования, прямо из своих квартир, поэтому они хорошо были одеты, имели запас белья, деньги, консервы.

Дело в том, что Французское командование ожидало нападение японцев. Чувствуя свое безсилие, и не желая нести в бою ненужные потери в людях, но все же, что бы сохранить чувство чести - негласно приказано было широко разрешить идти в отпуск. Не все это знали. Оставшиеся в Цитадели, как оказалось, оказали упорное сопротивление при атаке японцев. Шла осада стен Цитадели, потом казарм. Во дворе действовали и танки, передвигаясь -переползая с одного двора, в другой. Несколько их так и остались во дворе, при нас, подбитые, развернутые от попадания снарядов "прямой наводкой"

Сопротивление продолжалось полтора дня. Потом японцы ворвались во двор, в казармы и в рукопашной схватке не щадили многих, сдавшихся. Пострадали и они: в центре двора была общая могила японских офицеров и солдат, погибших здесь. Французы не особенно чтили погибших врагов. При их власти - не обращали на нее внимание, а когда временно власть перешла к французам после капитуляции Японии - место это было "сравнено" и на могилах погибших врагов - была устроена футбольная площадь....

Случайно, в Цитаделе была команда легионеров, где было много русских. По их разсказам - они доблестно сражались, потеряв несколько человек убитыми.

Хуже всего было положение рядовых солдат. Они явно недоедали. К их категории скоро причислился и я, офицер, пока единственный, попавший сюда "с поля брани" - обтрепаный и совершенно без денег.

Человек чувствует себя особенно несчастным тогда, когда он регулярно непополняет свой желудок.

В самом жалком положении были солдаты. Все они спали на голых нарах, построенных в два этажа, а укрывались - что Бог послал.

Спасало всех теплое время года в полутропической стране. Днем было тепло и желающие могли неограниченно пользоваться душем в течении всего дня. Везде было электрическое освещение. Казармы жили своей жизнью, словно и не было боев. И только изрекошетиныя стены пулями, говорили, что

произошла большая драма здесь..

Все офицеры имели кровати с удобствами для сержантов мирнаго времени. Сохранилась большая библиотека гарнизона. Многие читали. Другие играли в карты, в бридж. Вообще же, никакого контроля не было - кто и чем занимается. Все жили в своих старых казармах, но только в худших условиях чем до войны.

Наряду с хроническим недоеданием, большим лишением было запрещение сноситься с внешним миром. "Цитадель" - это были казармы для всего бошого гарнизона столицы, построенных на месте бывшей старинной крепости и обнесенныя кирпичной стеной выше роста человека. Они находились в центре аннамитскаго /стараго/ города. У офицеров и сержантов, семьи жили тут же, рядом, больше в европейской части города. Они легко могли бы помогать пленникам передачей еды, которой город изобиловал. Все семьи жили здесь зажиточно и с удобствами. На базарах всего было вдоволь. Но взгляд японцев на пленных, сильно отличался от взгляда европейцев. По их понятиям, пленный есть "раб", котораго надо держать строго и мало безпокоиться о его жизни. Мы же, французы, были им вдвойне ненавистны, и своей культурой и тем, что были "колонизаторы" тех стран, которыя они решили освободить от насильственнаго европейскаго протектората и влияния, что бы затем включить в "Великую Восточную Азию", под их руководством, главенством. Поэтому, не чиня нам особенных припонов внутри лагеря - они окружили нас строгим кордоном от остального города, недопуская никаких сношений с ним. И только потом разрешили отправки и получения от семейств одного письма в две недели, через их штаб и по заранее определенному формуляру, обязательному для всех.

Был издан и прочитан перед фронтом приказ, по которому - "за нелегальное сношение с городом - полагалась смертная казнь".

После перенесеннаго мною в джунглях - я нисколько не сомневался, что угроза будет выполнена без колебаний и в полном сознании своей правоты

Но несмотря на это - "сношения" некоторыми изредка поддерживались. Солдаты, выходившие на работы в город под караулом - приносили вести, а иногда и коротенькия записки на клочечке бумаги от жен офицеров, толпившихся возле работающих "своих солдатиков". При всей строгости военной дисциплины в японской армии, некоторые часовые допускали послабления, или старались "не видеть" того, чему они обязаны были препятствовать. Солдатское сердце, видимо, одинаково во всех армиях: - тоска по дому у того же увезеннаго за тридевять земель и морей японскаго солдата - толкала его лучше понимать душу пленнаго француза, тоже разлученнаго со своей семьей и домом, чем их офицеры. Но и таких случаев было очень и очень не много.

Вобще же, в сравнении с тем, что стало потом - жизнь в нашем лагере, месяца полтора после моего прибытия - была довольно свободной. Для меня же лично - это был отдых.

Изредка, через уборщиков отхожих мест, попадал табак и газеты. О капитуляции Германии мы узнали устно. Это известие ободрило всех. Не было уже сомнений, что будет разбита и Япония. И вот, с этого дня, наше положение стало ухудшаться. Пленных стали всячески притеснять, придираться и вмешиваться в их внутреннюю жизнь.

Как я указал раньше - большинство пленных отрастили бороды и волосы на голове. Вышел приказ: - во избежание заражения вшивостью - всем капралам, содатам, метисам из туземцев - в 24 часа сбрить бороды и остричь коротко волосы на головах.

Среди французских колониальных войск, из их колоний и протекторатов, были негры, сенигальцы, индусы. А через 2-3 дня это коснулось солдат и сержантов-французов. А потом и всех офицеров.

Произошла метаморфоза. Прибыв в лагерь - я уже застал офицеров с

черными густыми бородами,за которыми они тщательно ухаживали.Вид их был солиден и красив.Это были настоящие средневековые галлы-воины,которых я видел на картинках в учебнике Истории средних веков.Перед капитанами с такими красочными черными бородами с проседью- невольно делался респект..Как вдруг,за одни сутки - "все помолодели",сбрив бороды и сняв волосы на головах.Все стали выглядеть чище и свежее и оказались совсем молодыми офицерами,которым я годился,по летам,в отцы...Я был разочарован... Красота средних веков исчезла.

Что характерно: - офицеры не хотели брить бороды,доложив через свою власть что -"нет бритвенных принадлежностей!"

На другой день,на утреннюю поверку,некоторые вышли "с бородами".Увидев их,унтер-офицер "зарычал",одного капитана толкнул в грудь,указывая на бороду и предупредил,что "завтра будет хуже!".

На следующий день,в лагерях не было ни одного человека "с бородою".

Японцы настойчивы.Приказ они выполняют точно.За невыполнение - репрессии,до физической расправы с ослушниками- следуют немедленно-же. Они чистоплотны и аккуратны.Все у них,включая и офицеров,коротко стригут волосы на голове и бреют бороды,строго следя за чистотой и гигиеной тела.Все это введено у них в повседневный культ.

Следующим этапом "зажима" было требование выходить на поверку одетым строго по-воински.Это требование было распространено и на "старших офицеров".Теперь они уже не могли выходить на нее в пиджамах.Их обязали подавать команду "Смирно!и принимать соответствующее положение в строю,при приближении японскаго сержанта для поверки.Это было явным унижением их достоинства.

Затем приказано было отдавать честь всем японским солдатам,проходящим во дворе.Впрочем,нам офицерам,было сделано снисхождение: - мы обязаны были отдавать честь лишь их сержантам,проходящему караулу и часовым на постах. Эти распоряжения обидно ударили по самолюбию,но не подчиниться им было невозможно.Особенное же почтение надо было оказывать при смене часовых.

Один капитан,при подобной смене,стоял неподалеку и курил трубку.Часовой быстро подошел к нему,выбил изо рта трубку и поставил его тут же на колени,на цементовой площадке.Несчастный простоял ровно час, без топи,без рубашки,голыми коленями,не смея двинуться,т.к.часовой,стоя на своем посту - вупор следил за ним.

У старших офицеров,один из них,стоял в строю недостаточно по-воински,когда их проверял японский сержант.Последний подошел к нему,что-то крикнул и схватив рукой за гортань- толкнул назад.Штаб-офицер,оскорбленный,сделал на него "шаг вперед".Сержант-японец схватился за штык в чехле,готовый обнажить его и пустить в ход. Оба зло вперились глазами друг в друга,изучая границы дозволеннаго.Японец победил,приказав стать в строй "как надо".

Офицеры нашего взвода,по команде своего же капитана,друга по комнате,при приближении этого сержанта,сопровождаемого своими же французскими офицерами - небрежно стояли в строю и,даже,шопотом острили по адресу японскаго сержанта,помощника коменданта лагеря.В особенности изощрялся мой сосед по строю,в задней шеренге.Я дружески его предупреждал,что - может быть большая неприятность. И вот,как часто,после команды "Смирно!" - он,взяв руку под козырек - но ноги разставил.Сержант заметил. Растолкав локтями передния шеренги и подойдя к нему,он ткнул пальцем на его ноги и со всего розмаха нанес звонкую пощечину капитану,от которой его голова склонилась на-бок,но... одновременно - пятки каблуков стали вместе.И все эти "картинки" происходили на виду всех пленных.

К чести японцев,надо подчеркнуть,что на наше отдание им чести,в особенности часовому на посту - они отвечали почтительно и отчетливо.

Как-то после обеда,в тропическую жару,я стоял на широком плацу,в топи,в шортах до колен,в сандалиях.Проходил караул после смены.Разстояние до него было такое,что можно было чести и не отдать. "А вдруг придерешся разводящий?" мелькнула мысль.Они проходили мимо меня в облическом направлении,по диагонали плаца,удаляясь от меня.Что бы не накликать неприятности - я взял руку под-козырек.И что-же? Капрал скомандовал что-то своим и все они отчетливо повернули головы в мою сторону,отвечая на мое воинское приветствие.Поразительная воинская воспитанность!

Для поднятия дисциплины - приказано было всем нашить галуны,в соответствии с рангом.Потом устроили "Ревю",т.е.проверку всех вещей.Нужно было видеть картину,когда 5.000 людей расположились по двору во много рядов,и выложили все свое,фактически,"барахло",словно на базаре.Осматривали японские офицеры и сержанты.Осматривали очень тщательно.С любопытством они знакомились с содержанием разных баночек и коробочек,рылись в наших личных вещах, ища в них "что-то секретное",подобно тому,как ребенок разсматривает вещи старших,или дикарь разсматривает вещи европейца,случайно попавшия ему в руки.Это было,и смешно и совершенно ненужно. К их чести надо признать,что ни у кого ничего не было отобрано.Интересовались они часами-будильниками.Сержанты долго вертели их в своих руках,видимо ожидая,что их им подарят.Но французские офицеры этому не догадались...

Японские офицеры носят сапоги русскаго образца.У некоторых офицеров-легионеров были отличные сапоги и японские офицеры с интересом их разсматривали.Забавно было наблюдать этих честных и не искушенных людей и в офицерском звании.

— • —

От хроническаго недоедания,началось массовое заболевание среди солдат.Люди умирали ежедневно.Непростительное отношение было японцев к усопшим.Похоронную мессу совершали во дворе.Французы католики.Принято думать,что французы мало верующие.Это не так.На отпевание приходили сослуживцы.Среди них были офицеры и солдаты-священники.Духовенство во Франции отбывало воинскую повинность,как и все граждане страны.На солдатской гимнастерке,поверх,они всегда имели медный крест на такой же цепочке,размером дюймов в пять.Вели себя скромно.Они и отпевали умерших.А нет - капитан читал молитву,все повторяли ее вслух.Все это совершалось коротко,но очень чинно.

После мессы,за ворота крепости позволялось выйти за гробом только ближайшим начальникам.Японский же караул у выхода,пропускал шествие мимо, небрежно сидя на скамейках,свидетельствуя этим,и свое равнодушие и презрение. Здесь ждала похоронная колымага,запряженная парой кляч.Как только гроб был поднят на нее - аннамиты увозили усопшаго на кладбище,а сопровождавших безцеремонно водворяли опять во двор.О воинском погребении не могдо быть и речи.Это всех очень огорчало и оскорбляло,и воинское и религиозное сознание.Все это я испытал на себе,проводив нескольких умерших наших легионеров.Вид их от истощения был непередаваемо ужасен и угнетающе действовал на мораль живых.

— • —

Японския команды,на нашем дворе,производили упражнения в штыковом бое,на наших же глазах

В полном боевом снаряжении,с тяжелыми ранцами за спиной,в металических масках - они производили устрашающее впечатление своими дикими гортанными криками и свирепостью рукопашной схватки.В этих упражнениях они действовали очень энергично и ловко..Европейскому солдату трудно было бы устоять против японца в такой штыковой схватке.Японец легко идет на

смерть. Офицеры же, держа свою шашку-палаш двумя руками как винтовку со штыком, прыгая через окопы, что то дико выкрикивая - пронизывали чучело насквозь, бежали дальше, до следующего... Смотря на это со 2-го этажа - становилось жутко от подобных забав.. .

Производились и другия военно-спортивныя упражнения, на которыя японцы выходили совершенно голыми, с легкой подвязкой между ног.

Наблюдая их ловкость - я искренне любовался и восхищался. Армия у них поставлена прекрасно. Она является отличным союзником и страшным врагом.

— ° —

Несколько наших солдат самовольно, через стену, отлучились в город, что бы повидать своих "дам-аннамиток", легко живущих со всеми европейцами в качестве жен, хотя бы и на время. Их поймали. Со связанными руками позади, привязанные друг к другу веревками за шеи в одну шеренгу - их долго водили под караулом на-показ по всему двору. При этом грубо толкали в спины, угрожали штыками, а потом повели в город на военный суд. Что с ними стало - нам не известно, но после этого, охотников бежать уже не было. Физическая расправа у японцев - вещь обыкновенная, что французов особенно пугало, как недопустимое оскорбление и унижение личности. Но в тоже время, у японцев чувствовалась врожденная честность, порядочность и чистоплотность - физическая и моральная.

Два легионера моего взвода, убирая квартиру коменданта лагеря, японскаго лейтенанта - выпили его сладкий кофе и стащили пару ботинок. Нужно было видеть его гнев!

Он связал виновнаго веревкой руки назад и за шею так, что тот не мог делать движения. Вызвал командира роты капитана Вольтера и меня. В страшной ярости он рычал на него по звериному на своем языке. Потом снял с ноги свой сандалий на гвоздях и несколько раз ударил им по физиономии легионера. Ударял не сильно, но устрашающе, для вразумления. Мы офицеры, специально вызванные по этому случаю, присутствуя при этой сцене - молча, тяжело переживали свое безсилие. Нам было жутко и за самих себя...

Негодование офицера было понятно. У японцев, слуга с величайшей преданностью сделает все для своего господина, а наши легионеры - его обокрали, успев прослужить ему всего лишь несколько часов времени.

С точки зрения морали, а воинской в особенности - лейтенант был прав.

— ° —

Среди французских офицеров была исключительная корректность между собою. Капитаны, старшие комнат - были только искренними друзьями над своими подчиненными офицерами. Но что было странно - на обедах и ужинах - пищу из общаго блюда брали "по старшинству чинов", не стесняясь в выборах лучшаго кусочка мяса в 25 грамм каждый, и... на весь день

Во Французской армии нет чина штабс-капитана. Лейтенанты, прослужившие в этом чине, кажется 4-х лет - производятся в капитаны, но по удостоению начальства, не считаясь со старшинством. Поэтому у них производится "отбор лучших", для занятия должности командиров рот. Они являлись авторитетными офицерами, с которыми считались.

Жили же разбившись по своим полковым семьям, в кругу старых сослуживцев и хорошо знакомых людей. Жили очень дружно со свойственной французской корректностью во взаимоотношениях и уважением к личности другого, строго считаясь с рангом каждаго из окружающих. Офицеры и сержанты были освобождены от всяких работ и располагали своим временем, как им было угодно. Лишь несколько капитанов работали при японском штабе по управлению лагерем. Это были прекрасные люди и отличные офицеры, видевшие свою роль исключительно в том, что бы служить смягчающим буфером между японским командованием и заключенными. Их поведение в отношении своих товарищей было безупречно. Все считали, что они приносят себя в жертву ради товарищей и своего Отечества. Но для этого надо иметь культурный мозг

и доброе сердце,что бы понимать это.

Те,кто имел деньги и достаточное количество одежды и белья,как большинство чинов тех гарнизонов,которые капитулировали без боя - они жили без лишений,умудряясь через своих солдат добывать добавочныя продукты и,даже,сласти.С открытием же в лагере кооперативной лавки под руководством французских офицеров - для чинов с деньгами,вопрос питания потерял всякую остроту.

Всех удивило,как и обрадовало,что японцы,много времени спустя,стали выдавать жалованье пленным,но только офицерам,по чинам и по ставкам своей армии.Удивление вызвало и то,что жалованье их офицеров было так малое! И оно было таким скромным,что младшим чинам мало оказало поддержки,т.к.цены на продукты в кооперативе были высоки.

В ЛАГЕРЕ ДЛЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ.

Реальность же складывадась все более и более скверно для пленных. Капитуляция Германии вызвало вскоре резкое ухудшение всего нашего положения.Вначале японцы приказали посылать на работы и унтер-офицеров,вместе с рядовыми солдатами, а потом попытались принудить к этому и офицеров.Нашим французским командованием лагеря были представлены основательные доводы и приказ их был отменен,но японцы нашли другой способ к этому.

На работы в джунгли были отправлены много сотен солдат и сержантов, но под командованием французских младших офицеров.Отправляли,почему-то, спешно и за много десятков километров от Ханоя.Это всех обезкуражило и внушило тревогу.Это распыление пленных и изолированная жизнь в джунглях где люди целиком были во власти японскаго начальника,не имея возможности кому бы то ни было пожаловаться и искать защиты - не обещало ничего хорошаго.

За первой "пробной партией" - последовала отправка почти всего лагеря,за исключением старших офицеров,больных,слабых здоровьем и администрации лагеря.

1-го августа,с отрядом под цифрой "3.Б. /Три Би/,отправленном в порядке чрезвычайной спешности - попал и я,хотя по своему возрасту и не подлежал.Но я был "иностранец" во Французской армии и этого было достаточно...Назначение делал французский лагерный штаб.

На восьми камионах-грузовиках,по 30-ти человек в каждом,т.е.переполненых до отказа,под усиденной охраной - выехали в ночь не известно куда?Ехали долго,при чем многие из нас могли лишь стоять от тесноты.У всех скромныя пожитки.После полуночи,миновав какой то горный кряж-перевал - все были высажены в дремучем лесу.Офицеры легли вповалку в большой военной палатне без стен,просто,под каким то парусиновым куполом,а солдаты прямо на голой земле,под открытым небом,на полянках,в лесу.Ночью разразился ливень.Все промокли.Выйти и искать убежища от дождя,запрещено.В таком положении все ждали утра,в полной неизвестности - где мы?

Утром 2-го августа,весь наш отряд "Три Би" в 250 офицеров,сержантов и солдат,под проливным дождем,принялся строить себе сараи из бамбука, покрывая его листьями тропических растений.Мы начинали жизнь первобытных людей,или новых Робинзонов Крузо.Наш офицерский взвод в 20 человек,видимо,для большаго унижения - был назначен делать дорожки между бараками японских солдат и исправлять "их уборную".Протест был равносилен самоубийству...Сделали. А на следующий день,этому же офицерскому взводу приказано было построить большую уборную для всего нашего отряда.Но это были только "цветики"....Впереди нас ждало гораздо худшее.

Днем и ночью шли непрерывные дожди,будто и само небо было против нас.

Повсюду образовалась липкая глиняная грязь. Все мокрые. Сушить одежду и обувь было негде. Работали весь день, не считаясь с непогодой. Солнце не выглядывало. Скоро обувь у большинства пришла в полную негодность.

Бараки были построены на скорую руку. Мы торопились, что бы иметь "свой угол". Бараки были "тропическия" т.е. без стен, с одной лишь крышей из листьев. Посредине длинныя примитивныя нары из бамбува "голова с головой". Подстилка на них так же из листьев. Захваченныя с собою одеяла были единственной спальной принадлежностью. Количество багажа, который могли взять с собою - был ограничен до минимума. Все и во всем имели нужду. Общая кухня от дождя была устроена в какой то пещере-дыре, которую однако, заливала вода. Мокрые дрова не горели. Из дымной и чадной кухни-костра получали горелый и недоваренный рис без приправы жиров. Промокшие на работе люди не только что не могли высушиться и согреться на ночь, но не могли утолить и свой голод, так как пища была совершенно не питательна и не с,едобна по своему приготовлению. И ея было так мало....

От истощения и простуды люди стали болеть сразу-же. Медицинская помощь, при нахождении больных в тех же бараках под дождем, при отсутствии медикаментов, была безсильна. В первые же дни, число больных дошло до тридцати процентов наличнаго состава отряда.

Все поняли, что попали в совершенно безвыходную обстановку и что единственное наше спасение - продержаться до разгрома Японии. Ни на какое милосердие со стороны японцев, разсчитывать не приходилось.

Физическия расправы со стороны японских сержантов-надсмотрщиков стали не только что обычным явлением, но входили, видимо, в самую систему обращения с пленными. Весь режим на работах был, явно, построен на том разсчете, что бы пленные вымерли бы возможно скорее и своею смертью...

Начальником лагеря принудительных работ был худенький тщедушный лейтенант 43-х лет, как он нам сказал - призванный из отставки. Сам по себе он был, видимо, добрый человек, понимавший наше положение и склонный пойти нам навстречу. Но несчастье нашего отряда было в том, что наш собственный французский начальник, пожилой капитан Скаррамона, выдающийся шахматист и бриджист, человек хорошей культуры, оказался совершенно пассивным и робким человеком. Он целыми днями просиживал в нашем медицинском барачке закутавшись от сырости в свою шинель и безпрерывно курил.. К тому же - на весь отряд был один переводчик, русский легионер, так же вялый и простой парень из Сибири, который был совершенно пассивен, мало дисциплинированный и плохо знавший японский язык, зная то и свой русский - по-деревенски. Поэтому-то, наши просьбы и пожелания, передаваемыя только через него - слабо доходили до мозгов и сердец тех японских начальников, от которых зависила наша судьба. Мы тонули в полной безпомощности и изолированности в джунглях ото всего остального "Света Божьяго" и ненаходили выхода из своего трагическаго положения. А японская охрана, в связи с капитуляцией Германии Гитлера и японскими неудачами на фронте, свирепела с каждым днем.

Порядок дня был установлен, точно нарочно, такой, что бы как можно сильнее изнурять пленных.

Общий под,ем был в 5 часов 30 минут утра, еще в полной темноте ночи. Под постоянным дождем в горах, люди, переставшие походить на солдат, по скользкой глиняной грязи, выходили на шоссе и строились там по-взводно. Так, 250 человек нашего отряда "Три Би", разбросанные по своим, тщательно закамуфлированным от взоров американской авиации, баракам, выстраивались на протяжении одного километра и ждали, пока японский сержант медленно обойдет и проверит численый состав всех. При этом, ему командовали по-военному "Смирно!" После поверки расходились по своим баракам и через пол-часа получали по небольшой чашке горячаго кофе, или чая, без сахара.

В 7.30 снова выстраивались там же и под командой своих офицеров и японских надсмотщиков - уходили в лес на работу до 12-ти часов дня.

Скудный обед.Стоим в очередь,в грязи,с кружками,с тарелками у кого есть,с жестянками из под консерв....Жадно смотрим,когда нам наливают какую-то бурду...Тоненький листик мяса с отталкивающей плевой в 25 гр. проглатывается незаметно для вкусовых ощущений....И все это производится тут-же,стоя в грязи,т.к.негде сесть...

До 14-ти часов отдых.Потом снова на работу в заросли,ровно до 18-ти часов.В 19 часов ужин,но он гораздо хуже обеденнаго... В 20 часов вечерняя поверка,с которой расходились в полной темноте по своим печальным баракам из бамбука "без стен",что бы улечься спать,без огня,в свое сырое и холодное ложе,под струйками,протекающаго сквозь листву крыши,дождя.

Звери в этих джунглях жили с большим "комфортом" чем мы.А главное - они были на свободе...Хотя они и считались существами "неразумными".Мы же были люди,и люди "белой" Кавказской расы,т.е.европейцы.

Первый случай массового избиения произошел с семью "аджуантами" и аджуан-шефами,т.е. - младшими и старшими подпрапорщиками,носившими в мирное время офицерскую форму,лишь с маленькими отличиями от офицерской

Они опоздали к сборному пункту на работу.Японский фельдфебель,маленький,коренастый и ловкий,выстроил их всех отдельно перед строем солдат и зайдя с леваго фланга,молниеносными ударами кулаком в лицо - свалил всех на землю,"по-очереди"...Когда-же они поднялись и одели свои топи - он повторил ту же операцию с праваго фланга.Все это было проделано молча,очень быстро,решительно и безапеляционно,в сознании своего права. "Бил" чисто по-русски,с розмахом руки,что меня удивило - откуда это он так научился?. . Мы офицеры,стоя на фланге,при виде этого,застыли на месте.Наши капитаны совершенно растерялись,некоторые побледнели и ни чем не реагировали.Это показало лишний раз наше безправие и отсутствие всякой защиты от произвола.

Все наши сержанты и офицеры,работали как и солдаты.Освобождались от работ только капитаны,но они обязаны были присутствовать на работах в качестве командиров своих взводов.

Мне не повезло.Я был назначен помощником командира взвода авиаторов. Это были все сержанты и подпрапорщики.большие специалисты в своем авиаторском деле,но ни топором,-и лопатою - владеть не умели и не хотели научиться как с ними обращаться?Они знали мое прошлое в Русской армии и относились ко мне с большим уважением,особенно после того,как увидели,что я ловко обращаюсь с этими инструментами,стараясь выправить их недочеты,что бы "покрыть их" перед японским надсморщиком.Да и летами я годился им в отцы.На мои дружеские упреки - они откровенно сказали мне, что по своему положению летчиков - они получали жалованье и дополнительное вознаграждение "за полеты на авионах",более чем в два раза жалованья своих офицеров,поэтому они совершенно не привыкли к физическому труду и не имеют никакой сноровки в обращении с лопатой или топором."А вот дайте нам техническое дело - тогда мы покажем"... с горделивой скромностью ответили они.

Это мое назначение во взвод "привиллегированнаго рода войск",и явилось косвеной причиной всех моих последующих злоключений.

Началось с перваго же дня.Взвод авиаторов жил в километре от нашего офицерскаго барака.Первый раз после работ,считая,что я могу идти от них прямо к себе - задержался у дороги.Надсмотрщик капрал резко позвал меня к себе.Я быстро подошел к нему;он злобно зарычал на меня,указывая рукой мое место в строю.Не успел взвод тронуться с места - как я получил сзади удар по плечу бамбуковой палкой.Как ужаленный,я обернулся "для протеста",но получил быстрый и сильный удар уже по голове.Краска стыда перед своими авиаторами,и личной обиды,залило мне лицо.Но мои полные гнева глаза - встретились с еще более злыми глазами японскаго капрала.

Я почувствовал... я сразу понял,что всякая попытка моего протеста,приведет к еще большим неприятностям сейчас-же и после этого я попаду в положение систематически преследуемаго невольника.И я сдержался.Все это пронеслось в моей голове молниеносно.И все это "разыгралось" на-ходу и очень быстро.И я,не разсуждая - двинулся впереди своего взвода и...для вразумления - получил третий удар по голове,но уже более легкий.
Такое безсмысленное унижение! и со стороны кого-же?И я шел,подавляя клокочущее внутри рыдание безсильнаго гнева.

Я стараюсь изучать японских солдат.И среди всех их,окружающих нас здесь теперь,даже самых непрезентабельных по своему внешнему виду и служебному положению - я видел только сознательное унижение нас,старание найти повод для новых придирок,нескрываемую злобность и внимательную постоянную слежку за нами.Я не нашел среди них ни одного "глупаго солдата",т.е.глупаго по-солдатски,добродушнаго и равнодушнаго к тому,что происходит вокруг него.Все они были всегда "на-чеку" в отношении нас, прощупывая своим глазами не только снаружи,но и стремясь проникнуть в наши души,что бы побольше знать нас и придраться к чему-либо.Наш же капрал был образцом в этом отношении.Он был постоянно нудно придирчив. Он всегда "пищал",а что ему было надо - мы не могли понять.Он всегда и во всем понукал нас.И как счастливы были мы,когда он отсутствовал.И хотя я видел,что он высоко ценит мою ловкость и работоспособность,но мне от этого не было легче,т.к.он "наваливал" на меня столько работы,точно я должен был сделать все и за своих подчиненных.

На наш протест и здесь,что по международному закону,офицеры не должны назначаться на работы - помощник лагеря,лейтенант,очень тактично сослался на то,что в Японской армии,физический труд обязателен и для офицеров,указывал,как пример,на самаго себя.И действительно - он работал наряду со своими солдатами.

Японцы очень трудолюбивы и ловки.Мы сами видели,как их бравые сержанты,когда у кого-либо из наших что не клеилось в работе - они выхватывали из рук топоры или лопаты и в несколько минут выполняли работу с такой ретивостью и с таким умением,что можно было прийти в восторг. Но они работали,ведь,для себя,а мы?... К тому же,вся эта работа была впустую: мы строили японцам "опорные пункты",в разсчете на появление противника из Китая.
Проламывая девственныя заросли каких-то трав и камышей среди кустарников,где быть может и нога дикаго зверя не ступала - мы взбирались на возвышенности и строили там из бревен наблюдательные пункты.А их сержанты,с топографическими картами в руках - что-то планировали.Возводить все это в джунглях,при наличии мощной американской авиации в Китае - было совершенно безсмысленно,но японцы занимались этим планомерно и энергично.

Потом мы узнали,что наш "Лагерь принудительных работ",находился на 54-м километре от Ханоя,в направлении на город Хоа-Вин,который жуткой славой вошел в летопись французской борьбы в Индо-Китае.

— • —

Я остался совершенно без обуви.Летом,во Французских колониальных войсках и в Иностранном Легионе,обувью были "сандалии"Лично у меня,другой обуви не было.От постоянной мокроты и грязи - они совершенно разлезлись Что бы ноги держались в них - я обвил их многими рядами проволоки,как броней.Офицеры,имея ботинки,смеялись надо мною,но я был доволен,что "не босый".А что бы ложиться спать в сухой рубашке - работал с обнаженным торсом,в одних тропических "шортах" /брюк до колен/.Поэтому,мой вид

в строю, привлекал внимание японцев. Я был силен и спортивно сложен. Что бы избежать мелких ненужных неприятностей - держался с японцами чисто по-воински, но сдержано. Думаю - и гордо. Это, как я убедился потом, не всем им нравилось. Гордый?... ну так мы тебя укоротим! - девиз их.

Однажды, мой взвод свалил в зарослях большое дерево и его надо было разрубить на части, для блиндажа. Японский сержант торопил с работой. У нас, на весь взвод, было только два "секача", ножа-топора, но один из них без рукоятки. Один из моих сержантов-авиаторов, неловко и беспомощно рубил толстый ствол. Что бы не навлечь на него репрессий, я взял от него секач, и принялся за работу, сидя рядом. Был я, обычно, без рубахи. Японский сержант, проходя мимо, неожиданно ударил меня сзади по спине бамбуковой тросточкой, и при том очень больно, словно в восхищении от моей работы, и быстро прошел дальше. Я вскипел и громко выругался по-французски, зная, что он ничего не поймет. Но он немедленно же вернулся ко мне и нанес удар по левой руке, которой я опирался на бревно для удобства работы. И надо было случиться так, что небольшим сучком на его тросточке, он попал в самую вену на кисти руки. Брызнула кровь и остановить ее не чем. Высосав рану - перевязал ее носовым платком. До вечера я оставался на работах, а на утро кисть руки распухла вдвое. Но главное - вся боль перешла, почему-то, под мышку. Отрядной врачь установил, что у меня задет нерв и началось заражение крови. А тут, как раз, подошел очередной приступ тропической малярии. И начались мои страдания от двух недуг. От боли в руке, я не могу повернуться с боку-на-бок, а от малярии - то замерзал, и трясся всем телом, то изнемогал от сильнаго жара и обливался потом. И все это происходило в сырости, под дождем, в грязи и тесноте на общих нарах, где каждому из нас было отведено место в 70 сантиметров шириною. Медицинской помощи почти никакой. Одна надежда на сопротивление здороваго организма.

Заболел я 12-го августа. Через 2-3 дня, как-то, выглянуло солнышко и, обрадованный этим, оделся и вышел на дорогу немного согреться под его лучами. Но откуда-то появился наш злой капрал, что-то промычал и ткнул пальцем на наш барак в лесу. Я не понял его и, в своем болезненном состоянии, не обратил внимания. Через 10 минут он вернулся, и свирепо зарычал, вновь указывая на барак. Теперь я понял, что он требует идти туда. Я показываю ему на солнце и на свою больную руку в перевязке. В ответ на это он ударил меня палкой два раза по плечам и снова указал на барак. Спорить было безполезно. И через грязный ров - я поплелся в сырой грязный наш офицерский барак с чувством острой обиды..

— • —

Японцы придумали новое издевательство: - команды нашими капитанами для встречи японскаго сержанта на поверках и разсчет "по-номерам" - должен производиться на японском языке. Капитаны кое-как выучили необходимыя слова, но нумерацию никто не мог запомнить, т.е. знать числа до 25-ти. Было смешно и печально. Мне помогли те скудныя познания, которыя я приобрел в первые дни своего плена, чем и выручал соседей. На наше счастье, заменявший начальника лагеря сержант, не в пример другим, оказался добрым человеком, и отнесся к этой процедуре, как к комедии и искренне смеялся над ошибками всех. Но для многих это было нестерпимоо оскорбительно служить мишенью для подобных шуток. Скоро это было отменено.

АРМИСТИС.../Перемирие/.

И вот, в такой обстановке, настало 18 августа 1945 года. День был отличный и, как никогда, солнечный. К нашему удивлению - на работы не послали. Я заметил, что японские солдаты, как будто избегают встречи с нами. А не так давно, их лейтенант, предупредил нас не выходить на дорогу, т.к. у них

"очередное веселие солдат",полагаемое один раз в две недели и пьяные лю ди склонны к драке с посторонними,в особенности с пленными.

В Японской армии оригинальные порядки.Для развлечения и поднятия духа - один раз в две недели,нижним чинам привозят в казармы спиртные напитки и позволяется широкое веселие "всю ночь" - закрытое,в своей среде Подобное веселие мы ощущали в Цитаделе,когда из казарм их караула,неслись совсем не музыкальныя громкия песни,пугавшия нас в своем шумном разгуле.Так же они веселились шумно и здесь,в джунглях.

Части имеют свои "чайные домики"-рестораны с примитивными "гейшами", где все реклямировано "по таксе" и где отпускные солдаты получают полное удовольствие в нормальной национальной обстановке.Учреждения-рестораны эти - "закрытые" и только для своих солдат.Наши легионеры,склонные к разным авантюрам,еще до войны с ними,зашли в такой чайный домик,но их оттуда удалили силой.

Так вот - после подобнаго кутежа в джунглях и безцеремонной расправы японских сержантов и солдат со своими пленниками - смирение их нас удивило.А 19-го утром,наши надсмотщики,сами отправились в лесь и принесли на своих собственных плечах, все оставленные там наши рабочие инструменты.

В моем сознании,при виде этого,молнией пронеслась мысль: - "Япония капитулировала".Но это было слишком радостно,что бы поверить без прямого подтверждения.Сами же японцы молчали и нам не откуда было получить столь желанную весть.

20 августа,после обеда,нам и соседним отрядам подали грузовые камионы и,нагрузив их до-отказа,отправили под сильным конвоем на север.Потом свернули на запад.Мы терялись в тревожных догадках - куда нас везут?

Всех камионов набралось до 30-ти.Так достигли мы окрестностей,столь знакомых нам по маневрам,возле Тонга.Здесь надолго остановились.Потом последовал приказ: -"Всем сесть на дно камионов!" Сели.Камионы покрыли сверху тяжелыми военными брезентами.Высовываться из под них строжайше запрещено.

"Уж не на разстрел-ли везут нас?" - спрашивали некоторые из нас друг друга.

Чутко прислушиваясь к движению - мы определили,что выехали снова на шоссе и свернули на восток.Сомнений не было - нас везут в направлении к Ханой.

Теснота в камионах была неимоверная.Мокрый брезент не пропускал воздуха.С рукой на перевязке и в малярийном жару - я не выдерживаю и время от времени приподнимаю брезент головой,что бы дохнуть свежим воздухом и в щель определить - где мы находимся?

Два японских солдата,с винтовками в руках,сидят сверх кузова шофера и внимательно озираются кругом.Дважды получаю удары прикладом по голове, но на мне толстый тропический шлем и он смягчает удары.

Уже вечереет.Наш камион головной.В предместье Ханой он останавливается перед вышедшим нам навстречу японским танком.Опять проносится мысль: - "Разстреляют из танка.. для скорости".. И последовал новый строжайший приказ - "Не высовываться!" Нас сопровождает танк.

Тронулись в самый город.Отлегло от сердца.Я продолжаю наблюдать в щель боковой стены камиона.Знакомыя улицы.В аннамитских домах яркое освещение, словно у всех какое-то торжество..Но нам все это еще непонятно.

Наш транспорт продолжает идти вперед,точно гигантская змея.Я напрягаюсь в своем наблюдении в щель,горя желанием определить - куда нас везут?Офицеры-соседи,скорчившись в массе на дне камиона - поощряют меня.

Вот наш головной камион с одними офицерами,сворачивает налево,минует дворец начальника дивизии и входит в ворота Цитадели.Японский караул быстро открывает наш брезент.Я вскакиваю на ноги и вижу у камиона французскаго начальника лагеря,давно знакомаго еще по маневрам,полковника

Жайе,ласково улыбающагося сопровождавшим нас двум японским солдатам.Не ожидая приказания или разрешения,как самый крайний в камионе - соскакиваю на землю и бросаю полковнику вопрос:

"Кес ке се са,мон Колонель?" /Что такое господин Полковник?/

"Армистис,мон шер ами!" /Перемирие мой дорогой друг!/,весело отвечает он.

"УР-РАА!" кричу я по-русски сидящим еще в камионе товарищам-офицерам и те,с радостными восклицаниями,спрыгивают на землю и окружают полковника,еще мало веря его словам.

Все смешалось в порыве радости,которая передается в следующие подходящие камионы. Шум,гам,несутся восторженныя восклицания! Мы теперь уже нисколько не боимся своих жестоких конвоиров,а они добродушно и широко улыбаясь в свои некрасивыя лица - ничем враждебным не реагируют на нашу радость.

О,какой счастливый был этот момент,после недавних еще страданий!

Полковник торопит наших капитанов вести свои взводы к кухням,где нас ждет улучшенный ужин.Мы не идем,а летим веселым шагом по столь знакомому нам "двору пленных".Все здесь представляется нам таким милым и приятным,как никогда в жизни.Знакомые офицеры и солдаты,остававшиеся здесь смешиваются с нами и на-ходу поздравляют нас и сообщают новости:

""Атомная бомба!. Атомная бомба все сделала!" кричат одни."Армистис пришел по телеграмме из Токио!"расказывают другие

И выяснилось: - Японцы укрыли нас брезентами потому,что бы скрыть от аннамитов,опасаясь их нападения на нас,как на французов,т.к.они объявили свою полную Государственную независимость от Франции.Американская военная миссия,прилетевшая сюда из Китая,из Ставки Фельдмаршала Чай-Кан-Шека - обязала капитулировавшую японскую власть доставить всех пленных в Цитадель живыми и невредимыми,под их японской строжайшей ответственностью,защищая пленных от аннамитских войск и партизан.Вот почему они и накрыли всекамионы брезентами,словно везли военный груз,а не живых людей.

В этот вечер нас вернулось несколько сот человек.Мы стоим перед кухнями в вольном строю,снова свободные и независимые,преисполненные радостью и ждем,как лакомства,после стольких месяцев хроническаго недоедания - ждем нормальный человеческий ужин.Но аппетита особеннаго нет.Радость освобождения отбила остроту и ощущение голода.Но это продолжалось только до того момента,пока не были наполнены наши котелки очень вкусным наваристым густым супом.А за этим последовало много отлично отвареннаго белаго риса заправленнаго салом и много бананов.

Поужинали. Нас развели по баракам.Несмотря на усталость - никому не хотелось спать.Хотелось поскорее найти друзей и говорить с ними обо всем без конца,с радостным сознанием,что страх исчез и что окончились наши унижения. И глубоко за полночь продолжалось такое ликующее настроение,охватившее абсолютно всех без искл ючения.

В том же приподнятом настроении проснулись мы 21-го августа.Все ожили,словно воскресли из мертвых.В тот же день,к нам в Цитадель прибыли американские офицеры-летчики,эллегантно одетые,и совсем не по-тропическому;с прекрасными карабинами и револьверами. Мы толпами окружали их и

жадными глазами разглядывали,точно они были существами из какого-то другого міра. Победителей,ведь,всегда приятно видеть!

Но час нашего полнаго освобожденія еще не настал.Оторванные от внешняго міра - мы не знали,и не предполагали даже,что Индо-Китай об,явил себя Независимым Государством,и мы,французския войска,разсматриваемся этим государством как его злейшие враги.Всем приказано оставаться в Цитаделе до выяснения общей политической обстановки,до прихода китайских войск Чай-Кан-Шека,которыя сменят местные японские гарнизоны.Но и это нас не огорчило.Мы ждали того момента,когда будут открыты ворота Цитадели и к нам придут наши семьи... Через несколько дней "они пришли". Их было много тысячь: - жены,дети,родные,друзья...Все принесли с собой узлы всевозможных лакомств и еды.Трудно передать радость свидания после такой долгой разлуки,да еще в обстановке,полной ужасных тревог,опасений мучительнаго безпокойства и реальных опасностей.И только теперь мы впервые узнали о произшедших в Индо-Китае событиях,после атаки японцев в марте месяце;о настроении туземнаго населения после провозглашения независимости и как это отразилось на их поведении в отношении всех французов вообще,и семейств военных в частности.Но странно было видеть,что две-трети наших посетителей,составляли те же аннамиты,от имени которых раздавались требования "изгнать поскореее отсюда французов,изгнать навсегда из этой страны".Здесь были жены-аннамитки наших военных,их друзья и просто знакомые.Они были равноправными посетителями этой громадной общей семьи,одушевленные неподдельной радостью свидания.И на их лицах нельзя было прочесть ни малейшаго следа "политическаго обострения" или нетерпимости к французам.Ласковыя приветливыя и изящныя,в своих национальных летних легких шелковых костюмах,аннамитки - они своим присутствием усиливали нашу радость и украшали еще более наш праздник освобождения.На тротуарах громаднаго двора Цитадели,в часы посещений,открылся настоящий "базар".Появился открыто в продаже напиток "шум-шум".От такого изобилия,и всем доступнаго - все невзгоды - как рукой смахнуло все переживания бывших пленных.И только выражение пережитых душевных страданий на лицах наших жен и детей, их заострившиеся черты лиц,их худоба - ясно говорили нам о тех тревогах,лишениях и обидах,которыя выпали на их долю за полгода японской оккупации.

Наш лагерь скоро посетил начальник американской авиации,прибывшей из Китая,полковник Нордиллингер.В 1-ю Міровую войну он был молодым офицером на французском фронте и свободно говорил по-французски.Во дворе,при огнях,собрался весь лагерь без строя.Пояснив общую военно-политическую обстановку в Европе и в Азии,и справедливо упрекнув французское командование здесь за недостаточно проявленную сопротивляемость японским войскам - он обещал сделать все от него зависящее,что бы обезпечить наше положение и ввести жизнь всех в нормальное русло.

— • —

Скоро разрешен был отпуск к семьям,в город.Но,как странно и,вначале, непонятно для нас было: рекомендовалось выходить только группами и идти только по определенным улицам,из боязни нападения на нас жителей.

Аннамиты очень добрый и покладистый народ.Они были доминирующим народом в Индо-Китае,имея своего Императора Боа-Дая и находясь,как государство,под протектораттм Франции.Северный район,Тонкин,считался завоеванной провинцией Франции.Нельзя сказать,что бы французы хорошо обращались с населением,столь миролюбивым по натуре и по религии Будизма. Но в то же время - никто не мог предположить,насколько у них было развито чувство Государственной независимости,а отсюда и ненависть к французам. И все это мы сразу же испытали на себе,как только пошли в отпуск...

Еще находясь в Цитадели,с балкона 2-го этажа,мы видели проходившия по улице небольшия воинския части новаго Аннамитскаго национальнаго правительства,с желтыми флагами и "красной звездой" на них в одном углу,которыя не вызывали у нас критическаго отношения-взгляда.Во Французских колониальных войсках были целыя части,составленныя из аннамитов,при офицерском и унтер-офицерском составе из чистокровных французов,как и было некоторое число офицеров и сержантов из чистокровных аннамитов и других народо Индо-Китая.Желтый цвет являлся их национальным,но он оказался "переходной ступенью к красному",уже чисто политическому.И когда офицеры,группами по 10 человек,пошли в отпуск к своим семьям,по единственной указанной улице - в них полетели камни озлобленнаго населения.

Прибыла наконец 48-я Китайская армия Чай-Кан-Шека,что бы сменить побежденную Японскую и держать порядок в Тонкине до заключения мира.Густыми постами она обволокла Ханой,словно паутиной,и под ея охраной,французы легко вздохнули и почувствовали себя в некоторой безопасности.

В светло-синих куртках и штанах,с маленькими игрушечными ранцами на спинах,как у школьников,мелким частым шагом - густою колоною проследовал один из баталионов по улице.Дробные и очень молодые солдаты.На лицах ничего не написано.Безмолвное стадо в строю,но однообразно одетое. Все офицеры в защитных мундирах хорошаго качества,с красными петлицами на воротниках окаймленных желтым кантом.На них золотыя звездочки,указывающие их ранг.Впечатление от офицеров отличное.

Случайно познакомился с двумя подполковниками этой Китайской армии. Один генеральнаго штаба,другой начальник всей артиллерии армии.Узнав что я "русский и белой армии" - отнеслись исключительно сочувственно, как к ближайшему соседу по-государству и идее.Они знали 10-15 слов по-английски и столько же по-русски.Щедро угощали мою семью и были у нас в гостях.Они предупредили нас,что бы мы,проходя мимо их часовых на всех углах улиц - не смотрели бы на них и держались бы подальше.На вопрос - почему? - смущенно ответили:

"Наши солдаты из сел....почти полу-дикари .и могут легко пустить в ход оружие,не отдавая этому отчета".

Через несколько дней,так и случилось: французский военный камион наскочил на военный же китайский,на главной улице Поль Берт,в большой праздник,при толпах гуляющаго народа.Офицер-китаец дал какой-то сигнал и все часовые открыли немедленно-же огонь по военным.В результате,на улице,было убито около десяти французских солдат,безоружных,отпускных.

Китайцы ненавидят и боятся японцев.Японцы же - презирают китайцев. Это есть вечная национальная вражда.Я представлял,что с прибытием Китайской армии - она буде мстить и терроризировать побежденных японцев,о чем и спросил одного подполковника генеральнаго штаба,китайца В ответ он улыбнулся и ответил:

"Нет!"

"Почему?" - допытываюсь.

Он повел пальцем по внешней стороне своей ладони и тихо ответил:

"Сейм коллар",т.е. - мы люди одного цвета кожи.

"Азия для азиятов",оказывается,есть девиз и у китайцев....

При таком положении политической ситуации - французские пленные и жители "висели" в безвоздушном пространстве.

"Элизэ!" вдруг я слышу на торговой улице,кто-то окликнул меня.

Оглянувшись - увидел своего "монгола", в чистом военном мундире, но без сабли. Он быстро подошел ко мне и взял под-козырек. Я подал ему руку. На петлице воротника мундира - я увидел три золотыя звездочки. Заметив это, он быстро сказал:

"Ай эм капитен нау!" /Я теперь капитан!/Сказал радостно, как повышение в чине, а я подумал: - к чему теперь это повышение, когда страна побеждена? Радости, ведь, никакой от этого!

Спрашиваю его о капитане Намеки, о докторе Вотанаби, лейтенанте Сано. Они разоружены, но находятся на свободе. Вдруг он делает очень быстро шага три в сторону от меня и исключительно отчетливо взял руку под-козырек. Кому это он?- удивлен я, когда возле нас никого нет! На противоположной стороне улицы, шел очень молодой китайский офицер, засматриваясь в витрины магазинов, который совершенно не смотрел в нашу сторону.

"Почему?" спрашиваю его.

"Есть приказ по Китайской армии, что все чины Японской армии - обязаны отдавать честь всем офицерам Китайской армии, не считаясь с рангами.

— • —

Мы с жадностью читаем аннамитскую газетку на французском языке - "Ля В е р и т э", что бы хоть из нея узнать - что же твориться в Европе и во Франции после войны? И прочитываем перлы:

"Император Аннама Боа-Дай заявляет, что он предпочитает быть простым человеком в Независимом Аннаме, чем Императором под Французским протекторатом".

Сейчас он Первый Советник главы краснаго правительства Хоше-Мина.

Тут же следует заявление его супруги, Императрицы большой благотворительницы, что - она предпочитает быть простой сестрой милосердия в Независимом Аннаме, чем Императрицей под Французским протекторатом.

Сейчас она работает простой сестрой в своем аннамитском госпитале.

Японский взвод солдат в 30 человек, занимал в Китае, под Ханькоу, сопку. Китайцы наседали. Весь взвод был перебит. В плен попался только один солдат, у котораго металическая каска была пробита пулями в нескольких местах. Допросив его - дали есть. Он не ест и ни на кого не смотрит.

"Почему ты не ешь и такой скучный?" спрашивает китайский офицер.

"Мне стыдно..." - отвечает он.

"Почему стыдно?"

"Все мои товарищи убиты, а я один остался в живых, вот почему мне и стыдно", ответил он, не поднимая глаз.

Раненаго японскаго офицера китайцы взяли в плен. Когда он выздоровел, то прибыл на то место, где был ранен и взят в плен - и сделал там над собою "харакири".

Читаем мы все это, удивляемся, даже смеемся, мы, еще полупленные и думаем: - Какой, все же, загадочный Восток!

— • —

Верные традиции товарищества - французский части, отошедшие в Китай - немедленно-же связались с нами. Особенно тепло и сердечно проявил это наш полк Иностраннаго Легиона. Оттуда прилетел командир 5-й роты капитан Бессе. Стали подводить итоги потерям. На долю нашего полка выпало особенно много.

В боях, и от японскаго террора, убито 5 офицеров и 7 ранено. Из трех баталионов, ушедших в Китай, там был составлен только "один" в 700 легионеров. Около 800 легионеров оказалось в плену. Столько же погибло в боях.

Характерный случай: - Японский отряд,заняв городок,где находился "Дисциплинарный взвод" /Сексион специаль/,т.е.легионеры,осужденные по суду не менее как на шесть месяцев - штыками перекололи всех 80,пощадив только сержантов-надсмотрщиков. Они,видимо,считали,что осужденный судом солдат, - является негодным и вредным элементом и подлежащим уничтожению.

Из наблюдений - должен подчеркнуть,что в Легионе очень легко попасть под суд.И батальонный офицерский суд строг и пристрастен над легионерами.И делалось это для острастки.Но осужденный легионер совершенно не теряет своего солдатскаго лица перед своими товарищами и ему все сочувствуют.И в данном случае - там погибли,под японскими штыками,совершенно невиновные легионеры,которых искренне пожалели и офицеры,может быть судившие их. Жуткий факт...

— • —

Все пленные живут в Цитаделе,теперь приняв подлинную военную организацию по-полкам. Они не вооружены.Охрану их от аннамитов несет Китайская армия.

Семьи военных живут в Ханое,куда их доставили,еще японцы,со всех гарнизонов,охраняя от аннамитскаго населения.У большинства - все разграблено чернью.Мне не жаль разграбленой квартиры,с новой модерной обстановкой "из чернаго дерева",но жаль казачье седло и кавказскую шашку в серебряной оправе,украшавших мою "кунацкую".Это были "мои инструменты", на которых я зарабатывал много лет деньги на джигитовке по всему міру и содержал семью.Они мне дороги как память,как родное свое казачье,кавказское.О них я думаю и теперь. .Возможно,что они в национальном музее там,как трофеи... Шашка в особенности,т.к.на рукоятке из чернаго дерева,чернаго как смоль и твердаго как бычий рог,серебряный инициал Императора НИКОЛАЯ 2-го,а вокруг,змейкой - так же серебряная пластинка,на которой было выгравировано - "За храбрость".

Императорский приказ указывал,что все офицеры должны носить на эфесе сабли инициалы того Императора,при котором получили первый офицерский чин.Произведенный в офицеры в 1913-м году - я носил инициал Императора НИКОЛАЯ 2-го.Надпись же "За храбрость" - это была моя первая боевая награда,за первый бой с турками,в первый же день войны,19-го октября 1914 года - Святая Анна 4-й степени - красный темляк на шашку с тою надписью на рукояти.

Седло же имело настоящия кавказския стальныя стремяна с мягким звоном.Обе эти предмета - седло и шашка - были исключительно дороги,и как вещи и по воспоминаниям.Поймет-ли кто это?!

— • —

По замирению - вся власть в Тонкине была под протекторатом начальника американской авиации,прилетевшей из Ставки Чай-Кан-Шека,Полковника Нордиллингера.В освобожденной Франции,Главою Государства стал Генерал де Голль.Все наши генералы,на авионе,вызваны в Париж,в том числе и наш командир полка подполковник Беллок.Париж считал действия их здесь против японцев,не-достаточно активными.Командиром полка назначен Коман-дан здешних колониальных войск,бывший так же пленым

Из Китая,от командующаго Французскими там войсками,пришел приказ о награждении отличившихся в боях против японцев.Среди пленных легионеров их оказалось немного и только два офицера - автор этих строк и су-лейтенант /подпоручик/из подпрапорщиков,старый легионер,бельгиец

В просторной канцелярии,командир полка собрал всех офицеров-легионеров,свыше десяти человек,и отличившихся - нас двоих офицеров и 4 или 5 сержантов и легионеров.Приказ о награждении начал читать с низшей степени награды,с указанием подвига.Я не ожидал,что я награжден высшим

высшим боевым Орденом среди отличившихся легионеров. /Во Французской армии Ордена жалуются одинаковые,и офицерам и солдатам,Ф.Е./.

Прочитав обо всех награжденных - Командир полка остановился и посмотрел на меня.Он знал,кто я таков был в Русской армии.Читает дальше:

ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ.

Честь и верность.

Доблесть и дисциплина.

Выписка из приказа № 889/ДМ,9-го апреля 1945 года.

"Генерал САБАТТЬЕ,Командующий Французскими войсками в Китае - приказом по корпусу -награждает ВОЕННЫМ КРЕСТОМ с золотой звездою /2-я степень/ ЕЛИСЕЕВА Феодора,Лейтенанта 5-го пехотнаго полка ИНОСТРАННАГО ЛЕГИОНА Французской армии".

"Офицер ЛЕГИОНА исключительнаго хладнокровия,своим спокойствием и презрением к опасности - вызывал восхищение среди своих подчиненных во время ежедневных боев,бывших с 20-го марта 1945-го года.

Тяжело контуженый 2-го апреля 1945 года,когда он командовал взводом в арьергарде,прикрывая отход баталиона под жестоким и близким огнем противника. - Числить без вести пропавшим". /перевод с французскаго,Ф.Е./

— • —

Слушая описание моего подвига - мне было неловко.Мне казалось,что "реляция" сгущена.Хотя реляции всегда,и во всех армиях,часто пишутся похвально,не совсем соответствуя подвигу.

После прочтения,как принято во Французской армии - Командир полка и офицеры подошли с поздравлениями,пожимая руки всем награжденным,даже и "нижним чинам".

Но это не столь важно.Важно то,как я был вознагражден офицерами полка,с которыми был в походе и в боях и которые ушли в Китай.

От своего Командира 7-й роты,капитана Куран,я получил несколько лестных писем,принесшим мне большое моральное удовлетворение,выдержки из которых,относящиеся к делу - помещаю:

"Мон шэр Элизэ! / Мой дорогой Елисеев? /

"Я только что узнал из полученнаго здесь,в Китае,письма,что Вы находитесь в "Цитаделе":будучи раненым - Вы добрались в Ханой.

Эта радостная новость была для меня неожиданной. Могу Вас уверить, что я не ожидал уже Вас больше увидеть,или о Вас услышать,на этом Свете,так как почти не сомневался,что Вы были убиты,или,по крайней мере, брошены тяжело раненым вместе с другими Вашими ранеными легионерами на дороге и добиты японцами. Я видел Вас покрытаго кровью и считал погибшим. К счастью - это не так!

Ваше заключение в плену окончено.Представляю себе Ваши моральныя страдания,которым Вы подвергались за эти пять месяцев заключения".

"Мне особенно приятно Вам сообщить,что приказом по корпусу,Вы награждены "Военным Крестом 2-й степени с золотой звездой", и с очень похвальным описанием Вашего подвига. Это описание,которое составлено мною - - является точным и действительным свидетельством.

После 2-го апреля,наша рота понесла еще большия потери и,особенно, Ваш взвод. Убиты все Ваши сержанты и капралы.

Капрал-шеф Колерский,котораго Вы вынесли из боя - умер в ту-же ночь на перевязочном пункте от потери крови.

Вообще,что касается Вашего взвода - он все время продолжал давать мне полное удовлетворение".

Искренне Ваш,Капитан Куран.

Получив это первое письмо - я немедленно же ответил ему подробно о трагическом для меня дне 2-го апреля 1945-го года,на что получил следующий ответ:

"Прочитав Ваше письмо,я теперь понимаю,почему вы были осыпаны пулеметным огнем японцев при переходе моста. Я ведь потерял там трех лошадей с патронами,которыя шли впереди Вас! Вначале я не хотел верить коноводатым,но теперь признаю, что их первыя показания оказались верными,- что японцы находились вблизи от моста".

"1-го мая,наша рота была отрезана от баталиона и окружена японцами,но пробилась,а к баталиону присоединилась только через 16 дней, уже в Китае. В этом бою я потерял восемь человек из командного состава, и почти все они из Вашего взвода".

"Время,проведенное в боях вместе с Вами - крепко связали нас с этой отличной ротой,которой я имею честь командовать. Все держали себя замечательно".

"Уверяю Вас,что все мы сохраняем о Вас отличную память как о прекрасном солдате и шикарном товарище /"Дю бон сольда э дю шик камарад" - дословно в письме,Ф.Е./ - каковым Вы и являетесь в действительности".

"Мы часто говорили между собою "о Вашем возрасте",который по Вашему физическому состоянию - никак не превышает 30-ти лет.

Ваше поведение в боях всегда было как прекраснаго и отличнаго солдата,когда Вы были у меня на службе,пред моими глазами. И я являюсь наиболее авторитетным судьей Ваших действий вместе с немногими своими легионерами оставшимися в живых и бывших в боях с Вами и со мною".

В ожидании радости вновь встретиться с Вами, прошу верить в мою искреннюю дружбу к Вам.

Капитан К у р а н.

— • —

Встретиться со свои Командиром роты,с Капитаном Куран - мне не пришлось.Из Китая - всех их отправили во Францию. Потом стало известно,что Капитан Куран,за те же бои,награжден Командорским Орденом "ЛЕЖИОН д,ОННЕР",носимый на шее,так как уже имел раньше тот же высокий орден,украшавший его грудь.Во Франции,этот Орден дается чрезвычайно редко.Им награждаются не только военные и за боевыя отличия,но и гражданския лица "За ученую степень" и другия заслуги перед Государством.

Я был рад за своего Капитана Куран.

КУРЬЕЗЫ...

Как видно из фото-копии приказа - я был награжден 9-го апреля,т.е. семь дней спустя,после своей гибели.Уведомление же об этом пришло в Ханой только в сентябре.Это были "первыя награды" среди военно-пленных.

Как указал выше - все французские гарнизоны были атакованы японцами и разоружены в одну и ту же ночь.Некоторые из них оказали сопротивление.Несомненно - были и подвиги,но они еще не были отмечены "реляциями",т.к.все попали в плен.Уже весной 1946 года,когда в Ханой прибыла моторизованная дивизия Генерала ЛЕКЛЕРК -дано распоряжение представить отличившихся.

На 500 пленных офицеров в Ханое - только два офицера-легионера попали сюда из похода,из боев и ранеными,это были - 3-го нашего батэлиона су-лейтенант /подпоручик/ из старых подпрапорщиков,бельгиец Маргюери и автор этих строк.Из колониальных частей - никто в походе не был,как и не было среди них и раненых.

Наш су-лейтенант бельгиец - был награжден,вместе со мною,Орденом КРУА де ГЭР с серебряной звездой /3-я степень/.Особенно отличившихся - разрешено представить к Ордену "ЛЕЖИОН д,ОННЕР" /Легион Чести.- установленый Наполеном 1-м/.

Комендир Офицерскаго баталиона,Командан /Майор/ М а н ь е р,вызывает меня в канцелярию и у нас произошел такой диалог:

"Элизэ!.. хотите,что бы я Вас представил к Ордену "Лежион д,Оннер", так как Вы были в походе,в боях и ранены?"

"Мон Командан... в таких случаях о желании не спрашивают.Каждому награда приятна", - отвечаю ему. Он улыбается и говорит,что бы я прошел в наградной отдел к аджуанту-шефу такому-то /старшему подпрапорщику канцелярии/,взял бы у него анкету и заполнил бы пункты "о прохождении службы".

Поблагодарив любезнаго начальника - через корридор вошел в наградной отдел.Аджуан-шеф любезно дает анкету и спрашивает - "Сколько лет я нахожусь во Французской армии?"

"Четыре года" - отвечаю ему.

"Кель доммаж,мон льеутенант!.. иль - фо этр минимум сенк ан!" /Как жаль! надо быть не меньше как пять лет!/ ответил он и попросил доложить об этом Командану.

Вернулся и доложил.Он посочувствовал и... вследствии такого страннаго закона,столь Высокий и почетный орден - прошел мимо меня....

— • —

Из Китая прилетел в Ханой Командир 5-й роты нашего баталиона,капитан Бессе.Я с ним был в очень хороших взаимоотношениях еще до похода,и в походе разделял тяжести.Как писал раньше - он с высшим образованием, сын консула в Румынии;маленькаго роста,милый и добрый человек и офицером стал случайно. Встретившись в Цитаделе - вдруг слышу от него:

"Элизэ!.. Вы сами виноваты в том,что попали в плен!

"Как-так,мон капитэн?" сурово и оскорбленно спрашиваю его.

"Потому что,Вы напрасно несли раненаго капрал-шефа Колерскаго! Вот Вы выдохлись и отстали... а надо было бросить его и уходить самому!"

Как-то наивно,чисто по-женски,с сознанием своей правоты,говорит он.

- "Если все солдаты будут знать,что будучи ранеными,их не вынесут из боя и бросят на произвол судьбы - то при первой-же перестрелке,они бросят свои позиции и отойдут назад - мон капитэн!" - ответил я ему растягивая слова "для понимания",при этом,став в положение "смирно",но не взяв руку под-козырек.

Этим я ему подчеркнул,что отвечаю официально.

В щегольской темно-зеленой офицерской шинели,глубоко держа обе руки в ея боковых карманах - он повернулся на-каблуках направо и налево,повел по сторонам головой,как-бы ища мысли со-стороны - и потом быстро ответил,словно я "открыл ему америку":

"Вуй вуй!.... Ву-з-авэ резон,Элизэ!" /Дада!... Вы правы!/

"Натюрэльман!" вторю ему,пoдтверждая - и он перешел на другую тему.

Во Французской армии,на взгляд офицера Русской армии - много есть "курьезов",но должен подчеркнуть,что есть много хорошаго,интереснаго и правильнаго.

ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ.

В таком положении "полу-пленных",все пробыли до весны 1946 года,когда из Франции,в Тонкин,прибыла моторизованная дивизия,прославленнаго Героя в северной Африки и при взятии Парижа,Генерала Леклерк.

Часть дивизии высадилась в порту Хайпонг и походным порядком вошла в Ханой,пройдя по главной улицы Поль Берт.Она состояла из чистокровных французов.Надо было видеть восторг французскаго населения,встречавших их,своих избавителей!

Отлично вооруженные,запыленные,в металических касках при полутропической жаре....И здесь мало сказать -

"Кричали женщины "УРА"!
"И в воздух чепчики бросали.....

Всегда пикантныя француженки останавливали танки и камионы с солдатами,обнимали их и щедро угощали разными "апперитивами".

Велико чувство Национальнаго Достоинства и Патриотизма,и оно выпукло,во всю свою мощь,выявляется только в несчастье.И его познаешь только тогда,когда сам видишь и учавствуешь в Народном Торжестве.

— • —

Цитадель посетил Леклерк.Зашел в канцелярию нашего Легиона,что бы познакомится с офицерами.

Высокий,стройный,сухой.Приятная улыбка и внешне - ничего героическаго.Всем нам жмет руки,мягко смотрит в глаза каждому и сразу же подкупает доверием к себе.

Прилетел Генерал Жуан,единственный теперь Маршал Франции.Молодой,склонный к полноте,на вид - барски капризный.К нам в Легион не зашел.

С прибытием французских войск,город Ханой,где были сосредоточены все французы военные и гражданские со всеми их семьями - был разбит на три зоны - французскую,китайскую и аннамитскую.В каждой зоне,военная полиция перечисленных наций - держала внутрений порядок.Всем французским военным был выдан документ о личнсти на четырех языках - английском,французском,аннамитском и китайском,за подписью начальника Амери-

канской армии Полковника Стефана Л.Нордлингер,Командующаго американской авиацией здесь,прилетевшей из Китая и Командующаго войсками в Цитаделе,Французскаго Генерала Де Фруассард Бруассиа.

В этом удостоверении сказано,что выход в город Ханой разрешается с 7-ми утра и до 18-ти,т.е.до 6-ти часов вечера.Рекомендовалось совершенно не посещать района города,находящагося под аннамитским управлением, где было не безопасно.Некоторые солдаты колониальных войск, по привычке,посетили местные кабачки-притоны,так распространенные на востоке и многие не вернулись назад - были убиты,так как по всей стране шел террор местнаго населения над всеми французами.

С марта 1946 года,началась репатриация во Францию бывших пленных,их семейств и всех желающих французов из гражданскаго населения.

Индо-Китай вступил в новый этап своей истории,о которой мы,служившие здесь - раньше и не помышляли.... Он стал н е з а в и с и м ы м Государством.

— • —

Со всеми колониальными войсками и своим Легионом - я так же подлежал возвращению во Францию,но,как оказалось - будучи офицером-иностранцем,и поступившим в Легион только "на время войны" /"Ангаже а ля Колони,а пур ла дюре дэ ля герр"/,как говорится в моем послужном французском списке и,согласно закону,я считался "не женатым" /"селибатер"/,следовательно - жену и сына,должен вести на свой счет....

Я был возмущен.Дорога стоила около ста тысячь франков.Рабочий же в те годы получал 12 тысячь франков в месяц.Было о чем подумать,как и возмущаться!

Я немедленно же подал рапорт на имя Главнокомандующаго Французскими войсками на Дальнем Востоке,Генералу Леклерк,в котором указал свое участие в походе,ранения в нем,получение высокой боевой награды и,попутно, кем я был в Русской Императорской Армии и в гражданской войне на юге России в 1918-20годах.

Генерала Леклерк все хвалили,как очень добраго и культурнаго Генерала.Кстати сказать - он принадлежал к какому то аристократическому роду, и когда Франция была окупирована немецкими войсками Гитлера - под фамилией своего слуги,иль садовника "Леклерк" - он бежал в Северную Африку,примкнул к движению Генерала де Голя и возглавил там одну из воинских групп "Свободной Франции".

Пережив сам "потерю Отечества" - он понял мои чувства. 24-го мая 1946 года - по команде,по нисходящей линии - я получил уведомление:- "Юржан.Титр эксепсионнель" -"Спешно.Исключительный случай.Жена и 13-ти летний сын лейтенанта Елисеева,из Индо-Китая во Францию,перевозятся на Государственный счет."

К О Н Е Ц . . .

Всех военных "старой армии",с их семьями,на небольших пароходах - перевезли в Сайгон,считавшийся столицей южнаго Индо-Китая. И 22 августа 1946 года,на громадном океанском пароходе "ИЛЬ ДЕ ФРАНС" - отправили первую группу во Францию,в количестве около 7-ми тысячь человек,считая женщин и детей.Через порт Сингапур,Бенгальский залив,порт Коломбо острова Цейлон,Индийский океан,порт Аден,Красное море,Порт Саид - пароход вошел в Средиземное море,где,за 14 лет пребывания в тропических странах - впервые почувствовал так приятное дыхание свежаго ветерка и впервые выпил нормальную холодную воду.К своему удивлению и радости - со входом в Средиземное море - у меня прекратились приступы тропической малярии,и не появились до настоящаго времени.

РОДИНА - великая вещь для всякаго патриота. Когда "Иль де Франс" вошел в Средиземное море - все отделения палубы были переполнены ликующим народом. Все смотрели только на запад, словно стараясь как можно скорее увидеть берега своей Прекрасной Франции. Смотрел туда, на запад, и я, и моя семья. И если Франция не была "нашей родиной" - то события последних лет во Французской армии, как и жизнь в среде веселаго дружественнаго и культурнаго класса французскаго общества - тесно сблизили всю мою семью с Францией. К тому же - наш сын родился в Париже.

Пароход тихо вошел в знаменитый Французский портрт ТУЛОН, в величественный город ТУЛОН, широчайше раскинутый на возвышенностях всех заливов. И надо было видеть "встречу родных", что бы испытать счастье всех.

У нас не было родных, но официальныя военныя и благотворительныя учреждения - полностью заполнили их. Оформление документов, выдача всевозможных подарков - глубоко радовали душу. Документы, в которых говорилось, что раненым в бою попал в плен к японцам, был "в камп репресай", потерял все свое имущество разграбленное аннамитами /квартиру/ - "аян де ките вон фойе - аян этэ пилле" и репатриированный "с хронически полюдизмом" и "Анемие" - широко открывали мне и моей семье дорогу для внимания. В тропическом костюме, с высоким боевым Орденом на груди "КРУА де ГЕРР" 2-й степени и в нарядном красном "кепи Легиона", разшитаго золотыми галунами - все это только усиливало внимание со стороны.

Должен подчеркнуть, что во Французской Армии, Иностранный Легион считается образцовой воинской организацей, в который стремились служить лучшие французские офицеры. Рядовой же состав и сержанты - были исключительно иностранцы. Преобладали немцы. Легионеров, чистокровных французов и англичан - были, буквально, единицы.

2-3 дня в Тулоне - и 2-м классом экспресса - с семьей прибыл в Париж, из котораго выехали в 1933-м году. Было так интересно побывать на старых пепелищах и повидаться с многочисленными друзьями-казаками. Это было в первых числах ноября 1946 года.

Новое представление гарнизонному начальству. Всем даден четырех-месячный отпуск, с сохранением содержания. Я лечился и отпуск мне продлили еще на два месяца.

5-го апреля 1947-го года приказано явиться в казармы "Эколь Миллитэр", что против Эйфелевой Башни, "для демобилизации". Собралось много подлежащих ей. И "военная сказка" закончилась так беднично, так серо, так, даже, оскорбительно: - В ашарпанной канцелярии очень старых казарм, самые обыкновенные писари-чиновники - выдали нам "Фиш де демобилизасион" и послужные списки и сказали - "Вы теперь свободны".

В канцелярии не было ни одного офицера, никто нас не выстраивал, никто нас не поздравлял с окончанием боевой службы своему Отечеству Франции, не было хора трубачей с фанфарами и, даже, не было и единаго слова благодарности....

Здесь были и рядовые солдаты, и сержанты и офицеры разных рангов. Из иностранцев я был единственный. Все приходили, брали свои документы и... совершенно буднично, уходили к себе домой. В их понятии, это, видимо, было "нормально". Мне же было очень странно все это видеть и ощущать в своем сердце, как и в своей голове. Демобилизационный лист за №27053 - "жег" мою душу...

С документами в кармане, через большой и грязный двор - вышел за-ворота. Передо мною знаменитая Эйфелевская Башня, а перед нею, не менее знаменитое "Марсово Поле", на котором мы, казаки Дона, Кубани, Терека, Астрахани и Урала - джигитовали в 1925-м году в громадной труппе Генерала Шкуро, организованной Кубанскими офицерами-джигитами во главе с Есаулом

Саввой Панасенко,прозванной "шестерка",потому,что их было шесть человек.Но и знаменитое тогда "джигитское поле",где происходил "казачий бум" с бубнами,с песнями,с плясками - теперь засажено деревьями и никаких следов не осталось от безсмертной казачьей Славы на коне...

Без своего ОТЕЧЕСТВА - все это есть "суета сует".

Прошли года.11 февраля 1948 года я смотрю в Париже замечательный американский фильм,под названием - "Самые прекрасные годы нашей жизни", в котором показаны сцены возвращения домой,после войны,в свои семьи трех американских героев - капитана,сержанта авиации и рядового матроса.Последний потерял на войне кисти обоих рук.Все они воевали против японцев в Великом океане.

Надо было видеть,как этот фильм так глубоко захватил зрителей.Захватил он больше меня и мою семью,так как я дрался на одном фронте с ними и против одного и того же неприятеля.

После демобилизации - они стали "штатскими людьми" и вынуждены были искать службу.В конце концов,каждый из них устроился не плохо и,под штатским костюмом,сохранил между собою исключительно глубокое воинское товарищество.Конец же фильма исключително интересный: - когда служащие очень недружелюбно отозвались о их былой военной службе и завязалась кулачная драка - они трое "грудью" стали вместе и разогнали всех.

После демобилизации - я так же стал "штатским", а в тот период времени,даже,"безработным",почему этот фильм особенно остро воспринялся мною,как жуткая действительность.И несмотря на большую разницу в нашей судьбе - я,как и они - с особенно теплым чувством вспоминал годы всей своей военной службы и трех войн.И как они - считаю наилучшими годами своей жизни,как вступивший на военную службу в 1910-м году,по глубокому влечению моего сердца.

К о н е ц.

— • —

После "перемирия" - из Парижа пришло распоряжение: - "Всем воинским чинам в Индо-Китае,начиная от сержантов и кончая генералами - донести по команде - что каждый сделал с момента атаки японцев и до перемирия"?

Не связанный военной карьерой во Французской армии, пользуясь своим кратким дневником - я написал 168 страниц печатью "через строчку",т.е. то,что описано здесь,кроме моих разсуждений,теперь вставленых.Рапорт-описание закончил в августе 1945 года,в Цитаделе. -получил-

24 декабря 1946 года,из Сиди-Бэль-Аббес,Северная Африка,из Депо всех семи полков Легиона,письмо от капитана Бессе,который стал ад,ютантом начальника Депо Полковника Голтье - следующаго содержания:

Шер Ами, - Дорогой Друг.

Ле Колонель м-а коммюнике вотр раппорт кео же трув форт интерессан. /Полковник передал мне Ваш рапорт,который я нашел очень интересный/.

Дальше он пишет,что наш полк награжден "КРУА ДЕ ГЕРР" авек пальм,т.е. ВОЕННЫМ КРЕСТОМ с пальмой /1-й степени/ и "Сертификат" /Удостоверение/ мне высылается.

Письмо это тем ценно,что в своем рапорте,я несколько раз критически отозвался об этом же капитане Бессе,тогда,в походе,бывшим командиром 5-й роты нашего баталиона.Но как умный и воспитанный офицер - он не мог отрицать той правды,о которой я писал в этом своем рапорте-повествовании.Я был удовлетворен и польщен.Заканчивает он письмо почтительным приветом моей супруге-"Бьен аффектюэюзэмэн"-и "Брав Жожо"- сыну.

В 1947 году,мною получены из Сиди-Бель-Аббэс,из Деп Легиона - три Удостоверения:

1.- О награждении нашего 2-го баталиона Орденом КРУА ДЕ ГЭРР 2-й ст.
2.- О награждении нашего 5-го полка КРУА ДЕ ГЭРР 1-й степени и
3.- О награждении меня КРУА ДЕ ГЭРР 2-й степени.Последний наградной лист в золотой обложке,и все с эмлемами ЛЕГИОНА.

Награждение баталиона и полка Орденом КРУА ДЕ ГЭРР выявляются тем, что на Знаменах иметь соответствующую ленту,а все чины их,даже при переводе в другую часть - до самой своей смерти имеют право носить на правом плече "Фуражэр" из цветов полка. "Фуражэр" - подобие аксельбант.

Все это хорошо и приятно в былом,для памяти,для потомства,но - без своего ОТЕЧЕСТВА - нет не только счастья в жизни,но нет и полнаго благополучия.

Написано в 1945-м г.В Ханой,Индокитай.
Напечатано в марте 1960 года. Полковник Елисеев.
Сан Франциско.

Издано в 1966г.в Нью-Иорке. — • —

За последние годы,в Нью-Иорке,мною изданы следующия брошюры:

1.- "История Кубанскаго Войскового Гимна"/2-е издание/ со многими снимками и партитурой Гимна.

2.- "В Храм Войсковой Славы" - Казачьи полки на Кавказском фронте во время 1-й Великой войны 1914-18гг. - Донского,Кубанскаго,Терскаго, Оренбургскаго,Сибирскаго и Забайкальскаго казачьих Войск,с перечислением полков,батарей,пластунских баталионов,бригад и дивизий, с указанием старших начальников и судьба их.Это есть законченный труд в 13 брошюр.

3.- "Генерал Эльмурза Мистулов" - Командующий Терскими казаками против красных осенью 1918 года,когда он и застрелился.На обложке его портрет на боевом коне.

4.- "Рей Сотника Гамалия в Месопотамию в 1916-м году" во главе сотни казаков 1-го Уманскаго полка Кубанскаго Войска,для связи с английскими войсками оперировавшими в Месопотамии.В брошюре 9 портретов Героя Гамалия,начиная с юнкерских лет,офицерских и за 2 месяца до его смерти в 1956 году,под Нью-Иорком.

5.- "На берегах Кубани" - три брошюры из мирной жизни.

6.- "Партизан Шкуро" - две брошюры.

7.- "С Корниловским конным полком Кубанскаго Войска" на берегах Кубани,в Ставрополье и в Астраханских степях осенью 1918-го и весной 1919 годов.Всего 14 брошюр,как законченный труд.

Ко всем брошюрам приложены карты района военных действий и кроки боев.

Следующия брошюры будут из гражданской войны 1919-1920 годов:
1.- "С Хоперцами от Воронежа и до берегов Кубани" - 5 брошюр,
2.- "Лабинцы и последние дни на Кубани".- 14 брошюр.

Ф.И.Елисеев.